История русской словесности древней и новой

БИБЛІОТЕКА
КОВ[illegible] ОТ.ЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.
1085
26

ИСТОРІЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ.

Сочиненіе **А. Галахова.**

С.-Петербургъ. Томъ первый (стр. X+596) 1863. Томъ второй (стр. IV+VII+472) 1868 и 1875.

Рецензія профессора Н. С Тихонравова.

Приступивши къ сочиненію «Исторіи русской словесности», составляющей предметъ нашей рецензіи, г. Галаховъ имѣлъ въ виду написать учебное руководство по исторіи русской литературы для воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній [1]). Въ отношеніи къ допетровскому періоду русской литературы, руководство г. Галахова должно было состоять въ связи съ «Историческою Христоматіею церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ» Ѳ. И. Буслаева, въ отношеніи же къ новому періоду съ «Историческою Христоматіею новаго періода русской словесности», составленною самимъ г. Галаховымъ «Исторія русской словесности», удержавши съ большей или меньшей силою связь съ этими двумя христоматіями, вышла однако далеко за предѣлы школьнаго учебника, уклонилась отъ своей первоначальной задачи и представляется въ настоящее время самостоятельнымъ ученымъ сочиненіемъ, достоинства котораго, равно какъ и появленіе его на Уваровскомъ конкурсѣ, обязываютъ рецензента отнестись къ нему съ строго-научными требо-

[1]) См. предисловіе къ Исторической Христоматіи церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ (1861 г.) профессора Ѳ. И. Буслаева и предисловіе къ разбираемой книгѣ.

ваніями. Если мы, при самомъ началѣ нашей рецензіи, сочли умѣстнымъ припомнить первоначальную задачу сочиненія г. Галахова, которой онъ касается въ предисловіи къ своей книгѣ, то при этомъ мы имѣли въ виду объяснить, на какомъ основаніи при оцѣнкѣ нѣкоторыхъ положеній «Исторіи русской словесности» мы обращаемся къ *Конспекту русскаго языка и словесности, для руководства въ военно-учебныхъ заведеніяхъ*, составленному А. Галаховымъ и Буслаевымъ [1]): въ этомъ *Конспектѣ* означаются (иногда съ большею подробностію, чѣмъ въ *Исторіи русской словесности*) нѣкоторыя основныя положенія, которыми опредѣлился объемъ и метода изложенія историко-литературнаго руководства г. Галахова.

Первый томъ *Исторіи русской словесности*, обнимающій древній ея періодъ и отдѣлъ новаго по XIX-е столѣтіе, вышелъ въ свѣтъ въ 1863 году; первая половина втораго тома, излагающая главнымъ образомъ литературную дѣятельность Карамзина, Жуковскаго и Крылова, появилась въ 1868 г. и, наконецъ, послѣдняя половина втораго тома отпечатана лишь въ 1875 году. Съ 1863 года исторія русской литературы, благодаря многимъ обстоятельствамъ, между которыми не послѣднее мѣсто занимаютъ новыя постановленія о цензурѣ, обогатилась цѣлою массою вновь обнародованныхъ памятниковъ и ученыхъ изслѣдованій. Появилось нѣсколько повременныхъ изданій, спеціально посвященныхъ разработкѣ отечественной исторіи и литературы. Къ *Чтеніямъ въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ Университетѣ*, оказавшимъ великія услуги изученію политической, литературной и бытовой исторіи какъ русской, такъ и общеславянской, присоединились: *Сборникъ петербургскаго историческаго общества*, *Русскій Архивъ*, *Русская Старина*, *Древняя и новая Россія*. Независимо отъ драгоцѣнныхъ историко-литературныхъ матеріаловъ, которые нашли себѣ мѣсто на страницахъ этихъ изданій, въ послѣднія двѣнадцать лѣтъ вышло нѣсколько солидныхъ монографій, касающихся важнѣйшихъ дѣятелей русской литературы и просвѣщенія. Назовемъ изслѣдованія Лонгинова о Новиковѣ, Пыпина, Пекарскаго и Ешевскаго о русскомъ масонствѣ Екатерининскаго времени, покойнаго Пекарскаго о Тредьяковскомъ и Ломоносовѣ (во второмъ томѣ *Исторіи Ака-*

---

[1]) Въ этомъ *Конспектѣ*, изданномъ въ 1852 году, составители должны были, между прочимъ, объяснить: 1) цѣль, направленіе и методу преподаванія; 2) *содержаніе науки и внутреннюю связь ея составныхъ частей;* 2) *какой отдѣлъ науки и въ какомъ объемѣ долженъ быть преподаваемъ.*

деміи Наукъ) и обогащенныя прекрасными учеными комментаріями изданія сочиненій Державина и Хемницера. Критика, конечно, не имѣетъ права заднимъ числомъ ставить въ вину книгѣ г. Галахова то, что она не воспользовалась вновь обнародованными данными; но разбирая въ настоящее время сочиненіе, изданное въ 1863 году, мы должны сдѣлать оговорку, что цѣлые отдѣлы перваго и частію втораго тома «Исторіи русской словесности» и притомъ отдѣлы, посвященные Ломоносову, Державину, Хемницеру, императрицѣ Екатеринѣ II, Новикову и его ученымъ друзьямъ, не удовлетворяютъ уже теперь требованіямъ ученой критики и подлежатъ, при слѣдующемъ изданіи сочиненія г. Галахова, совершенной переработкѣ. Не говоримъ пока о вышедшихъ въ этотъ двѣнадцатилѣтній періодъ ученыхъ трудахъ, посвященныхъ изслѣдованію древней русской литературы и народной словесности: объ этомъ отдѣлѣ рѣчь будетъ впереди.

Рѣшившись не касаться въ нашей рецензіи повѣрки перваго тома «Исторіи русской словесности» тѣми историческими памятниками и изслѣдованіями, которые изданы послѣ 1863 года, обратимъ прежде всего вниманіе на то, какъ самъ г. Галаховъ смотритъ на задачу исторіи литературы и на методу ея изученія: воззрѣніемъ автора на задачу науки и на методу изученія литературы опредѣляются достоинства и недостатки «Исторіи русской словесности». Къ сожалѣнію, разъясненію этихъ основныхъ, существенныхъ вопросовъ науки г. Галаховъ даетъ немного мѣста въ своемъ сочиненіи. Ни «введеніе» къ исторіи словесности, ни «Конспектъ русской словесности», также представляющій, какъ было замѣчено, изложеніе теоретическихъ началъ г. Галахова, не даютъ видѣть въ авторѣ разбираемаго сочиненія особеннаго сочувствія къ тѣмъ задачамъ, надъ разрѣшеніемъ которыхъ давно работала и работаетъ въ настоящее время исторія литературы, и къ той методѣ, которой держится, которою дорожитъ, какъ своимъ лучшимъ завоеваніемъ, эта наука. Повторивши въ своемъ «введеніи» (стр. 1) то опредѣленіе «словесности», которое было сдѣлано Шевыревымъ [1]), г. Галаховъ и въ вопросѣ о методѣ изученія словесности остается вѣренъ этому ученому. «Словесныя произведенія (говоритъ г. Га-

---

[1]) «Слово: *Словесность*, мы употребляемъ только въ двухъ значеніяхъ: или въ смыслѣ совокупности произведеній слова человѣческаго, или въ смыслѣ науки объ этихъ произведеніяхъ» Шевырева, *Исторія русской словесности* изд. 2-е, т. I, стр. VII.

лаховъ на стр. 3 введенія) должны быть разсматриваемы съ двухъ точекъ зрѣнія: исторической и литературной. 1) Такъ какъ литература есть выраженіе жизни, то каждое словесное произведеніе относится, въ большей или меньшей степени, къ тому времени народной жизни, въ которое оно явилось. Отношеніе литературныхъ памятниковъ къ современному имъ состоянію общества образуетъ ихъ историческое значеніе. Опредѣлить это отношеніе значитъ разсмотрѣть памятникъ съ исторической точки зрѣнія.... 2) Такъ какъ литература есть выраженіе мысли въ словѣ, то, кромѣ историческаго значенія, словесныя произведенія представляютъ еще значеніе «литературное», состоящее въ отношеніи ихъ къ требованіямъ *теоріи*, къ законамъ словеснаго искусства. Здѣсь литературный памятникъ, какъ явленіе особое, сличается съ общимъ (родовымъ и видовымъ понятіемъ) и черезъ это сличеніе обнаруживаются его достоинства и недостатки, его приближеніе къ началамъ и требованіямъ искусства или удаленіе отъ этихъ началъ и требованій. По двумъ родамъ словесныхъ произведеній, прозаическому и поэтическому, литературная критика распадается на критику сочиненій прозаическихъ и критику сочиненій поэтическихъ. *Первыя оцѣниваются на основаніи теоріи прозы, вторыя на основаніи теоріи поэзіи*» (стр. 4) [1]). Отъ серьезной критики г. Галаховъ требуетъ, чтобы она занималась «*эстетическою* оцѣнкою поэтическихъ твореній» и руководствовалась «историческимъ методомъ при ихъ изученіи» (томъ I, стр. 576). Первые образцы этой серьезной «литературной» (или въ примѣненіи только къ поэтическимъ произведеніямъ «эстетической») критики авторъ «Исторіи русской словесности» видитъ въ статьяхъ Карамзина «О Богдановичѣ» и Жуковскаго «О баснѣ и басняхъ Крылова», «О сатирѣ и сатирахъ Кантемира»: въ двухъ послѣднихъ знаменитый поэтъ «основываетъ свои сужденія на теоріи и исторіи тѣхъ родовъ сло-

---

[1]) То, что г. Галаховъ называетъ критикою литературною, у професора Шевырева названо изученіемъ *теоретическимъ*. Вотъ его слова: «Словесность, въ смыслѣ совокупности произведеній слова въ какомъ-либо народѣ, мы можемъ изучать двоякимъ образомъ: или, вникая во внутреннюю сущность этихъ произведеній, *объяснять на нихъ общіе законы развитія слова человѣческаго*; такое изученіе называемъ мы *теоретическимъ*; или, сопоставляя ихъ съ историческимъ потокомъ жизни народной, отсюда объяснять ихъ происхожденіе и въ нихъ же самихъ слѣдить за развитіемъ этой жизни: такое изученіе называемъ *историческимъ*». Исторія русской словесности I, стр. XI. Изъ этого отрывка видно однако, что проф. Шевыревъ понимаетъ теоретическое изученіе не въ смыслѣ простой повѣрки разбираемаго произведенія теоріею поэзіи и прозы.

весности, къ которымъ принадлежатъ сочиненія этихъ писателей, другими словами: общее прилагаетъ къ частному, разъясняя притомъ послѣднее сравненіемъ съ другими однородными образцами» (томъ II, стр. 352). «Методу литературныхъ сужденій Жуковскаго, состоявшую въ нисхожденіи отъ общаго къ частному» г. Галаховъ находитъ «согласною съ сущностью и требованіями критики: это начало теоретико-сравнительной методы, требующей знанія и *правилъ искусства и превосходнѣйшихъ его твореній*» (тамъ же, стр. 222). «*Законы* искусства» и «*превосходнѣйшія* творенія» классическихъ писателей — вѣрныя примѣты той литературной или эстетической критики, которою опредѣлялись старинные курсы исторіи литературы, уже давно осужденные на забвеніе современною историческою наукою за ихъ антиисторическое направленіе и аристократическій, исключительный характеръ. Г. Галаховъ ставитъ, однако, на видъ читателямъ своей книги, что она «даетъ перевѣсъ первой (исторической) точкѣ зрѣнія» надъ второю — литературною или эстетическою, «*особенно въ новомъ періодѣ словесности*»; что «критика историческая, опредѣляющая дѣятельность автора по ея отношенію ко времени, въ которое она имѣла мѣсто, *гораздо любопытнѣе и плодотворнѣе*» (предисловіе къ Исторіи словесности, стр. I — II). Въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги авторъ признаетъ ничтожество эстетическаго масштаба въ историко-литературномъ трудѣ, замѣчая, напр., что «цѣнить басни Хемницера *только* по ихъ отношенію къ родовому понятію, т. е. къ баснѣ вообще, значитъ *пренебрегать* другимъ, болѣе интереснымъ масштабомъ литературныхъ произведеній, которымъ опредѣляется ихъ отношеніе къ личности автора и къ той средѣ, гдѣ суждено было ему дѣйствовать» (томъ I, стр. 493). Но на самомъ дѣлѣ на всемъ протяженіи обширнаго сочиненія г. Галахова обнаруживается, что авторъ воспитался на «литературной» критикѣ, что къ ней устремлены его предилекціи, что ею опредѣлился выборъ историко-литературнаго матеріала и тотъ видъ, который получила вся исторія допетровской литературы въ его трудѣ. Въ словахъ г. Галахова, что «его книга даетъ перевѣсъ *исторической* точкѣ зрѣнія (надъ литературною, которая оцѣниваетъ разбираемыя произведенія на основаніи теоріи прозы или теоріи поэзіи) *особенно въ новомъ періодѣ* словесности» не заключается-ли признанія, что авторъ Исторіи русской словесности не нашелъ въ нашей допетровской литературѣ особенно интереснаго предмета для своихъ изученій и литературныхъ вкусовъ? что ея часто безличные, чуждые художественности памятники не

имѣли въ глазахъ г. Галахова значенія цѣннаго историческаго матеріала? Не странно-ли, съ другой стороны, въ исторіи допетровской литературы русской давать перевѣсъ литературной точкѣ зрѣнія надъ историческою и оцѣнивать ея памятники, — на основаніи теоріи прозы? Правда, *Конспектъ русскаго языка и словесности*, вѣрный въ этомъ случаѣ «критической методѣ» Жуковскаго, предписывалъ (стр. 76 — 79) заниматься разборомъ путешествій игумена Даніила и Аѳанасія Никитина при изложеніи той части теоріи прозы, которая трактуетъ о «сочиненіяхъ описательныхъ», или изучать поученіе Владимира Мономаха и Домострой Сильвестра въ классѣ теоріи же прозы, при опредѣленіи значенія и свойствъ дидактическихъ сочиненій; но позволительно-ли въ *Исторіи* словесности удерживаться исключительно или преимущественно на этой «*литературной*» точкѣ зрѣнія? Между тѣмъ въ Исторіи русской словесности г. Галахова отвлеченная «литературная» критика получила довольно широкое примѣненіе и дѣйствительно приводила автора къ тому, чего онъ самъ старался избѣгнуть, т. е. заставляла «*пренебрегать* другимъ, болѣе интереснымъ масштабомъ литературныхъ произведеній, которымъ опредѣляется ихъ отношеніе къ личности автора и къ той средѣ, гдѣ суждено было ему дѣйствовать». Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Касаясь сборника проповѣдей Антонія Радивиловскаго *Вѣнецъ Христовъ*, г. Галаховъ обращаетъ вниманіе не на темы, которыя развиваются въ нихъ, не на тѣ современные вопросы, которымъ проповѣдникъ могъ дать въ нихъ выраженіе, но на искусство, съ какимъ проповѣдникъ, развивая тему, вводитъ въ это развитіе добытыя имъ свѣдѣнія. «Символическія толкованія (замѣчаетъ при этомъ г. Галаховъ) обнаруживаютъ бо́льшую или меньшую ловкость ритора. Натяжки являются неизбѣжно при постоянной наклонности къ примѣненіямъ и символизму. Такъ переданная Радивиловскимъ притча о договорѣ между львомъ, лисицей и осломъ — дѣлить добычу по́ровну, страдаетъ именно сближеніями на перекоръ природѣ предметовъ.... Если бы авторъ, желая указать соотвѣтствіе между предметами, ограничился существенными ихъ признаками, тогда бы оно не представило ни затрудненій, ни натяжекъ; но дѣло въ томъ, что онъ не довольствуется существеннымъ, а входитъ въ подробности: ему хочется провести параллель между всѣми свойствами и дѣйствіями двухъ, иногда совершенно разнородныхъ предметовъ» и т. д. (томъ I, стр. 185—186). Проповѣди Симеона Полоцкаго, столь богатыя яркими чертами, характеризующими время, непосредственно предшествовавшее реформѣ

Петра и безспорно составляющее одну изъ любопытнѣйшихъ эпохъ въ исторіи русской жизни, проповѣди, въ которыхъ самъ г. Галаховъ призналъ отголосокъ «тѣхъ потребностей, которыя *дѣйствительно* существовали въ его (Полоцкаго) время» разсматриваются въ исторіи русской словесности преимущественно съ такъ называемой «литературной» точки зрѣнія, хотя и указано, что «воспитаніе, суевѣріе и расколъ — были тремя главными темами поученій Полоцкаго» (томъ I, стр. 225—227). При обзорѣ извѣстной «Исторіи о россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ и стольничьей дочери Нардина Нащокина Аннушкѣ» г. Галаховъ остается на эстетической точкѣ зрѣнія, замѣчая, что эта исторія «больше подходитъ подъ характеръ собственной повѣсти, чѣмъ повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ и слово о купцѣ Басаргѣ», что дѣйствіе развивается (въ ней) легко и естественно, безъ противорѣчій тогдашнему быту; въ каждомъ характерѣ видны его особенныя черты; что составъ простъ, но полонъ, такъ что читатель не остается въ невѣдѣніи ни объ одномъ обстоятельствѣ касательно лицъ, выведенныхъ передъ него авторомъ» (томъ I, стр. 285). При оцѣнкѣ Ѳеофана Прокоповича обращается особенное вниманіе на развитіе «художественнаго элемента въ его словахъ», на «правильность ихъ логической постройки», на скудость въ нихъ «сильныхъ ораторскихъ движеній» (тамъ же, стр. 298) Въ историческихъ трудахъ XVIII вѣка исторія словесности «разсматриваетъ только одну сторону — художественную» (тамъ же, стр. 578). Достоинства и недостатки Ломоносова - оратора и Ломоносова - стихотворца измѣряются тѣмъ же литературно-эстетическимъ масштабомъ, при чемъ Исторія русской словесности обращаетъ вниманіе на то, что обѣ трагедіи Ломоносова — «холодны, бѣдны дѣйствіемъ и характерами»; что «преобладающій въ нихъ элементъ — эпическій и лучшія мѣста принадлежатъ къ описаніямъ или разсказамъ» (тамъ же, стр. 344). Характеризуя комедію Фонъ-визина, г. Галаховъ считаетъ нужнымъ изложить, какіе «многіе» недостатки находила въ ней, и притомъ справедливо, художественная критика» (тамъ же, стр. 413). Касаясь ничтожныхъ «эпическихъ поэмъ» Шихматова и Грузинцева, г. Галаховъ задаетъ себѣ для разрѣшенія вопросъ: «на сколько же поэмы Шихматова и Грузинцева удовлетворяютъ *требованіямъ эпическаго стиля*, законы котораго должны сохранять свою силу и въ искусственномъ эпосѣ?» (томъ II, стр. 158). Даже «Россіяду» Хераскова Исторія русской словесности пытается разсмотрѣть съ эстетической точки зрѣнія, хотя и сознаетъ, что

«Россіяда не принадлежитъ къ числу произведеній, которыхъ художественная оцѣнка могла бы повести къ поучительнымъ выводамъ» (томъ I, стр. 475). Примѣнивши къ этой поэмѣ требованія художественной критики, г. Галаховъ находитъ въ Россіядѣ недостатки дѣйствія, характеристики и чудеснаго: «недостатки дѣйствія: нѣтъ главнаго узла, счастливое разрѣшеніе котораго совершалось бы ходомъ событія; нѣтъ серьезныхъ препятствій, въ борьбѣ съ которыми главное лицо могло бы выказать свою силу»; «недостатокъ въ чудесномъ: оно состоитъ или въ холодномъ олицетвореніи понятій, которое служитъ только риторической прикрасой или въ противосмысленномъ сочетаніи древняго съ новымъ, языческаго съ христіанскимъ» (стр. 476). При оцѣнкѣ басенъ Дмитріева г. Галаховъ обращаетъ вниманіе на «качества, свойственныя этому роду поэзіи», на проявленіе «поэтической стихіи» преимущественно «въ описательныхъ мѣстахъ» этихъ басенъ (томъ II, стр. 186). Къ Дмитріеву не примѣняется другаго масштаба, кромѣ «литературнаго». Вѣрность автора «Исторіи русской словесности» началамъ «художественной» критики, замѣтное (хотя, можетъ быть, невольное) предпочтеніе «литературной» точки зрѣнія исторической оцѣнкѣ особенно рѣзко бросается въ глаза въ характеристикахъ Богдановича и Озерова. При составленіи послѣднихъ, г. Галаховъ руководился тою «теоретико-сравнительною методою», которой держался Жуковскій въ своихъ литературныхъ сужденіяхъ и которую въ статьѣ *«о сатирѣ и сатирахъ Кантемира»* онъ примѣнилъ, по словамъ г. Галахова, слѣдующимъ образомъ: «Еще не приступая къ сочиненію, онъ предварительно излагалъ теорію рода, къ которому это сочиненіе относится. За изложеніемъ *началъ* слѣдовала исторія словесныхъ произведеній, въ которыхъ, *при всемъ разнообразіи*, обнаруживается общность родовыхъ признаковъ. Сказавъ, что такое сатира вообще, критикъ предложилъ характеристику Горація и Ювенала, какъ *образцовыхъ* сатириковъ. Равнымъ образомъ при отчетѣ о трагедіи Грузинцева: *Электра и Орестъ*, онъ сравнилъ ее съ піэсами другихъ трагиковъ, трудившихся надъ тѣмъ же сюжетомъ: Эсхила, Софокла, Еврипида, Кребильона, Вольтера и Альфіери» (томъ II, стр. 222). Исторія русской словесности г. Галахова подходитъ къ трагедіи Озерова съ тѣми же «началами» литературной критики, съ которыми Жуковскій относился къ трагедіи Грузинцева: «цѣлью довольно подробнаго анализа *Эдипа въ Аѳинахъ* въ Исторіи русской словесности «было показать, какъ Озеровъ близокъ къ Дюси и какъ они оба далеки отъ своего первообраза»

(томъ II, стр. 201). Разбирая «романтическую поэму» Богдановича *Душенька*, г. Галаховъ сначала знакомитъ читателей «Исторіи русской словесности» «съ основною идеею миѳа, знаменующаго стремленіе души (Психеи) къ высочайшему благу любви (Купидону)», потомъ касается пересказа этого миѳа Апулеемъ въ *Превращеніяхъ* и наконецъ старается опредѣлить значеніе *Душеньки* значеніемъ Лафонтеновой повѣсти «*Любовь Психеи и Купидона*» (томъ I, стр. 478—480). Придерживаясь при оцѣнкѣ русскихъ классическихъ писателей «теоретико-сравнительной методы» Жуковскаго, г Галаховъ часто долженъ былъ вносить въ свою «Исторію словесности» теорію того литературнаго «рода», къ которому относится разбираемое классическое произведеніе. Въ оцѣнку Державина вносится опредѣленіе оды, отъ которой требуется, «чтобы она, если желаетъ въ настоящее время напоминать свое начальное происхожденіе, — возсоздала музыкальность въ самой себѣ посредствомъ языка и версификаціи» (тамъ же, стр 518). Приступая къ опредѣленію историческаго значенія басенъ Крылова, г. Галаховъ прерываетъ нить историческаго изложенія литературной дѣятельности баснописца, чтобы изложить, съ большими подробностями, статью Якова Гримма *сущность животной басни* (составляющую первую главу *Введенія* къ Reinhardt Fuchs), потомъ отмѣчаетъ «нѣсколько періодовъ» въ развитіи басни, указываетъ «особыя ея характеръ въ каждомъ періодѣ, какъ видоизмѣненіе существенныхъ ея свойствъ» и наконецъ рѣшаетъ, къ какому періоду относятся басни Крылова. Авторъ *Исторіи русской словесности* думаетъ, что «рѣшеніе этого вопроса необходимо для ихъ точнѣйшей характеристики» (томъ II, стр. 299). При изложеніи этихъ общихъ «началъ» г. Галаховъ разбираетъ, по всѣмъ правиламъ литературной критики, Лессингово опредѣленіе басни Результатомъ «литературной» критики басенъ Крылова, сопоставленныхъ, на основаніи «теоретико-сравнительной методы» съ животнымъ эпосомъ нѣмцовъ, Ватрахоміомахіей, средневѣковыми Beispiel и съ византійскими сборниками «эзоповыхъ» басенъ, является выводъ, что Лафонтенъ и Крыловъ справедливо почитаются извѣстнѣйшими представителями того направленія басни «въ которомъ она есть ничто иное, какъ сатира въ повѣствовательной формѣ», гдѣ дѣйствующія лица замѣнены соотвѣтствующими имъ характерами животныхъ» (томъ II, стр. 305). Для оцѣнки «Россіады Хераскова, г. Галаховъ обращается къ опредѣленію «героической поэмы», къ законамъ, коимъ она должна удовлетворять, «будучи эпическимъ

твореніемъ»; къ сравненію съ героическою поэмою Хераскова привлекаются, конечно, героическія поэмы всѣхъ вѣковъ и народовъ: Иліада и Одиссея, Энеида, Нибелунги, Божественная комедія, Освобожденный Іерусалимъ, Лузіада, Потерянный рай.... Примѣненіе къ Россіадѣ теоретико-сравнительной методы показываетъ г Галахову, что «она сшита изъ подражаній Иліадѣ, Энеидѣ, Освобожденнаго Іерусалима и Генріадѣ, и *потому* вышла смѣсью разнообразныхъ элементовъ, не относящихся ни къ опредѣленной національности, ни къ опредѣленной исторіи, что *отсюда* всѣ недостатки ея» (томъ I, стр 472—476).

Тѣ общія начала, та теорія поэзіи, которая служитъ г. Галахову при оцѣнкѣ поэтическихъ произведеній мѣриломъ ихъ художественныхъ достоинствъ, не всегда находятся въ связи съ положеніями, «уже вошедшими (по словамъ *Конспекта русскаго языка и словесности*) [1]) въ науку, какъ фактъ, и сдѣлавшіяся общимъ достояніемъ современной образованности». Только что выписанное нами мнѣніе г. Галахова, будто «всѣ недостатки эпической поэмы» Хераскова произошли отъ того, что она «сшита изъ подражаній Иліадѣ и другимъ поэтамъ», конечно не найдетъ себѣ опоры въ воззрѣніяхъ братьевъ Гриммовъ и Вильгельма Гумбольдта, которыя *Конспектъ русскаго языка и словесности* совѣтуетъ «принять въ основаніе» теоріи поэзіи [2]). Въ концѣ своихъ *Эстетическихъ опытовъ*, посвященныхъ преимущественно изученію природы и характеристическихъ свойствъ эпической поэзіи, В. Гумбольдтъ пришелъ къ заключенію, что «героическую эпопею въ наши дни можно съ полнымъ правомъ отнести къ числу невозможностей; что величественный блескъ эпопеи, кажется, угасъ съ закатомъ греческаго солнца» [3]) Вмѣсто такихъ авторитетовъ научныхъ, которыхъ выводы основаны на сравнительно-историческомъ изученіи литературы, г. Галаховъ обращается за руководящими воззрѣніями, или къ такимъ диллетантамъ, какъ Эдуардъ Арндъ [4]) или къ послѣ-

---

[1]) См послѣдній отдѣлъ этой книги «Спеціальный курсъ», стр. 4.

[2]) Тамъ-же, «Спеціальный курсъ», стр. 5.

[3]) См. Wilhelm von Humboldt's Aesthetische Versuche. Erster Theil. Глава XCVI — *Möglichkeit der heroischen Epopee in unsrer Zeit*, S. 339. (По первому изданію книги Braunschweig, 1799).

[4]) Авторъ сочиненій Geschichte der franzosischen Nationalliteratur von der Renaissance bis zu der Revolution и Geschichte der letzten vierzig Jahre, служащей продолженіемъ *Всемірной исторіи* Беккера. Не знаемъ, почему г. Галаховъ пишетъ его *Арндтомъ*.

дователямъ устарѣвшей эстетической школы, въ родѣ Циммермана [1]) или, наконецъ, черпаетъ эти общія положенія изъ вторыхъ и третьихъ рукъ. Такъ, отличія «двухъ трагическихъ системъ», французской и англійской, изложены по Арнду, Циммерману и по тенденціозному предисловію Бенжамена Констана къ его «полуромантической» трагедіи Walstein: конечно, «піитика» Бенжамена Констана, напечатанная лѣтъ 70 тому назадъ, имѣла для своего времени значеніе, какъ протестъ противъ ложноклассической драмы, и Наполеонъ, причислявшій Бенжамена Констана къ тѣмъ, «которые хотятъ писать, вовсе не занимавшись литературой» [2]), едва-ли былъ правъ въ своихъ инвективахъ противъ нея; но въ ученомъ трудѣ, посвященномъ изученію историческихъ судебъ русской словесности, было бы желательнѣе встрѣтить въ настоящемъ случаѣ результаты изслѣдованій такихъ представителей современной историко-литературной науки, какъ Эбертъ, нежели воспроизведеніе отрывковъ изъ полемическаго предисловія къ трагедіи Walstein [3]). При «обзорѣ народной поэзіи» г. Галаховъ обращается за руководящими указаніями не къ твореніямъ Якова и Вильгельма Гриммовъ и ихъ послѣдователей, не къ классическому сочиненію В. Гримма *Deutsche Heldensage* (рекомендованному, замѣтимъ мимоходомъ, «въ Конспектѣ русскаго языка и словесности») [4]) «источниками» для него въ этомъ случаѣ служитъ коротенькій учебникъ Вильмара *Geschichte der deutschen Nationalliteratur*, въ которомъ, по справедливому замѣчанію

---

[1]) Авторъ *Исторіи эстетики* и публичныхъ лекцій, читанныхъ въ Прагѣ, преимущественно для дамъ, и изданныхъ подъ заглавіемъ: *Ueber das tragische und die Tragodie*

[2]) «Benjamin Constant a fait une tragédie et une poétique, disait Napoléon. Ces gens-là veulent écrire et *n'ont pas faits les premières études de littérature.* etc. *Sainte-Beuve, Causeries du lundi* VIII, 310.

[3]) Одинъ изъ первыхъ знатоковъ исторіи романской литературы Эбертъ, основатель спеціальнаго журнала Jahrbuch fur romanische und englische Literatur, издалъ свое сочиненіе *Entwicklungs-geschichte der französischen Tragödie vornehmlich im XVI Jahrhundert* еще въ 1856 году. Оно могло бы представить г. Галахову довольно положительныхъ историческихъ данныхъ для «характеристики трагическихъ системъ Англіи и Франціи». Прекрасная историческая характеристика Англійскаго и Французскаго театра находится въ книгѣ: *Lacroix, Histoire de l'influence de Shakspeare sur le théatre français Bruxelles 1856.*

[4]) Не упоминая мелкихъ статей самого Я. Гримма объ эпосѣ и многочисленныхъ по этому предмету монографій его послѣдователей, укажу на извѣстное сочиненіе Ваккернагеля *Die Abhandlung uber die epische Poesie*, недавно перепечатанное съ дополненіями въ его *Poetik, Rhetorik und Stilistik.*

одного нѣмецкаго ученаго, «чужое хорошее воспринимается съ такою дѣтскою вѣрою, что забываешь объ отсутствіи тамъ и сямъ вѣрной мѣры сужденія» [1]), и кромѣ того тотъ отдѣлъ *Эстетики* Морица Каррьера, который первоначально изданъ былъ подъ заглавіемъ *Das Wesen und die Formen der Poesie* [2]).

Рядомъ съ «литературною» критикою въ *Исторіи русской словесности* идетъ такъ называемая «историческая» критика литературныхъ произведеній. Подъ «историческою» критикою словесныхъ произведеній авторъ разбираемаго сочиненіе не разумѣетъ, впрочемъ, того сравнительно-историческаго изученія словесности, которое господствуетъ въ современной наукѣ исторіи литературы. Въ предисловіи къ *Исторіи русской словесности* авторъ характеризуетъ историческую критику такъ: «Она опредѣляетъ дѣятельность автора по отношенію ея къ времени»... «Главное ея вниманіе обращено на взаимное дѣйствіе литературы и современной эпохи: она показываетъ, какъ эта эпоха отражается въ литературѣ, и какъ литература, въ свою очередь, дѣйствуетъ на понятія эпохи. Въ словесныхъ произведеніяхъ она по преимуществу цѣнитъ ихъ образовательную силу, тѣ понятія и убѣжденія, которыя были ими вносимы въ оборотъ жизни и посредствомъ которыхъ возвышали умственный уровень общества. Авторское *достоинство* измѣряетъ она не *одною* степенью литературнаго искусства, но качествомъ образа мыслей, который сообщаетъ сочиненіямъ извѣстное направленіе. Она требуетъ, чтобы явленія слова, *удовлетворяя эстетическому чувству*, въ то же время содѣйствовали распространенію идей истины и правды, чтобы художественная форма соединялась въ нихъ съ просвѣтительнымъ содержаніемъ». Въ самомъ сочиненіи г. Галахова «историческая» критика является какъ бы противовѣсомъ строгимъ приговорамъ эстетической, «литературной» критики. Такъ г. Галаховъ отказывается осуждать Карамзина за то, что въ «Бѣдной Лизѣ» образъ мыслей героини и ея матери, характеръ ихъ чувствъ не соотвѣтствуетъ крестьянскому быту, и что съ этой стороны дѣйствующія лица не типы, а идеализація, заимствованная у «пасторальной поэзіи»: «строго осуждать за то автора значило бы измѣнять требованіямъ *исторической критики литературныхъ произве-*

---

[1]) *Rudolph von Raumer, Geschichte der germanischen Philologie vorzugsweise in Deutschland, S. 668.*

[2]) *M. Carrière, Aesthetik Die Idee des Schönen und ihre Verwirklichung durch Natur, Geist und Kunst, II, S 441—634*

деній» (томъ II, стр. 171). Такая роль «исторической» критики, какъ регулятора приговоровъ, основанныхъ на критикѣ «литературной», объясняется слѣдующими словами г. Галахова: «Литературныя теоріи подлежатъ также развитію и слѣд. имѣютъ свою исторію: поэтому, при сужденіи о словесныхъ произведеніяхъ съ точки зрѣнія литературной, необходимо держаться также метода историческаго, т. е. показывать ихъ отношеніе къ требованіямъ *современной имъ* литературной теоріи, а не произносить надъ ними *рѣшительный приговоръ* на основаніи позднѣйшихъ, въ наше время господствующихъ теорій. *Такимъ образомъ* опредѣлится временная или «относительная» важность литературныхъ явленій и вмѣстѣ съ тѣмъ покажется, какъ одни изъ нихъ безусловно подчинялись установленнымъ *началамъ*, нерѣдко одностороннимъ и ложнымъ, тогда какъ другія, освобождаясь отъ ихъ вліянія, представляли *геніальные образцы*, послужившіе основаніемъ для постройки болѣе истинныхъ теорій» (томъ I, 4) «Историческая» метода является въ книгѣ г. Галахова какъ бы элементовъ, смягчающимъ ригоризмъ критики «литературной». На первомъ планѣ въ его «Исторіи словесности» остаются писатели и произведенія, «*удовлетворяющіе эстетическому чувству*», «распространители идей истины и добра», писатели, которые «представили *геніальные* образцы, послужившіе основаніемъ для постройки болѣе истинныхъ теорій», однимъ словомъ «классическіе» писатели. Хотя г Галаховъ и осуждаетъ *Опытъ исторіи русской литературы* Греча за то, что въ немъ «писатели распредѣлены по табели литературныхъ ранговъ» и за то, что при оцѣнкѣ писателей въ немъ «обращается большое вниманіе на *предметы* ихъ произведеній» (томъ II, стр. 217); но самъ г. Галаховъ, въ образецъ «историческаго» изученія литературы, указываетъ на такихъ ессеистовъ французской школы, которые въ центрѣ изучаемой эпохи выставляютъ ея всестороннимъ представителемъ *одного* великаго человѣка [1]). Титулъ «классическаго» писателя, закрѣпленный за тѣмъ или другимъ именемъ по преданію, достаточенъ (по мнѣнію г. Галахова) для того, чтобы отвести счастливцу нѣсколько страницъ въ исторіи словесности и возбудить къ нему интересъ въ изслѣдователѣ. «Слава, хотя и превышающая мѣру достоинствъ, не дается напрасно (говоритъ г. Галаховъ) ... Дмитріевъ во все теченіе своей долговременной

[1]) «Ломени, біографъ и критикъ Бомарше, имѣлъ право назвать свою книгу Beaumarchais et *son temps*». *Исторія русской словесности I, стр. 4.*

жизни дорожилъ литературными интересами. Можно разсуждать о томъ, поэтъ-ли онъ или просто стихотворецъ, если-бы такія разсужденія представляли какую нибудь пользу. *Для исторіи литературы гораздо важнѣе то обстоятельство*, что имя Дмитріева стояло на ряду съ именемъ Карамзина, не по одной ихъ дружбѣ, но и по значенію авторскому; что если Карамзинъ образовалъ школу, то и Дмитріевъ не остался безъ многихъ подражателей своему стихотворству; что оба они, *во мнѣніи публики и педагоговъ, получили значеніе классическихъ русскихъ писателей*, идущихъ въ слѣдъ за Ломоносовымъ и Державинымъ» (томъ II, стр. 187). Не слышится-ли въ этихъ словахъ отголосокъ мнѣній тѣхъ старыхъ историковъ литературы, которые «распродѣляли писателей по табели литературныхъ ранговъ»? «Басни Дмитріева (говоритъ въ другомъ мѣстѣ г. Галаховъ) равно служили и литературному и педагогическому интересу. Имъ всегда было готово почетное мѣсто и въ сборникѣ *образцовыхъ произведеній* словесности, и въ книгахъ для дѣтей» (тамъ-же стр. 186). Становясь на такую точку зрѣнія, исторія литературы рискуетъ возвратиться къ тому, чѣмъ она была подъ перомъ писателей, державшихся исключительно эстетической, «литературной» критики: она рискуетъ превратиться въ сборникъ эстетическихъ рецензій, слабо связанныхъ между собою, или представить «литературный» комментарій къ хрестоматіи, выбранной изъ классическихъ писателей, — къ сборнику *образцовыхъ* сочиненій въ родѣ тѣхъ сборниковъ, которые процвѣтали въ пору появленія первыхъ «критическихъ» статей Жуковскаго и въ составленіи которыхъ принималъ участіе и самъ поэтъ. Характеризуя русскихъ проповѣдниковъ начала текущаго столѣтія, г. Галаховъ дѣйствительно останавливается лишь на «лучшихъ» словахъ Августина и Амвросія, такъ что эти страницы «Исторіи русской словесности» (томъ II, стр 387—388) воспроизводятъ только объяснительныя *примѣчанія* къ Русской хрестоматіи, предлагающей *образцы* краснорѣчія и поэзіи.

Въ «Исторіи русской словесности» «историческая» точка зрѣнія играетъ туже роль, которая была ей предоставлена въ критическихъ статьяхъ Бѣлинскаго [1]). «Въ обсужденіе литературнаго памятника съ точки зрѣнія исторической (говоритъ г. Галаховъ) входятъ три элемента: «личный» — отношеніе памятника къ жизни писателя; «національный» — отношеніе его къ современному состоянію народ-

[1]) Сравни напр. Сочиненія Бѣлинскаго часть VI, стр 94 и слѣд

наго быта; «общечеловѣческій» — отношеніе къ общественному состоянію другихъ *государствъ*» (томъ I, стр. 4). На тотъ современный сравнительно-историческій методъ изученія литературныхъ памятниковъ, который уже успѣлъ дать самые плодотворные результаты для исторической науки, въ книгѣ г. Галахова нѣтъ указанія; въ ней онъ не находитъ себѣ примѣненія. Главный предметъ изученія современной исторіи литературы — литературныя произведенія массы, многоразличныя проявленія національности въ словѣ,—не получилъ подобающаго мѣста въ «Исторіи русской словесности» г. Галахова: интересъ эстетическій преобладаетъ въ ней надъ историческимъ, классическіе писатели, избранныя единицы—надъ массою, надъ народомъ. Мы не безъ намѣренія остановились съ особенною подробностію на той точкѣ зрѣнія, съ которой г. Галаховъ смотрѣлъ на наше литературное прошедшее, на той методъ, которою онъ руководствовался при его изученіи: ими опредѣляются всѣ слабыя стороны разбираемаго сочиненія: I, его симпатіи къ одной сторонѣ нашей литературы и несочувствіе къ другой; II, группировка и оцѣнка собраннаго матеріала и наконецъ III, дѣленіе исторіи русской литературы на періоды и характеристика послѣднихъ.

I. Говоря о Карамзинѣ, г. Галаховъ обронилъ между прочимъ опредѣленіе исторіи литературы, назвавши ее «наукою, главный предметъ которой духовныя стремленія лицъ и *народовъ*, выражаемыя словомъ и притомъ въ извѣстной формѣ (?) (томъ II, стр. 41). «Какъ въ слогѣ выражается личность писателя (замѣтилъ онъ въ другомъ мѣстѣ), такъ въ словесности выражается личность народа—«народность» (томъ I, стр. 1). Прочитавши эту фразу, такъ и ожидаешь встрѣтить опредѣленіе: «исторія словесности есть исторія народности (или народной личности), по скольку послѣдняя выразилась въ словѣ». Но г. Галаховъ даетъ ей такое опредѣленіе: «Предметъ исторіи словесности—постепенное развитіе литературы *отъ ея начала* до настоящаго времени, въ связи съ общественною жизнію» (тамъ же, стр. 2). Но гдѣ *начало* литературы? откуда начинать исторію словесности? Приверженцы литературной критики и философской эстетики не любили отодвигать начало литературной исторіи въ слишкомъ далекую древность. Они любовались красотою готоваго художественнаго произведенія, закрывая глаза на тотъ процессъ, результатомъ котораго оно явилось; они не любили подвергать анализу тревожныхъ, не пришедшихъ въ гармонію историческихъ элементовъ; эпохи начатковъ, переходныя эпохи въ исторіи народной жизни не представляли для нихъ никакого интереса.

Исторію французскаго языка напр. они начинали чуть не съ Жуанвиля и быстро пробѣгали весь «варварскій» періодъ средневѣковой французской литературы, начиная отдыхать лишь на эпохѣ *Возрожденія*. Бѣлинскій отмѣчавшій словами: словесность, письменность и литература «три главные періода въ исторіи народнаго сознанія, выражающагося въ словѣ» полагалъ, что «періодъ литературы у всѣхъ новѣйшихъ народовъ начинается собственно съ эпохи изобрѣтенія книгопечатанія», что «до изобрѣтенія книгопечатанія, словесность Европы носитъ на себѣ характеръ письменности, т. е. *разъединенности* и *случайности*», что «если въ средніе вѣка и являлись *великіе люди*, сильные мыслію и упреждавшіе свое время, то они *безплодно* бросали въ мракъ своего времени яркія молніи могучей мысли» [1]). Новая историко-литературная школа, основанная на сравнительномъ изученіи народности, подкрѣпленная надежнымъ руководствомъ сравнительной грамматики и сравнительной миѳологіи индо-европейскихъ народовъ, уже давно выработала убѣжденіе, что «всѣ существенныя основы языка, быта семейнаго и племеннаго, миѳологическихъ и поэтическихъ преданій— составляютъ нераздѣльную собственность всей группы народовъ индо-европейскихъ или арійскихъ, и именно *въ ту отдаленную эпоху*, живая память о которой сохранилась до нашихъ временъ въ древнѣйшихъ гимнахъ и обрядахъ священныхъ книгъ древне-индійскаго племени, извѣстныхъ подъ именемъ *Ведъ* [2])». Эта отдаленная эпоха, когда члены арійской семьи, составляли еще одно нераздѣльное цѣлое, привлекаетъ къ себѣ вниманіе изслѣдователей языка, миѳологіи, поэзіи индо-европейскихъ народовъ; изученіе ея должно было выяснить «первыя основы индо-европейскихъ народностей». Отдаленная эпоха, когда слагались отдѣльныя народности, выдѣлившіяся изъ общей арійской, эпоха, скрывавшая въ себѣ истинныя основы дальнѣйшаго литературнаго развитія народа, получила въ глазахъ изслѣдователей народности высокое значеніе и ея характеристика сдѣлалась существенною частію, необходимымъ введеніемъ въ исторію языка и литературы народа. Основанная на данныхъ сравнительнаго языковѣдѣнія, сравнительной миѳологіи и быта арійской семьи, такая характеристика разъясняетъ древнѣйшія судьбы извѣстной народности, ея первобытную культуру, тѣ основы

---

[1]) Сочиненія Бѣлинскаго XII, 398 — 402.

[2]) Ѳ. И. Буслаева. *Сравнительное изученіе народнаго быта и поэзіи* въ Русскомъ Вѣстникѣ, томъ CI, стр 653—654.

БИБЛІОТЕКА КІЕВ. АКАДЕМІИ

народности, изъ которыхъ развивалась и которыми опредѣляется послѣдующая историческая жизнь народа. Исторія народной словесности въ настоящее время не мыслима внѣ этой связи съ отдаленной національной стариною, внѣ ея связи съ исторіею языка съ одной стороны, съ миѳологіею съ другой. По мнѣнію Макса Мюллера «въ первобытную эпоху между народами и религіями существуетъ такая же тѣсная связь, какая существуетъ между народами и языками: языкъ и религія составляютъ для него истинные элементы, необходимые для образованія народности» [1]). Начало и характеръ народной словесности опредѣляются этими главными факторами народности. Прагматическая исторія русской словесности должна начинаться съ указанія того мѣста, которое занимаетъ русскій народъ въ семьѣ другихъ народовъ; опредѣливши это, изслѣдователь долженъ перейти къ характеристикѣ народной жизни, «культурнаго состоянія» Славянъ до выдѣленія и послѣ выдѣленія ихъ изъ арійской семьи; долженъ объяснить далѣе развѣтвленіе языка славянскаго и распаденіе славянской семьи на отдѣльныя народности вѣрованія и бытъ, развившіяся на общеславянской основѣ и начинавшія новую историческую жизнь послѣ обособленія того или другаго народа въ особое историческое цѣлое. Введенія, приблизительно такого содержанія, признаны необходимою частію исторіи народной словесности. Довольно обширный и удачный опытъ такого введенія въ исторію славянскихъ литературъ, основаннаго на данныхъ сравнительнаго языковѣдѣнія и сравнительной миѳологіи, издалъ недавно профессоръ Грацскаго университета Грегоръ Крекъ подъ заглавіемъ: *Einleitung in die slavische Literaturgeschichte* (Graz, 1874). Въ болѣе сжатыхъ чертахъ отвѣты на указанные нами вопросы находятся во всѣхъ курсахъ *исторіи словесности*, основанныхъ на сравнительно-историческомъ изученіи научныхъ данныхъ. Превосходный образецъ такого *введенія* представилъ *еще въ 1851 году* Вильгельмъ Ваккернагель въ первой главѣ своей *Исторіи нѣмецкой литературы* (эта глава носитъ заглавіе: *Vorgeschichte*). Такой же очеркъ предпослалъ обзору древнѣйшихъ памятниковъ литературы пр. Ягичъ въ своей *Исторіи хорватской и сербской литературы* [2]). Необходимость такого введенія указывается и г. Пыпинымъ въ *Исторіи славянскихъ литературъ*. Г. Галаховъ остается

---

[1]) *Einleitung in die vergleichende Religionswissenschaft, I Halfte, s. 130—131*

[2]) Historya književnosti naroda hrvatskoga i srbskoga. Napisao Jagić Zagreb. 1867, str. 15 sqq.

въ сторонѣ отъ вопросовъ о народности. Его «Исторія русской словесности», послѣ введенія, изъясняющаго значеніе терминовъ *словесность*, *литературная* и *историческая критика* и предлагающаго дѣленіе исторіи русской словесности на періоды, начинается ex abrupto главою *о народной словесности*. Никакихъ опредѣленій славянской народности вообще и русскаго языка въ частности книга г. Галахова не предлагаетъ, такъ что читатель остается въ невѣдѣніи, къ туранской или къ арійской вѣтви языковъ относятся нарѣчія славянскія, хотя въ первой главѣ и упоминается о «тѣсной *связи* славянской миѳологіи съ миѳологіею индо-европейскихъ народовъ» и о томъ, что «славянская миѳологія *сложилась*, безъ сомнѣнія, *изъ трехъ элементовъ, не приведенныхъ еще въ полную извѣстность и не различенныхъ между собою съ должною ясностію:* общаго или индоевропейскаго, племеннаго или славянскаго и собственно-русскаго» (томъ I, стр. 10 — 11). Глава о народной словесности отличается сухостію и отвлеченностію; русскій богатырскій эпосъ далъ Исторіи русской словесности матеріала лишь *на двѣ страницы* [1]). Эстетическая точка зрѣнія не забыта и при его оцѣнкѣ: «героическія, или богатырскія русскія пѣсни не уступаютъ *въ достоинствѣ* такимъ же пѣснямъ другихъ народовъ» (стр. 17). Къ народной русской словесности г. Галаховъ отнесся очень легко. Повторяя слова г. Буслаева, что «эпическій» періодъ духовныхъ русскихъ повѣствованій «*долженъ* разсматриваться исторіею литературы, которая видитъ въ немъ свою прямую принадлежность и останавливается на немъ съ особеннымъ вниманіемъ» (томъ I, стр 101), г. Галаховъ посвятилъ народному великорусскому эпосу лишь нѣсколько страницъ отрывочныхъ замѣчаній: онъ видѣлъ въ народной словесности не откровеніе народности, а болѣе или менѣе *художественное* проявленіе безыскусственнаго творчества. Онъ относитъ южнорусскую народную поэзію, «уступающую *въ древности* великорусскому эпосу», «къ самымъ замѣчательнымъ явленіямъ безыскусственнаго творчества по ея историческому и *эстетическому значенію*» (тамъ же, стр. 208) и потому останавливается на малорусскихъ историческихъ пѣсняхъ гораздо болѣе, чѣмъ на *старомъ* великорусскомъ эпосѣ: послѣдній, можетъ быть, потому и не удостоился такого вниманія со стороны г. Галахова, какимъ онъ почтилъ одно изъ «*самыхъ замѣчательныхъ явленій безыскусственнаго творчества*—южнорусскія

[1]) Лишь въ концѣ перваго тома *Исторіи русской словесности*, по выходѣ въ свѣтъ монографіи проф. Буслаева *Русскій богатырскій эпосъ*, приложено извлеченіе изъ нея.

пѣсни», что великорусскій эпосъ болѣе сохранилъ старины, первобытности, того, чѣмъ особенно дорожитъ историкъ народной культуры. Это отношеніе г. Галахова къ народной русской словесности вполнѣ объясняется тѣми началами «литературной» критики, которыхъ держится авторъ разбираемаго сочиненія. Ученый, которому русская литература наиболѣе обязана распространеніемъ здравыхъ научныхъ воззрѣній на значеніе и методъ разработки народной словесности, такъ характеризуетъ отношеніе къ ней послѣдователей эстетической критики: «Самое вредное въ этихъ эстетическихъ руководствахъ было, такъ сказать, *аристократическое* ихъ направленіе. Не только съ точки зрѣнія эстетической, но и *исторической*, изслѣдователь обращался только къ свѣтиламъ литературы и искусства, и именно къ свѣтиламъ первой величины: выставлялъ великія достоинства Данта и Шекспира, Ломоносова или Державина, и, съ высоты своего эстетическаго трибунала,—вооруженный мнимобезпристрастною критикою,—величаво раздавалъ мелкія награды прочимъ писателямъ, которыхъ удостоивалъ своей эстетической оцѣнки. Что за дѣло было такому выспреннему критику до нашихъ народныхъ пѣсенъ, оскорблявшихъ его утонченный вкусъ, воспитанный въ аристократической обстановкѣ такъ называемыхъ образцовыхъ академическихъ произведеній? Что за дѣло было ему до нашихъ старинныхъ сборниковъ, наполненныхъ поученіями и повѣствованіями на ломаномъ болгаро-русскомъ и польско-русскомъ языкѣ, наполненныхъ сочиненіями, которыя, можетъ быть, вполнѣ удовлетворяли нашихъ грубыхъ предковъ, но къ которымъ нельзя было приложить формулы объ отношеніи художественной идеи къ формѣ, опредѣляемомъ законами его эстетики? И такіе *теоретики-критики* не только не хотѣли знать нашей *письменной старины* и *народности*, но и на самомъ дѣлѣ не знали ни той ни другой, и, своими выспренними взглядами становясь будто бы выше нашей старины и народности, только возбуждали къ той и другой презрѣніе, приведшее къ вредному предразсудку, довольно распространенному еще и теперь, будто можно составить себѣ вѣрное понятіе объ исторіи литературы на изученіи позднѣйшихъ писателей, начиная отъ Кантемира или Ломоносова, безъ основательнаго знанія нашей древней литературы и безъ живѣйшаго сочувствія къ народной словесности» [1]). Имѣетъ ли эта энергическая характеристика недостатковъ «эстетической исторіи литературы» приложе-

[1]) *Историческіе очерки русской народной словесности и искусства* Буслаева *I, 402*

ніе къ разсматриваемому сочиненію, — это покажетъ разборъ древняго періода «Исторіи русской словесности», къ которому мы теперь переходимъ.

Если покойный Шевыревъ своему неоконченному курсу исторіи русской литературы далъ заглавіе *Исторія русской словесности, преимущественно древней*, то г. Галаховъ имѣлъ полное основаніе озаглавить свое сочиненіе *Исторія русской словесности преимущественно новой* До-петровскимъ періодомъ исторіи русской литературы г. Галаховъ, по его собственному сознанію, «менѣе занимался», чѣмъ новымъ. «Изложенію отечественной литературы двухъ послѣднихъ столѣтій онъ далъ» въ своемъ руководствѣ «больше простора: въ это время, виднѣе чѣмъ когда либо, она была орудіемъ культуры, усвоивая и передавая русскому обществу начала западно-европейской цивилизаціи» (Предисловіе, стр II) Разработка и изложеніе до-петровской литературы въ «Исторіи русской словесности» значительно уступаетъ новому періоду и въ количественномъ отношеніи. Г. Галаховъ счелъ даже нужнымъ сдѣлать оговорку: «отсюда не слѣдуетъ однакожь, чтобъ я не питалъ сочувствія къ древнему періоду нашей словесности». Мы не будемъ упрекать автора разбираемой книги въ отсутствіи сочувствія къ древнему періоду нашей литературы. Мы уже имѣли случай замѣтить, что нерасположеніе къ изученію литературы средневѣковой и древней составляетъ характеристическую черту исторіи литературы, построенной на началахъ «литературной» критики. Отсутствіе живаго интереса къ изученію того, что составляло умственное достояніе нашихъ предковъ, указываетъ только на анти-историческое направленіе изслѣдователя. «Въ прежнее время (говоритъ одинъ изъ современныхъ французскихъ ученыхъ) литературная критика далека была отъ того, чтобы, какъ въ наши дни, касаться всего. Въ ней была какая-то стыдливость, удерживавшая ее въ той области, изъ которой она не легко рѣшалась спускаться. Заботясь овладѣть изящнымъ въ его совершеннѣйшемъ проявленіи, она останавливалась тотчасъ, какъ только замѣчала, что оно искажается. Она провела вокругъ себя межи и не думала дѣлать новыхъ завоеваній. Не обращая вниманія на то, что есть по ту и по другую сторону этихъ границъ, она произносила свои приговоры съ догматическою увѣренностію, которая могла находить себѣ оправданіе только въ томъ, что Монтэнь называетъ *l'incuriosité*» *). Такъ объясняетъ

*) *Gidel, Études sur la littérature grecque moderne, Paris, 1866, p. 2.*

французскій ученый отношеніе прежней «литературной» критики къ древнимъ періодамъ литературы. Характеризуя эстетическую обработку исторіи литературы въ отличіе отъ строго исторической, Эбертъ замѣчаетъ. «изслѣдователями-теоретиками» всѣ эпохи слабаго эстетическаго значенія изучались крайне поверхностно и отъ нихъ отдѣлывались нѣсколькими словами порицанія. Ни изученіе ихъ, ни повѣствованіе о нихъ не доставляло эстетическаго наслажденія. Подобнаго рода исторіи литературы даютъ такую-же фальшивую историческую картину, какой фальшивый географическій образъ представляется безпристрастному зрителю въ тѣхъ пластическихъ изображеніяхъ горныхъ хребтовъ, на которыхъ равнины исполнены въ сокращенномъ масштабѣ. Къ тому-же эти такъ называемые историки литературы обращали свой взоръ только на верхушки и быстро перелетали съ одной на другую — наслаждаться красивыми видами. Все изложеніе исторіи литературы, разработанной по началамъ эстетики, *вполнѣ субъективно*.... Только истинно-историческая метода представляетъ ручательство въ безпристрастномъ, объективномъ представленіи хода литературнаго развитія. Она поднимаетъ писателя выше *субъективныхъ вліяній національныхъ, временныхъ и индивидуальныхъ вкусовъ и предразсудковъ*, которымъ и величайшій изъ эстетиковъ приноситъ невольную дань. Конечно это *поднятіе* я отношу прежде всего къ общему изображенію хода литературнаго развитія, которое представляетъ творенія, составляющія эпоху, въ ихъ началѣ, развитіи и слѣдствіяхъ, не имѣя въ виду другой цѣли, кромѣ *историческаго* ихъ пониманія. Только на этомъ пути возможно безпрерывное преуспѣяніе этой науки; въ противномъ случаѣ она будетъ работою Пенелопы» [1]). Субъективная сторона, думаемъ мы, то, что Эбертъ называетъ «временнымъ и индивидуальнымъ вкусомъ и предразсудкомъ» обнаруживается въ томъ предпочтеніи, которое г. Галаховъ отдаетъ новой литературѣ передъ древнею, классическимъ писателямъ передъ народными произведеніями. Если въ былое время, въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія, одинъ изъ приверженцевъ славянофильства рѣшился написать исторію русской словесности *преимущественно древней*, то представителю противуположнаго направленія было естественно взяться за исторію русской словесности *преимущественно новой*. Субъективная односторонность сказывается въ томъ и другомъ сочиненіи въ ущербъ строгому историческому изученію.

[1]) *Ebert, Entwicklungsgeschichte der französischen Tragodie, s. 2*

Г. Галаховъ самъ намекнулъ на этотъ субъективный элементъ своего сочиненія, стараясь отстранить отъ себя упреки въ несочувствіи къ древне-русской литературѣ: онъ чувствовалъ, что эти упреки возможны, законны, что они вызывались не одною начальною половиною перваго тома Исторіи русской словесности, что они готовы были сорваться съ языка у всякаго, кто еще только бралъ въ руки его Исторію словесности и кому знакома была прежняя литературная дѣятельность г. Галахова....

Каковъ бы ни былъ источникъ предпочтительной разработки, въ разбираемомъ сочиненіи, русской литературы двухъ послѣднихъ столѣтій, г. Галаховъ старался дать изложенію нашей до-петровской словесности возможную *внѣшнюю* полноту: онъ не былъ особенно строгъ въ выборѣ матеріала и въ «историческій» обзоръ древняго періода вносилъ много такого, что съ большимъ правомъ могло бы войти въ исторію русской церкви, чѣмъ въ исторію словесности. Обнаруживая во второй части своей книги желаніе строго опредѣлить историко-литературный матеріалъ, дѣлая напр. замѣчаніе, что исторія словесности «разсматриваетъ только прагматическія сочиненія историческія да и въ нихъ одну только художественную сторону» (томъ I, стр. 578), г. Галаховъ становится въ противорѣчіе съ этимъ положеніемъ при изученіи древняго періода русской словесности. Къ «*литературнымъ* произведеніямъ нашимъ въ каждомъ столѣтіи древняго періода» онъ относитъ «законодательные и юридическіе акты, которыми устроивался бытъ государственный и гражданскій» (томъ I, стр. 36). «Церковныя и гражданскія законоположенія и другіе законодательные памятники образуютъ особый отдѣлъ *письменности*», говоритъ г. Галаховъ въ другомъ мѣстѣ, какъ бы отдѣляя ихъ на этотъ разъ отъ *литературныхъ* произведеній въ особую категорію памятниковъ *письменности* (томъ I, стр. 45). Но памятникамъ письменности, которые, какъ увидимъ ниже, г. Галаховъ не всегда отличаетъ отъ литературныхъ произведеній въ строгомъ смыслѣ этого слова [1]), дается не послѣднее мѣсто въ исторіи древняго періода нашей словесности: перечень ихъ помѣщается даже при началѣ каждаго столѣтія. «Русская Правда» разсматривается въ исторіи русской словесности какъ «древнѣйшій памятникъ гражданскаго (?) законодательства», въ которомъ «нельзя искать всѣхъ родовъ и видовъ права»

[1]) Въ лѣтописяхъ, повѣстяхъ и путешествіяхъ древняго періода г Галаховъ видитъ «элементы *письменности* свѣтской» (стр. 45).

(стр. 54). Даже статейные списки отмѣчаются на страницахъ Исторіи русской словесности (стр. 166). Но особенно обильную дань беретъ она съ исторіи церкви. Въ *Конспектѣ русскаго языка и словесности* уже указана была необходимость строго опредѣлить историко-литературный матеріалъ древняго періода. «Само собою разумѣется (говорилось въ *Конспектѣ*), что развитіе богословскихъ вопросовъ, составляющее содержаніе большей части древне-русскихъ произведеній, *не должно входить* въ исторію литературы; *надлежащее имъ мѣсто въ исторіи церкви*» (спеціал. курсъ, стр. 18). Въ самой исторіи словесности древняго періода духовная литература или, какъ выразился г. Галаховъ, «собственно-духовныя» произведенія занимаютъ видное мѣсто. Такъ довольно подробно излагается содержаніе посланій митрополита Никифора о постѣ и о латинской вѣрѣ (полемическое), хотя самъ г. Галаховъ замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ книги, что «въ старой полемической литературѣ нѣтъ мѣста интересу историко-литературному» (стр. 178), Въ «духовной литературѣ XV вѣка выдвигаются, какъ господствующій родъ, посланія (обличительныя напр. Фотія) и поученія» (стр. 93). Вводя въ историко-литературную область житія русскихъ святыхъ, которымъ по праву принадлежитъ въ ней мѣсто, г. Галаховъ замѣчаетъ, что «исторія литературы видитъ въ нихъ, при повѣствуемомъ событіи, отраженіе народныхъ нравовъ, обычаевъ, мыслей и чувствъ» (стр. 65). Но, раздвигая болѣе, чѣмъ слѣдовало, изложеніе «собственно-духовной» литературы древняго періода, г. Галаховъ упоминаетъ лишь вскользь или сообщаетъ неважныя библіографическія замѣтки о такихъ произведеніяхъ, которыя составляютъ несомнѣнное достояніе исторіи древне-русской литературы и обходитъ молчаніемъ существенные вопросы ея. Такое неправильное отношеніе къ историко-литературному матеріалу древняго періода зависѣло *отчасти* отъ характера главныхъ пособій, которыми руководствовался г. Галаховъ, составляя исторію до-петровской словесности. Этими главными пособіями, которыхъ авторъ Исторіи русской словесности слишкомъ строго придерживался, были первые *три* тома *Исторіи русской церкви* Макарія [1]), *Исторія русской сло-*

[1]) Г. Галаховъ въ *Исторіи русской словесности* могъ пользоваться только первыми тремя томами сочиненія преосв Макарія, въ которыхъ исторія русской церкви доведена до 1240 года. Четвертый томъ *Исторіи русской церкви* появился въ 1866 году уже по выходѣ въ свѣтъ первой части сочиненія г. Галахова Изъ Исторіи русской церкви преосв. Макарія (ч. I, стр. 87—90,

весности Шевырева (которую не безъ основанія упрекали за уклоненіе отъ историко-литературнаго матеріала въ область исторіи церкви) и наконецъ отдѣльныя монографіи, напечатанныя въ *Прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. отцевъ* и большею частію принадлежащихъ перу А. В. Горскаго и отчасти преосв. Филарета [1]). Но всѣ эти сочиненія разсматривали свой предметъ исключительно *съ точки зрѣнія исторіи церкви.* Строго-историко-литературный матеріалъ требовалъ отъ г. Галахова знакомства съ другими учеными трудами и кромѣ того, непосредственнаго изученія рукописей, которыми слѣдовало восполнить, повѣрить, осмыслить и оживить скудныя библіографическія указанія Строева, Калайдовича, преосв. Филарета и друг. Капитальными изслѣдованіями Востокова, Горскаго и Невоструева Исторія русской словесности пользовалась въ крайне недостаточной степени. Нѣкоторыя характеристики произведеній, имѣвшихъ несомнѣнное право на вниманіе историка древне-русской словесности, представляютъ только воспроизведеніе замѣтокъ проф. Буслаева, которыми послѣдній сопровождаетъ отрывки изъ этихъ литературныхъ произведеній въ *Исторической христоматіи церковно-славянскаго и русскаго языковъ.* Замѣтки эти въ книгѣ г. Буслаева вполнѣ цѣлесообразны, т. е. достаточны для характеристики рукописи и категоріи памятника, изъ котораго приводится отрывокъ, но совершенно недостаточны для книги, претендующей на названіе *Исторіи русской словесности*; къ тому же эти характеристики иногда совершенно искажаются г. Галаховымъ. Такъ напр. изъ *Христоматіи* проф. Буслаева (стр. 504) г. Галаховъ вноситъ въ Исторію словесности (стр. 75) слѣдующую характеристику *Златой Цѣпи:* «Златая Цѣпь содержитъ въ себѣ выбранныя мѣста изъ толкованій на св. Писаніе и поученій *отцевъ церкви.* Она *не переведена* съ греческаго, *подобно двумъ Святославовымъ сборникамъ*, а составлена изъ статей частію перевод-

---

ч. III, стр. 149 слѣд.) заимствована Исторіею русской словесности характеристика словъ Луки Жидяты и митр. Иларіона (стр. 47), посланія Симона, еп владимірскаго (стр. 63) съ особенною близостію.

[1]) Изъ Исторіи русской словесности Шевырева (ч. II, стр. 114; ч. III, 170—184; III, 201 слд.) и статьи Шевырева въ Москвитянинѣ 1842, № 1, ч. IV, стр. 1) взяты г. Галаховымъ характеристика изложенія Несторовой лѣтописи (стр. 53), дѣятельности Кипріана (стр. 77), Кирилла Бѣлозерскаго (стр. 78) и характеристика духовной словесности XV вѣка (стр. 93) изъ статьи преосв. Филарета характеристика словъ Серапіона (стр. 69) — съ дополненіями.

ныхъ, частію оригинальныхъ русскихъ». Г. Галаховъ не замѣтилъ рѣзкаго противорѣчія между первой и второй половиною своей характеристики *русской* Златой цѣпи XIV вѣка. Этого противорѣчія нѣтъ въ краткомъ опредѣленіи памятника Проф. Буслаевымъ, которое читается такъ: «Златыми цѣпями *въ византійской и латинской литературѣ* назывались сборники, содержащіе въ себѣ избранныя мѣста изъ толкованій на св Писаніе и изъ поученій отцевъ церкви». Такимъ образомъ къ *русской* Златой цѣпи г. Галаховъ отнесъ характеристику *византійскихъ и латинскихъ Цѣпей*, которая не имѣетъ къ нашей никакого примѣненія. Напротивъ проф. Буслаевъ, въ строкахъ, непосредственно слѣдующихъ за выписанными, строго отличаетъ *русскую* Златую цѣпь *XIV вѣка* отъ византійскихъ сборниковъ того же имени говоря: «*Эта рукопись* Златой цѣпи *есть не переводъ съ греческаго оригинала, носящаго тоже названіе, а самостоятельный сборникъ*, въ который вошли частію переводныя, частію же собственно русскія статьи». Очевидно, что самый *составъ*, содержаніе *русской* Златой цѣпи совершенно отличны отъ состава византійскихъ сборниковъ того же имени: дѣйствительно, русская Златая цѣпь есть не иное что, какъ *Златоустъ*, его первоначальная редакція [1]). Сборники словъ на св. Четыредесятницу назывались то *Златыми цѣпями*, то *Златоустами*, а въ свою очередь они стояли въ тѣсной связи съ *Измарагдами* [2]). Мы совершенно согласны съ проф. Буслаевымъ, что русская Златая цѣпь «*по содержанію своему*» есть «*драгоцѣнный* памятникъ русской литературы;» мы не сомнѣваемся, что поученія Златой цѣпи, «представляющія изъ себя одинъ рядъ проповѣдей, говоренныхъ однимъ и тѣмъ же (*русскимъ*) учителемъ церкви» и притомъ передъ людьми «*новопросвѣщенными*», «относится къ отдаленному времени нашей церкви» [3]). Объ немъ однако, кромѣ вышеприведенной невѣрной

---

[1]) См Горскаго и Невоструева, *Описаніе славянскихъ рукописей синод библіотеки, отд. II, 3, 1862 г. стр. 84, 85, 87, 89, 91, 92, 93, 95, 96, 115.* Полагаю, что несовсѣмъ толковая замѣтка писца Златой Цѣпи въ рукописи Царскаго, № 691 (см. Описаніе Строева, стр. 738) относится къ предшествующему памятнику, къ Измарагду, т. е. къ первой части рукописи, а не ко второй. Мнѣ случилось видѣть рукописный Златоустъ XVI вѣка, озаглавленный словами *Златая Цѣпь*.

[2]) См. *Описаніе сл. рукоп. синод. библіотеки томъ IV, стр. 83—116.* Г. Галаховъ относитъ *Златоустъ* и *Измарагдъ* къ сборникамъ однороднаго, *Златую Цѣпь* къ сборникамъ разнороднаго содержанія (стр. 42).

[3]) *Описаніе рукоп. синодальн. библ. IV, 89*

характеристики и перевода *нѣкоторыхъ* отрывковъ, помѣщенныхъ въ Христоматіи Буслаева, находимъ въ Исторіи русской словесности, лишь замѣчаніе, также принадлежащее г. Буслаеву, что «толкованія св. отцевъ на св. Писаніе (помѣщенныя въ Святославовомъ Изборникѣ 1076 г.) послужили образцомъ для сборника Златая цѣпь, въ которомъ тотъ же предметъ получилъ большую полноту и развитіе» (стр. 471). — Даже такое знаменательное явленіе въ исторіи древне-русской жизни и просвѣщенія, какъ попытка Скорины перевести библію на бѣлорусскій языкъ, оцѣнивается въ Исторіи русской словесности (стр. 127—128) незначительною выпискою изъ той же Христоматіи проф. Буслаева (стр. 202). Не исчисляемъ другихъ литературныхъ памятниковъ, о которыхъ вмѣсто полной (хотя бы и краткой) исторической характеристики «Исторія русской словесности» предлагаетъ правда цѣнныя, но отрывочныя и частныя замѣтки проф. Буслаева, носящія на себѣ характеръ учебный, практическій. Если справедливо замѣчаніе проф. Буслаева, что «совокупность всѣхъ примѣчаній его Христоматіи, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ памятниковъ, составляетъ *какъ бы* исторію языка и письменности *въ практическомъ изложеніи*» [1]); то не менѣе справедливо и то, что это практическое изложеніе исторіи языка и письменности, драгоцѣнное и подотворное въ педагогическомъ отношеніи, не можетъ удовлетворять требованіямъ, съ которыми научная критика подходитъ къ прагматической *Исторіи русской словесности*. Не безполезно прибавить, что связанная, по первоначальному плану, съ *Историческою христоматіею церковно-славянскаго и древне-русскаго-языковъ*, Исторія русской словесности г. Галахова находила почему то нужнымъ заносить на свои страницы памятники языка и разсматривать ихъ, какъ важные въ историко-литературномъ отношеніи по содержанію. Такъ она касается Супрасльской рукописи (стр. 46) и грамотъ XIII вѣка, признавая послѣднія «замѣчательными по содержанію (литературному?) и нѣкоторымъ грамматическимъ формамъ» (стр. 74). Это обстоятельство еще болѣе мѣшало строгому опредѣленію историко-литературнаго матеріала въ древнемъ періодѣ русской словесности.

Вообще «Исторія русской словесности» г. Галахова не обнаруживаетъ въ авторѣ серьезной филологической подготовки, которая необходима для изученія литературныхъ памятниковъ древней Россіи

---

1) Предисловіе къ Исторической Христоматіи проф. Буслаева 1861 г.

по рукописямъ, точно также какъ послѣднее, при современной разработкѣ предмета, необходимо для уясненія историческаго хода до-петровской литературы. Скажемъ болѣе: безъ непосредственнаго знакомства съ нашими древними рукописями невозможно, въ настоящее время, воспользоваться съ надлежащею основательностію историко-литературными изслѣдованіями и указаніями, разсѣянными въ такихъ монументальныхъ твореніяхъ, каковы Описаніе рукописей Румянцевскаго Музеума, составленное Востоковымъ, и Описаніе славянскихъ рукописей московской синодальной библіотеки, совершенное трудами Горскаго и Невоструева. Это, можно сказать, краеугольные камни будущей исторіи древне-русской и славянской литературы. Но обширная масса положительныхъ научныхъ выводовъ, разсѣянныхъ въ этихъ классическихъ пособіяхъ, только тогда можетъ сдѣлаться достояніемъ хорошей историко-литературной компиляціи, когда непосредственное знакомство съ неизданными памятниками древней литературы оживитъ и восполнитъ данныя, предлагаемыя въ «Описаніяхъ» Иначе историко-литературная компиляція принуждена будетъ довольствоваться сухими библіографическими данными, безплодными для историческаго труда, или столь же сухимъ перечнемъ главъ, входящихъ въ составъ извѣстнаго литературнаго памятника. Хотя «Исторія русской словесности» г. Галахова и предлагаетъ нѣсколько палеографическихъ данныхъ относительно славянскихъ рукописей (стр. 40); но эти палеографическія свѣдѣнія заимствованы изъ Описанія рукописей Румянцевскаго Музеума и, какъ видно, не были примѣняемы на практикѣ самимъ г. Галаховымъ. Отсутствіемъ непосредственнаго знакомства съ рукописями объясняются неточности, обмолвки и важныя ошибки, очень не рѣдко встрѣчающіяся на тѣхъ страницахъ «Исторіи русской словесности», которыя касаются неизданныхъ памятниковъ древне-русской литературы. Извѣстно, что въ нашей старой словесности было нѣсколько такихъ сборниковъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ свой рѣзко опредѣленный типъ, не допускающій отождествленія или смѣшенія съ другимъ типомъ. Таковы *Златоустъ*, *Торжественникъ*, *Измарагдъ*. Въ составъ этихъ типическихъ сборниковъ входятъ любопытнѣйшіе литературные памятники древней Россіи, богатые многообразными данными для исторіи народнаго быта и обычаевъ, права, поэзіи, миѳологіи. Исторія древне-русской словесности не можетъ обойти этихъ типическихъ сборниковъ, имѣвшихъ каждый свое особое назначеніе и сообразно съ нимъ и особый составъ. Касаясь этихъ сборниковъ, главные періоды развитія

и составъ которыхъ уже достаточно разъяснены въ трудахъ Востокова, Горскаго и Невоструева, Исторія русской словесности г. Галахова смѣшиваетъ *Измарагдъ*, — сборникъ, составленный въ Россіи въ XIV вѣкѣ для чтенія мірянъ, заключающій въ себѣ между прочимъ слова Кирилла Туровскаго и Серапіона и слова, не всегда основательно приписанныя Златоусту [1]), — *съ Златоустами* и даже съ Златоструемъ (стр. 92) [2]). Отъ этихъ типическихъ сборниковъ, представляющихъ особое цѣлое, объединенное одною цѣлью и соблюдающее правильный порядокъ въ расположеніи статей, должны быть отличаемы рукописи, въ которыя случайно вписывались разнородныя сочиненія каждымъ писцомъ по произволу и которыя, хотя и составляютъ сборникъ, но не представляютъ *типа* и потому не могутъ быть и не бываютъ объединены общимъ заглавіемъ. Такіе сборники, *случайно* образовавшіеся отъ соединенія въ одинъ переплетъ разныхъ мелкихъ статей, не обнаруживаютъ даже руки компилятора Ихъ нельзя конечно ставить въ рядъ съ *Златоустами*, *Измарагдами* и т. п Въ Исторіи русской словесности не обращено вниманія на это обстоятельство и, въ ущербъ исторической истинѣ, механическій трудъ писца или переплетчика поставленъ на одну доску съ обдуманнымъ трудомъ стараго русскаго книжника, имѣвшаго опредѣленную практическую и литературную цѣль. По словамъ г. Галахова, «сборники носятъ разныя названія: иногда просто родовое т. е. Изборникъ, иногда же болѣе или менѣе замысловатыя, какъ-то Златая цѣпь, *Пчела*, Златоструй, *Лебедь съ перьемъ*, *Купель душевная*, *Странникъ*» (стр. 41). Смѣемъ

---

[1]) Выводы эти изложены въ *Описаніи рукописей московск. синодальной библіотеки отд. II, 3, стр. 81—83.*

[2]) По изслѣдованіямъ г. Горскаго, хотя въ *Златоустахъ* помѣщаются многія статьи, внесенныя въ *Измарагдъ* (тамъ-же, стр. 83—116); но Златоустъ имѣетъ свою цѣль и свою литературную исторію, совершенно отличныя отъ цѣли и историческаго развитія Измарагда (тамъ-же, стр. 130). Намъ неизвѣстно, чтобы *Златоусты* «обозначались нарицательнымъ именемъ *Златоструевъ*», какъ говоритъ г. Галаховъ. Къ русскимъ сборникамъ, извѣстнымъ подъ названіемъ *Златоуста*, совершенно не прилагается опредѣленіе, которое даетъ имъ г Галаховъ: «это — поученія *одного Іоанна Златоуста* или же разныхъ отцевъ церкви, но преимущественно Златоуста» (стр. 92). Русскій *Златоустъ* преимущественно составленъ изъ поученій *чисто русскихъ*; есть въ немъ и *ложно* приписанныя Златоусту. Здѣсь очевидно смѣшеніе съ *Златоструемъ*. *Златоустъ* не имѣетъ отношенія и къ тому особенному, рѣдко встрѣчающемуся виду *не Симеонова Златоструя*, который указанъ Горскимъ, IV, 736.

увѣрить г. Галахова, что сборниковъ съ заглавіемъ *Странникъ* не существуетъ, хотя есть такія составленныя или сплетенныя изъ нѣсколькихъ статей рукописи, въ которыхъ первыя страницы заняты *Странникомъ* игумена Даніила. *Пчела* также не можетъ быть названа сборникомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ называются этимъ словомъ Златоустъ или Измарагдъ: это антологія, составленная не изъ *статей*, а изъ краткихъ изреченій разныхъ писателей, изреченій, распредѣленныхъ, по содержанію, на отдѣльныя главы или рубрики. Еще страннѣе встрѣтить въ перечнѣ сборниковъ названія: *Лебедь съ перьемъ*, *Купель Душевная* Сборниковъ подъ такими заглавіями совершенно не существуетъ: г. Галаховъ принялъ за особый видъ древне-русскихъ сборниковъ книгу Іоанникія Галятовскаго «*Lebed, opisujacy przyczyny Sekty Mahometa* (s anno), существующую и въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ *Лебедь съ періемъ своимъ, съ дарми божіими Христосъ.... исписуетъ приличности и вины, чего ради долговременно пребываетъ на свѣтъ ересь Махометова*; этотъ переводъ помѣщенъ въ рукописномъ *сборникѣ* библіотеки Толстова [1]). Не это ли ввело въ заблужденіе г. Галахова? Впрочемъ о книгѣ Галятовскаго *Лебедь съ перьемъ своимъ* и даже о русскомъ переводѣ ея упоминаетъ «Исторія русской словесности», говоря о первомъ періодѣ православной полемики съ католиками и уніатами (томъ I, стр. 180). Подобному же недоразумѣнію обязанъ своимъ происхожденіемъ и миѳъ о сборникахъ, озаглавленныхъ словами *Купель душевная* Въ 1684 году справщикъ московской типографіи іеродіаконъ Ѳеофанъ перевелъ «съ польскаго на славенскій ради богобоящихся и житіе свое въ богомысліи препровождати хотящихъ» «древнюю книгу, написанную въ Италіи нѣкоимъ благоговѣйнымъ монахомъ закона св. Венедикта и напечатанную въ Польшѣ латинскимъ и польскимъ языкомъ». Эта-то книга въ переводѣ Ѳеофана носитъ названіе *Купель душевная или ученіе житія духовнаго* [2]). Сборникамъ вообще не посчастливилось въ сочиненіи г Галахова. Извѣстно, что наши предки любили выбирать для себя и соединять въ одну книгу статьи, иногда мелкіе отрывки и отдѣльныя изреченія, почему либо имъ понравившіеся; такимъ сборникамъ «образцовыхъ» сочиненій или любопытныхъ замѣтокъ нерѣдко дава-

---

[1]) Строева и Калайдовича, *Описаніе славянороссійскихъ рукописей* гр. Толстова, *стр. 227, Отд. II, № 26.*

[2]) *Описаніе славянскихъ рукописей московск. синодальной библіотеки, Отд. II, 3, стр. 280.*

ли названіе *Цвѣтниковъ* Такихъ Цвѣтниковъ довольно встрѣчается въ нашихъ старыхъ рукописяхъ, они не имѣютъ опредѣленнаго типа. Выборъ статей и отрывковъ условливался личнымъ вкусомъ древне-русскаго читателя: одинъ составлялъ себѣ *цвѣтникъ* изъ поученій Аввы Дороѳея [1]); другой выбиралъ себѣ «*цвѣты*» изъ хронографовъ и скитскаго патерика [2]), третьему нравились народныя произведенія въ родѣ *Бесѣды трехъ святителей*. Обычай составлять для своего употребленія цвѣтники держался у насъ еще въ прошломъ вѣкѣ [3]). Повѣсти и нравоученія, изложенныя силлабическими виршами, соединялись иногда въ сборникъ и назывались цвѣтникомъ [4]). Въ московской Синодальной библіотекѣ находятся два рукописные *Цвѣтника:* одинъ XVI вѣка, содержащій краткія повѣсти, притчи и поученія; другой составленъ въ 1665 году Семеномъ Васильевымъ Жюлевымъ изъ произведеній большею частію народнаго чтенія. Этотъ послѣдній *Цвѣтникъ* обратилъ на себя вниманіе проф. Буслаева, который въ приложеніяхъ къ своей извѣстной рѣчи *О народной поэзіи въ древне-русской литературѣ* издалъ по списку этого Цвѣтника — *Бесѣду трехъ святителей*. Эту то анѳологію Семена Жюлева Исторія русской словесности г. Галахова отождествляетъ—*съ Синайскимъ Патерикомъ*, на томъ, вѣроятно, основаніи что послѣдній назывался Λειμών или Λειμωνάριον (лугъ) и νεός παράδεισος или νεον παραδείσιον (новый цвѣтникъ). Вотъ собственныя слова г. Галахова: «Въ синодальномъ спискѣ Цвѣтника (1665 года), *называвшагося прежде Синайскимъ патерикомъ* (§ 72) [5]), помѣщенъ самый замѣчательный памятникъ апокрифической литературы «Слово или Бесѣда трехъ святителей» (стр. 249). Мы не безъ намѣренія остановились на этомъ, по видимому, неважномъ смѣшеніи литературныхъ памятниковъ: одна уже возможность предположенія, что *Бесѣда трехъ святителей* входила въ составъ Синай-

---

[1]) Строевъ, *Рукописи славянскія и россійскія, принадлежащія Царскому, стр. 524.*

[2]) Тамъ-же, стр. 539.

[3]) *Цвѣтникъ или собраніе разсужденій изъ Аддисона, Свифта, Галлера* и др. Тамъ-же, стр 614.

[4]) Тамъ-же, стр. 550 (рукопись XVII вѣка)

[5]) Вотъ § 72, на который ссылается въ этомъ мѣстѣ г. Галаховъ: «Подлинникъ Синайскаго Патерика-Лимонарь (т. е. *Цвѣтникъ*), называемый также Духовнымъ Лугомъ, потому что онъ содержитъ въ себѣ повѣствованіе о растеніяхъ небеснаго цвѣтника, и Новымъ Раемъ. Составитель его Іоаннъ Мосхъ». *Исторія русской словесности I, 65.*

скаго Патерика, свидѣтельствуетъ въ пользу высказаннаго нами мнѣнія, что даже для составленія простой компиляціи по исторіи древне-русской литературы необходимо непосредственное знакомство съ рукописями тѣхъ памятниковъ, которые не изданы. Дѣлая выводы или даже предлагая скудную характеристику памятника, извѣстнаго лишь по чужимъ изслѣдованіямъ, легко впасть въ ошибки, непзвинительныя даже въ учебномъ руководствѣ. О *Бесѣдѣ трехъ святителей*, —одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ народной русской литературы, — г. Галаховъ говоритъ слѣдующее: «Въ составъ ея, постепенно разроставшійся, вошли эпизодами нѣкоторыя отреченныя книги: *Сиѳова молитва*, *Адамовъ завѣтъ*, *Исаино видѣніе*, Имена ангеловъ. Не должно обманываться словомъ «книга» т. е. смотрѣть на предметъ, имъ означаемый, по теперешнему о немъ понятію; иногда отреченной книгой называлась небольшая статейка, содержащая въ себѣ нѣсколько словъ» (стр. 249 — 250). Прежде всего должно замѣтить, что отреченной книги *Сиѳова молитва* совершенно не существуетъ ни въ славянскихъ, ни въ греческихъ текстахъ; ея не знаетъ ни одинъ изслѣдователь апокрифической литературы. Въ греческихъ индексахъ ложныхъ книгъ упоминается προσευχὴ Ἰωσήφ, отсюда и въ славянскую статью о ложныхъ книгахъ перешло запрещеніе *Іосифовой молитвы;* съ теченіемъ времени подъ перомъ невѣжественныхъ русскихъ писцовъ, портившихъ и искажавшихъ собственныя имена, вмѣсто. *Іосифова молитва* явилось: *Сифова молитва.* Самая «Молитва Іосифова» не дошла до насъ въ греческомъ текстѣ [1]); неизвѣстно, существовала ли она въ славянскомъ переводѣ. Что касается до *Исаіина видѣнія*, то греческій его текстъ доселѣ не найденъ; славянскаго перевода этого любопытнаго апокрифа, обращавшагося среди болгарскихъ богомиловъ, не могъ найти даже извѣстный славянскій ученый Рачки. Честь ея недавняго изданія принадлежитъ А Н. Попову (1875 г.); до этого времени оно было извѣстно только въ старомъ латинскомъ переводѣ. Что такое *Адамовъ завѣтъ* и въ какомъ отношеніи находится эта «книга» къ другимъ статьямъ объ Адамѣ, неизвѣстно; нельзя также опредѣлить объемъ «Іосифовой молитвы» и «Адамова завѣта», а слѣд. и утвердить, въ какой степени относится къ нимъ замѣтка г. Галахова, что «отреченной книгой называлась иногда статейка въ нѣсколько строкъ».

---

[1]) См. *Fabricii Codex pseudepigraphus veteris testamenti, ed secunda, I, 555, 761 sqq.*

Отсутствіе непосредственнаго знакомства съ рукописями и желаніе дать обзору до-петровской литературы внѣшнюю полноту были причиною не рѣдкихъ искаженій фактовъ и совершенно невѣрныхъ опредѣленій отдѣльныхъ литературныхъ памятниковъ. Приведемъ изъ множества примѣровъ хотя нѣсколько, выбирая самые рѣзкіе [1]). Въ числѣ сотрудниковъ знаменитаго въ исторіи русскаго просвѣщенія новгородскаго владыки Геннадія по составленію полнаго славянскаго списка библіи упоминаются Дмитрій Герасимовъ и Вениаминъ. «Кромѣ того (продолжаетъ г. Галаховъ) Ѳедоръ, новокрещенный Еврей, при митроп. Филиппѣ I перевелъ съ еврейскаго Псалтирь и книгу Есѳирь» (стр. 98 — 99). Первыя девять главъ книги *Есѳирь* въ переводѣ съ еврейскаго, сдѣланномъ притомъ въ концѣ XV вѣка и, почти несомнѣнно, Ѳедоромъ евреемъ, дѣйствительно внесены въ Геннадіевскій списокъ славянской Библіи: обитель послѣдней воспользовался готовымъ трудомъ Ѳедора, распорядившись, чтобы остальныя главы *Есѳири* переведены были съ Вульгаты. Геннадій и не могъ поступить иначе: книги *Есѳирь* въ славянскомъ переводѣ онъ не нашелъ; такого перевода, сколько до сихъ поръ извѣстно, не было [1]); переводъ же первыхъ девяти главъ Есѳири, сдѣланный Ѳедоромъ, былъ уже довольно распространенъ [2]). Г. Галаховъ долженъ былъ припомнить, что Геннадій о Ѳедоровомъ переводѣ псалтиря отзывался какъ о *еретическомъ* и *извращенномъ* и обращавшемся среди современныхъ ему еретиковъ—жидовствующихъ [3]). Отрывки изъ этого мнимаго перевода *псалтиря* уже были напечатаны [4]) и изученіе ихъ показало, что Ѳедоръ еврей перевелъ вовсе не псалтирь, а молитвы еврейскія [5]) что онъ (конечно

---

[1]) Г. Галаховъ утверждаетъ, что въ пергаменномъ сборникѣ XIV вѣка, принадлежащемъ Троицко-Сергіевой Лаврѣ (№ 1), содержатся книги Іисуса Навина, Судей, Руѳи и *Есѳирь* съ нѣкоторыми другими статьями (стр. 35). Это **невѣрно** въ этой рукописи, *оканчивающей лѣтосчисленіе 1193 годомъ*, книги Есѳирь **не** находится; помѣщены только книги *Іисуса Навина, Судей, Руѳи*. Ср. Обзоръ духовной литературы преосв. Филарета, 1-е изданіе, стр. 51

[2]) См. *Разсмотрѣніе рецензій Описанія рукописей синодальной библіотеки Невоструева* въ VII томѣ Сборника Отдѣленія Русскаго языка и словесности Академіи Наукъ

[3]) Въ посланіи къ Іоасафу Геннадій (1489) писалъ: «Ино нынѣшніе жиды *еретическое преданіе* держатъ, *псалмы* Давидовы *или* пророчества испрѣвращены».

[4]) *Ученыя Записки II-го Отдѣленія Академіи Наукъ томъ V, стр. 43* (Описаніе Сборника XV стол. Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря).

[5]) Прибавленія къ Творенію св. отцевъ XXII, стр. 644, А. В. Горскій

въ видахъ безопасной ихъ пропаганды) назвалъ ихъ псалтиремъ и прикрылъ авторитетомъ митрополичьяго благословенія. Какъ переводчикъ «псалтиря», Ѳедоръ еврей былъ не сотрудникъ, а врагъ дѣла Геннадія; онъ лицемѣрно «обновилъ свое сердце отъ стараго закона, отъ вѣры еврейскія». Этому энергическому «жидовину» нужно было дать въ Исторіи русской словесности не то мѣсто, которое отводитъ ему г. Галаховъ, введенный, конечно, въ заблужденіе устарѣвшимъ *Хронологическимъ указателемъ матеріаловъ отечественной исторіи, литературы и т. д.* Строева (1834 г.) и *отчасти* «Обзоромъ духовной литературы». Несомнѣнно, что тому же Ѳедору принадлежитъ важный въ исторіи древне-русскаго просвѣщенія трудъ сличенія славянскаго перевода пятикнижія Моисеева съ еврейскимъ текстомъ и раздѣленіе этого перевода на *параши*—субботнія чтенія [1]). Ѳедоръ еврей былъ лучшимъ *литературнымъ представителемъ жидовствующихъ*. Г. Галаховъ имѣлъ возможность въ настоящемъ случаѣ избѣгнуть ошибокъ и недосмотровъ и внести въ свое обозрѣніе русской словесности и просвѣщенія въ XV вѣкѣ фактъ исправленія славянскаго Пятикнижія по еврейскому тексту, потому что онъ разъяснялся не одинъ разъ и съ полною основательностію [2]). Предлагая исторію свѣтскихъ повѣстей, «народныхъ книгъ» въ древне-русской литературѣ, разбираемое сочиненіе смѣшиваетъ одинъ литературный памятникъ съ другимъ, искажаетъ литературные факты и на этихъ искаженіяхъ основываетъ выводы о вре-

---

замѣтилъ: «*Есть извѣстіе*, что у насъ былъ сдѣланъ и переводъ Псалтиря съ Еврейскаго языка при митроп. Филиппѣ. Около того-же времени, по свидѣтельству Геннадія, архіеп новгородскаго, появляется *свой* переводъ Псалтиря у жидовствующихъ. Можетъ быть, незадолго передъ тѣмъ явился и переводъ книги Есѳири» Опис рук. синод. библ. I, 55. Преосв. Филаретъ въ первомъ изданіи *Обзора* осторожно выражается о томъ, что г. Галаховъ высказываетъ положительно: «*Нынѣ неизвѣстны списки* перевода XV вѣка съ Еврейскаго ни Псалтири, ни Пророковъ Отзывъ Геннадія о переводахъ не препятствуетъ признать ихъ за трудъ новокрещеннаго Еврея Ѳеодора» (стр 102).

[1]) Этотъ важный историко-литературный фактъ уже изложенъ былъ съ достаточною подробностію въ *первомъ* (1857) изданіи *Обзора духовной литературы* преосв. Филарета, стр. 102—103.

[2]) Первый обратилъ на него вниманіе Востоковъ въ *Описаніи рук. Рум. музеума* (стр. 29—31). Подробно съ свойственною ему многосторонностію и глубиною разсмотрѣлъ вопросъ А. В. Горскій въ статьѣ *О славянскомъ переводѣ Пятикнижія Моисеева, исправленномъ по Еврейскому тексту*. Творенія св. отцевъ XIX.

мени появленія «Александріи» въ нашей древней литературѣ. Давняя извѣстность Александріи на Руси такъ доказывается г. Галаховымъ: «Преданіе о народахъ, загнанныхъ Александромъ въ горы, Несторова лѣтопись примѣняетъ къ Половцамъ; другіе лѣтописцы видятъ въ нихъ Татаръ. Разсказъ о Рахманахъ, упоминаемый посланіемъ Василья о раѣ, стоитъ въ спискѣ отреченныхъ книгъ, равно какъ и *басня о царяхъ Гогъ и Магогъ*. Значитъ, Александрія давно была извѣстна нашимъ предкамъ» (стр. 276). Еслибы г. Галаховъ прочелъ Александрію и повѣрилъ ею разсказъ Нестора о нападеніи Половцевъ на Печерскій монастырь, приведшемъ лѣтописцу на память преданіе о нечистыхъ народахъ, запертыхъ Александромъ македонскимъ въ горы; то онъ тотчасъ бы замѣтилъ, что Несторъ въ данномъ случаѣ ссылался не на Александрію, а на другое, совершенно отъ нея отличное сочиненіе, на такъ называемое *Слово* (псевдо)*Меводія патарскаго о послѣднихъ временахъ*, что онъ привелъ изъ этого слова *буквальную* выписку, назвавши даже свой источникъ по имени: «*Мефедіи* же свидѣтельствуетъ о нихъ»; и ниже послѣ разсказа Гюряти Роговича: «Мнѣ же рекшю к Гурятѣ: се суть людье заключенѣ Олександромъ Македоньскимъ царемъ, якоже сказа о нихъ *Мефедіи патарискъ*, глаголя»... [1]) «Разсказъ о Рахманахъ, упоминаемый посланіемъ Василія о раѣ» также не ссылается на Александрію: онъ имѣетъ въ виду не ее, а отреченное *Хожденіе Зосимы въ рай къ блаженнымъ Рахманамъ* [2]). Наконецъ въ спискѣ *отреченныхъ книгъ* до *половины XV вѣка* не упоминается «басня о Гогѣ и Магогѣ»; лишь *въ болѣе позднее время* въ

---

[1]) Литографированное изданіе лѣтописи по Ипатскому списку, л. 169. Профессоръ Сухомлиновъ въ своемъ основательномъ ученомъ трудѣ. *О древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ*, стр. 106—114.

[2]) Занятый вопросомъ *о земномъ раѣ*, «пребывъ много дней во взысканіи исправленія божественнаго закона», новгородскій владыка обратился конечно не къ Александріи, а къ Хожденію *въ земной рай* Зосимы и изъ этого Хожденія взялъ подробность: «*а мѣсто непроходимо есть человѣкомъ*, а верху его Рахмане живутъ». Ср. въ Хожденіи Зосимы: «и видѣхъ стѣну облачну отъ земли до небеси И рече ми облакъ: «Зосимо, человѣче божій! Сквозѣ мя *не проходитъ* ни птица отъ міра сего, ни духъ вѣтренъ, ни солнце, ни превабитель діяволъ; отъ суетнаго міра *никтоже можетъ проити* сквозѣ мя». Ср. изданные мною *Памятники отреченной русской литературы* II, 79 и слѣд. Проф. Буслаевъ также склоняется къ мысли, что *Рахмане* могли быть извѣстны нашимъ предкамъ «особенно изъ апокрифическаго житія пустынника Зосимы». Ср. *Русская Христоматія для среднихъ учебныхъ заведеній* (1870) стр. 161.

число ложныхъ книгъ попало тоже *Слово Меѳодія патарскаго*, на которое ссылался Несторъ, и именно это *слово* (а не Александрія, которая ни въ одномъ индексѣ отреченныхъ книгъ не упомянается) характеризуется въ статьѣ о ложныхъ книгахъ такъ: «*Слово Меѳодія, епископа патарійскаго отъ начатка и до кончины*, въ немъ-же писанъ Мунтъ, сынъ Ноевъ, и три лѣта земли горѣти, *что запечатаны Александромъ, царемъ македонскымъ, Гогъ и Магогъ*». Такимъ образомъ и упоминаніе списка ложныхъ книгъ (и притомъ позднѣйшаго) относится также не къ Александріи. Самой легкой критики, самаго поверхностнаго знакомства съ памятниками, упомянутыми г. Галаховымъ, достаточно было, чтобы открыть путаницу, допущенную въ приведенномъ мѣстѣ Исторіи русской словесности, и совершенно распутать одно за другимъ тѣ основанія, на которыхъ г. Галаховъ утвердилъ свое положеніе, что «Александрія *давно* была извѣстна нашимъ предкамъ». Чтобы лучше охарактеризовать отношеніе автора Исторіи русской словесности къ памятникамъ древне-русской литературы, мы считаемъ полезнымъ сопоставить съ разобраннымъ мѣстомъ книги г Галахова страницу, которую посвящаетъ разбору того же вопроса проф. Ягичъ въ своей Исторіи сербско-хорватской литературы: «Между славянскими народами весьма распространены жизнеописанія Александра великаго, которыя можно раздѣлить на два разряда: однѣ проникли въ славянскую литературу съ нѣмецкаго или латинскаго запада — это Александроида Чешская и Польская; другія перешли въ славянскую литературу непосредственно изъ греческаго текста византійской редакціи — это южнославянскій переводъ, болгарскій или сербскій; во всякомъ случаѣ *первый* переводъ сдѣланъ гдѣ-нибудь на югѣ, и именно на церковно-славянскій языкъ. Этотъ послѣдній разрядъ для насъ очень важенъ. *Рукописи*, въ которыхъ такая Александроида дошла до насъ, — *позднія*, именно XVI — XVIII вѣковъ и заключаютъ въ себѣ большею частью тексты сербской или русской рецензіи О *русскомъ* текстѣ извѣстно, что онъ не что иное, какъ списокъ *съ сербскаго оригинала;* это видно напр. изъ того, что въ русскихъ рукописяхъ, при толкованіи греческаго названія «*драмъ*» удержана прибавка: «по сербскому языку»; а одинъ русскій переписчикъ, не понявши, въ чемъ дѣло, написалъ даже: *сибирскій языкъ*. Въ сербскихъ рукописяхъ упоминается тоже о сербскомъ языкѣ..... Такимъ образомъ остается только вопросъ, непосредственно ли съ греческаго языка былъ сдѣланъ переводъ на сербскій языкъ, или первый славянскій переводъ былъ, можетъ быть, сдѣланъ въ Бол-

гаріи, на древне-болгарскій языкъ? Мы уже упоминали о томъ, что пресвитеръ Григорій, по порученію царя Симсона, перевелъ хронику Іоанна Малалы на славянскій языкъ. Въ позднѣйшихъ спискахъ этой хроники, копіяхъ съ древнѣйшей русской рукописи 1261 г., встрѣчается весьма замѣчательная вставка подъ заглавіемъ: «книгы Олександръ» и это не что иное, какъ переводъ псевдо-Калисѳеновскаго текста греческой Александроиды Еслибъ можно было сказать положительно, что эта вставка неслучайно попала, впослѣдствіи въ Россіи, въ текстъ Григоріева перевода, то мы бы имѣли первый древне болгарскій переводъ греческой александроиды, даже X вѣка. Есть надежда, что на этотъ вопросъ будетъ легче отвѣтить, когда эта вставка изъ хроники Малалы будетъ списана и издана въ свѣтъ. Тогда, вѣроятно, можно будетъ опредѣлить, на столько-ли этотъ сохранившійся вмѣстѣ съ хроникою текстъ — хотя бы это даже и былъ переводъ пресвитера Григорія X вѣка — сроденъ сербскимъ текстамъ, чтобъ можно было смѣло сказать, что сербская Александроида только списана съ этого болѣе древняго болгарскаго перевода, или существуютъ двѣ оригинальныя, славянскія Александроиды, болгарская и сербская. Оставивъ въ сторонѣ этотъ, *до сихъ поръ еще не рѣшенный вопросъ*, возвратимся къ сербской Александроидѣ» [1]). Въ то время, какъ г. Галаховъ на основаніи, вѣроятно, шаткихъ данныхъ, подобныхъ только-что разобраннымъ, приходитъ къ заключенію, что произведенія свѣтской литературы, «народныя книги» стали являться на Руси «въ первую эпоху нашей письменности, что нѣкоторыя изъ нихъ занесены въ древнѣйшіе памятники (XI — XIV) *вполнѣ* или въ отрывкахъ» (стр. 275); Ягичъ, основываясь на критическомъ изученіи рукописныхъ и печатныхъ текстовъ тѣхъ же «народныхъ книгъ», совершенно справедливо замѣчаетъ: «*Теперь еще нельзя вполнѣ опредѣлить, когда* эти сказанія переведены съ греческаго на древне-болгарскій языкъ: до начала ли XII вѣка, пока на славянскомъ югѣ еще господствовала настоящая древне-болгарская литературная дѣятельность, плоды послѣдователей Симеона и богумильства, или уже въ теченіи XIII и XIV вѣковъ, когда цвѣтъ этой литературы перешелъ къ сербскому народу» [2]). Ясно понимая историко-литературное значеніе этихъ памятниковъ, Ягичъ не колеблется сказать:

---

[1]) *Исторія сербско-хорватской литературы. Переводъ съ сербско-хорватскаго* (*Казань, 1871*) стр. 115—117.

[2]) Тамъ-же, стр. 114.

«мы о нихъ упоминаемъ при описаніи древне-сербской литературы, *хотя и не знаемъ*, когда именно они были переведены въ первый разъ» [1]).

3) Только непосредственное знакомство съ неизданными литературными памятниками древней Россіи (а много ли ихъ издано?) могло бы поставить г Галахова въ самостоятельное отношеніе къ пособіямъ, которыми онъ пользовался при составленіи историческаго обзора древне-русской литературы и избавить его отъ путаницы, смѣшенія одного памятника съ другимъ, ссылокъ на памятники несуществующіе и невѣрныхъ опредѣленій содержанія и состава существующихъ Довѣрчиво относясь къ показаніямъ Сахарова, на которыя также трудно полагаться, какъ и на разсказы Макарова о писателяхъ прошлаго вѣка, г. Галаховъ упоминаетъ о рукописяхъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Вождя по жизни*, замѣчая: «Рукописи другихъ старинныхъ сочиненій одинаковаго содержанія съ Домостроемъ извѣстны подъ именемъ *Вождя по жизни*. Отсюда ясно (?), что Домострой соединяетъ въ себѣ поученія, заимствованныя изъ *разныхъ источниковъ*, съ правилами житейской мудрости, добытыми русскимъ здравымъ смысломъ и опытностью» (стр. 142). Но кто видалъ рукописи *Вождя по жизни?* Кому они извѣстны? Гдѣ скрывается этотъ таинственный источникъ Домостроя, это «старинное сочиненіе одинаковаго съ нимъ содержанія?» Мы не встрѣчали его ни въ одномъ изъ знаменитыхъ собраній древнихъ славяно-русскихъ рукописей; о немъ не упоминаетъ ни одинъ каталогъ, ни одно описаніе нашихъ рукописныхъ библіотекъ; о немъ молчитъ и послѣднее изслѣдованіе [2]), посвященное вопросу о происхожденіи древне-русскаго Домостроя, изслѣдованіе, можетъ быть, не удовлетворяющее читателя своими главными выводами, но довольно усердно подбиравшее, по неизданнымъ рукописямъ, все, что могло служить источникомъ Домострою Можетъ быть, когда нибудь дѣйствительно найдется *Вождь по жизни;* тогда оцѣнимъ его и внесемъ въ исторію словесности. Пока это—миѳъ. Или г. Галаховъ говоритъ, что у насъ до XVI вѣка «существовали календари или мѣсяцословы, что видно изъ того же списка запрещенныхъ книгъ: *громникъ*, *молніяникъ*, *колядникъ*» (стр 144) Но ни одна изъ этихъ книженокъ не можетъ назваться календаремъ: это

---

[1]) Тамъ же, стр. 114.

[2]) Проф Некрасова, *Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о происхожденіи древне-русскаго Домостроя, стр. 119 и слѣд*

руководства, научающія гадать по времени, когда гремитъ громъ или падаетъ молнія, или предсказывающія событія на основаніи дней, въ которые празднуется Рождество Христово. «Замѣтокъ о болѣзняхъ и лѣкарствахъ» въ громникѣ, вопреки увѣренію г. Галахова, нѣтъ» (стр. 147). Въ другомъ мѣстѣ г. Галаховъ такъ опредѣляетъ азбуковники. «По составу азбуковника можно судить о важности его значенія въ исторіи древне-русскаго образованія и литературы. Выполняя главное свое назначеніе (возстановлять истинный смыслъ реченій и исправлять ложныя понятія), онъ въ тоже время предлагалъ нашимъ предкамъ *энциклопедію современной науки*. За достоинство *научнаго* содержанія отвѣчали источники: *византійскіе*, *латинскіе* и *польскіе*, которыми онъ пользовался и которые въ эпоху его составленія принадлежали къ числу уважаемыхъ авторитетовъ. На нихъ онъ ссылался въ своихъ толкованіяхъ, изъ нихъ приводилъ выписки и дѣлалъ извлеченія» (стр. 290—291) Эта характеристика азбуковника помѣщена подъ рубрикою: «Литературный языкъ XVI — XVII в. Грамматики и *словари*». Имѣемъ право думать, что характеристика, сдѣланная г. Галаховымъ, касается азбуковника въ томъ видѣ, какой онъ получилъ въ XVI вѣкѣ. Но азбуковникъ не соотвѣтствуетъ приведенной характеристикѣ. Прежде всего онъ не обращается *непосредственно* ни къ *византійскимъ*, ни къ *латинскимъ*, ни къ *польскимъ* источникамъ: вниманіе составителя (или составителей) азбуковника сосредоточено исключительно, нераздѣльно, на тѣхъ памятникахъ славянскихъ и русскихъ, которые обращались на Руси съ древнѣйшаго времени до половины XVI вѣка; азбуковникъ вращается въ кругу *домашняго*, *русскаго* чтенія и не переступаетъ ни разу его границъ. Источниками для него служатъ оригинальныя и переводныя произведенія древне-русской литературы до половины XVI вѣка; ни къ византійскимъ, ни къ польскимъ, ни къ латинскимъ источникамъ прямо онъ не обращается. Посвященный объясненію непонятныхъ словъ, будутъ ли то варваризмы, или архаизмы, онъ вращается, конечно, болѣе въ области переводной, нежели оригинальной славянорусской литературы. На немъ лежитъ яркій отпечатокъ второй половины XVI вѣка. Онъ вызванъ тѣмъ же стремленіемъ поддержать «поисшатавшуюся» русскую старину, которымъ проникнуты Стоглавъ и Домострой. Онъ старается устранить все непонятное въ памятникахъ русской литературной старины; онъ вѣритъ лишь въ силу *ея* авторитета. Онъ также, какъ Стоглавъ и Домострой, вооружается противъ отреченныхъ, «свѣтскихъ» книгъ онъ рѣшается предложить «имена и отреченныхъ книгъ, да не како,

отъ неразумія, кто прочитая ихъ или вѣруяй имъ, прогнѣваетъ Господа Бога: зѣло бо мерзостенъ предъ Господомъ Богомъ всякъ вѣруяй волхвованію и чародѣйству и *звъздочетцамъ* и *планитникамъ* и *шестокрылу и любяй гиомитрию и прочая таковая*» [1]). Онъ осуждаетъ пѣніе подъ музыку по нотамъ, говоря: «Мусикія книжка, въ неи пишетъ пѣсни и кощуны бѣсовскія, ихъже *Латины* приспѣваютъ къ мусикійскимъ органомъ согласію, спрѣчь гудебныхъ сосудъ свирянію и играмъ» [2]). Онъ привязанъ къ русской церковной старинѣ и считаетъ необходимымъ предложить толкованія собственныхъ именъ святыхъ, чтобы будущіе составители похвалъ новоявленнымъ русскимъ святымъ (какъ слышится здѣсь близость къ соборамъ 1547 и 1549 г., канонизовавшимъ русскихъ святыхъ!) имѣли возможность воспользоваться этими толкованіями «Намъ Словяномъ неудобь вѣдома нынѣшняя наша имена... протолкована же вся та быша отъ древнихъ святыхъ любомудрецъ, нѣкая же послѣ и отъ Максима Грека, ради разумѣнія тезоименствъ хотящимъ въ Словянѣхъ составляти тропари и кондаки и каноны новоявленнымъ святымъ въ Россіи: и древніи убо канонотворцы во мнозѣ прилагаху во своихъ слозѣхъ тезоименитства похваляемымъ отъ нихъ святымъ... Творецъ же, не увѣдѣвый толкованія имене святаго, како возможетъ подобное тезоименьство въ слозѣхъ своихъ приложити похваляемому отъ него святому?» [3]). Преслѣдуя любящихъ «гіомитрію и *прочая таковая*», азбуковникъ остается вѣренъ древне-русской наукѣ; онъ черпаетъ свои свѣдѣнія научныя изъ Дамаскина, Іоанна экзарха, Козьмы Индикоплова, Георгія Писида, Хронографовъ, Скитскаго патерика, Священнаго Писанія, Криницы Амартола, Палеи, Златой Цѣпи, Діонисія Ареопагита, житій святыхъ, прологовъ, синаксарей. Вотъ его авторитеты. Онъ воспитанъ древнею русскою литературою; онъ ея толкователь и защитникъ и потому, по справедливому замѣчанію г. Галахова, «многіе памятники народной и письменной словесности находятъ въ азбуковникѣ пособія къ опредѣленію своего содержанія, которое, съ своей стороны, даетъ возможность разъяснять содержаніе азбуковниковъ» (стр. 290—291). Можно ли послѣ этого сказать съ авторомъ «Исторіи русской словесности», что «источники латинскіе и польскіе» въ эпоху его составленія принадлежали къ числу уважаемыхъ автори-

---

[1]) Рукописный азбуковникъ моей библіотеки № 1, л 56 об

[2]) Тамъ-же, л 226.

[3]) Тамъ-же, л 55.

тетовъ?» Можно ли сказать, что на нихъ онъ ссылался въ своихъ толкованіяхъ, приводилъ «выписки и дѣлалъ извлеченія?» Мы воспроизвели перечень источниковъ, со словъ самаго азбуковника, на поляхъ котораго выставлялись обыкновенно источники, которыми онъ пользовался: между ними нѣтъ ни польскихъ, ни латинскихъ [1]). Трудно также утверждать, что «*самыя любопытныя и подробныя* замѣчанія азбуковника относятся къ *грамматикѣ*, такъ какъ она служитъ *главнѣйшимъ предметомъ* его толкованій» (стр. 291). Напротивъ, грамматическія толкованія не выступаютъ въ азбуковникѣ на первый планъ и вовсе не отличаются особенною подробностію: самые источники азбуковника по грамматикѣ были такъ скудны, что онъ могъ позаимствоваться изъ нихъ лишь немногимъ. Самъ г. Галаховъ, разсматривающій азбуковникъ подъ рубрикою словарей и грамматикъ, назвалъ его однако «энциклопедіей современной науки», въ составъ которой «вошли» свѣдѣнія о всѣхъ наукахъ и искусствахъ, начиная съ азбуки и до богословія» (стр. 290). Мы бы назвали азбуковникъ скорѣе реальнымъ словаремъ къ важнѣйшимъ произведеніямъ древне-русской литературы, преимущественно церковной. Грамматическія и филологическія замѣчанія азбуковника дѣйствительно «любопытны», но неподробны и часто крайне наивны по своимъ домысламъ. Въ заключеніе не можемъ не указать на то, что одно только недоразумѣніе могло заставить г. Галахова въ литературѣ объ азбуковникахъ помѣстить статью г. Мордовцева *О русскихъ школьныхъ книгахъ* (стр 292); она дѣйствительно разсматриваетъ «азбуковники», но азбуковники *школьные*, содержащіе въ себѣ главныя черты школьной дисциплины, «школьное благочиніе». Эти школьные азбуковники, написанные большею частію силлабическими стихами, не имѣютъ ничего общаго съ азбуковниками, о которыхъ мы только-что говорили

4) Чтобы показать, что безъ непосредственнаго знакомства съ рукописями трудно, даже для составленія компиляціи, пользоваться такими изслѣдованіями о литературныхъ памятникахъ, какія находятся въ «описаніяхъ» рукописей Востокова, Горскаго и Невоструева, остановимся на предлагаемой г. Галаховымъ характеристикѣ одного изъ важнѣйшихъ памятниковъ древне-русской литературы — «Толковой Палеи». Припомнимъ прежде всего,

---

[1]) Даже въ позднѣйшихъ редакціяхъ *Азбуковника* Востоковъ не указываетъ ни латинскихъ, ни польскихъ источниковъ См *Описаніе рукоп Румянц. Музея*. стр 1—7.

что до самаго конца XV вѣка т. е. до составленія Геннадіемъ полнаго списка славянскаго перевода библейскихъ книгъ (1499), Толковая Палея замѣняла для образованныхъ русскихъ людей библію, такъ что послѣдняя даже называлась *Палеею*. Свой вѣковый авторитетъ Толковая Палея сохранила до самаго начала XVIII вѣка: протопопъ Аввакумъ, воспитанный древнею Русью и ея завѣтной литературою, въ письмѣ къ царю Алексѣю Михайловичу еще ссылался на Палею, какъ на священное писаніе. Этому то произведенію, которое въ области религіозныхъ и художественныхъ идей древней Россіи играетъ роль, можетъ быть, болѣе важную, чѣмъ та, которая принадлежала на западѣ *библіямъ бѣдныхъ* (biblia pauperum) и *историческимъ библіямъ* (Historienbibel), — этому произведенію Исторія русской словесности г. Галахова отказываетъ въ самостоятельномъ существованіи. Вотъ ея слова. «Начальная *часть* хронографа называется «Палеею» (отъ греч. ветхій, «древній»), которая содержитъ въ себѣ ветхозавѣтную исторію, *съ толкованіями отцевъ церкви* и съ добавленіями изъ книгъ апокрифическихъ, и которая составляетъ *нерѣдко* отдѣльное, независимое отъ хронографа сочиненіе» (стр. 51 — 52). Эта характеристика, очевидно, заимствована изъ *Описанія рукописей Румянцевскаго музеума*, составленнаго Востоковымъ (стр. 725 слдд.). Дѣйствительно, въ *Румянцевской рукописи* хронографа 1494 г. начальную часть оной составляетъ Палея. Что же изъ этого слѣдуетъ? Развѣ *Палея* не имѣла своей многовѣковой исторіи? Въ собраніе Румянцевскихъ рукописей попалъ *одинъ малый отрывокъ* изъ *этой исторіи* т. е попалъ одинъ (да и то неполный) списокъ Толковой Палеи, *уже слитый* съ *Хронографомъ;* Востоковъ описалъ *только* этотъ отрывокъ, *только Румянцевскій* списокъ; онъ не имѣлъ въ виду историко-литературной характеристики памятника и той длинной и, прибавимъ, любопытной исторіи, которую Палея пережила въ древней Россіи. Наблюденія, сдѣланныя надъ *однимъ* экземпляромъ, нельзя же возводить въ характеристику *всего* рода, къ которому принадлежитъ этотъ экземпляръ, иначе характеристика окажется непригодною для рода. Такъ случилось и съ характеристикою Палеи, написанною г. Галаховымъ. Перевернувши нѣсколько страницъ книги г. Галахова, мы съ удивленіемъ читаемъ о той же Румянцевской рукописи 1494 г., въ которую Палея входитъ какъ *начальная часть*, «что это не хронографъ, а *вѣрнѣе* — Палея». Собственно г. Галаховъ даже не говоритъ на тѣхъ страницахъ, изъ которыхъ мы заимствовали приведенную характеристику, о Палеѣ, какъ са-

мостоятельномъ памятникѣ; онъ занятъ вопросомъ объ источникахъ Несторовой лѣтописи и касается *Палеи*, какъ начальной части хронографа. И такъ *Палея*, какъ часть хронографа, относится къ сочиненіямъ «разнороднаго содержанія, *преимущественно историческаго*» (стр 51). Но *Палея* — не есть историческое сочиненіе, а *полемическое, богословское* [1]) Лишившись се самостоятельнаго значенія и превратившись въ начальную часть хронографа, г. Галаховъ совершенно превратно понялъ весь памятникъ отъ начала до конца и отодвинулъ его въ область сочиненій, къ которымъ Палея не принадлежитъ, къ которымъ она могла примкнуть только въ XV вѣкѣ, позабывши свою первоначальную задачу, ставши съ нею въ рѣшительное противорѣчіе. *Палея* есть *полемическое* сочиненіе, направленное противъ «жидовина». имѣющее цѣлью оправдать новый завѣтъ и разрѣшить всю ветхозавѣтную исторію въ служебный символъ новаго завѣта. Въ этомъ ея основная идея, которая выдержана Палеею съ замѣчательною послѣдовательностію. Палея не дорожитъ исторической послѣдовательностію разсказа и не имѣетъ ея въ виду: цѣлые отдѣлы ветхозавѣтной исторіи, не поддающіеся символизаціи, она проходитъ молчаніемъ. Она—самостоятельный памятникъ, стройный, проникнутый единою мыслію, она имѣетъ свой строго опредѣленный типъ. Начинаясь Шестодневомъ, Палея оканчивается *началомъ* царствованія Соломона и завершается изреченіями ветхозавѣтныхъ пророковъ и даже языческихъ философовъ о Христѣ. Въ такомъ видѣ представляютъ Толковую Палею древнѣйшіе ея списки [2]). Лишь послѣ многихъ внѣшнихъ наращеній Толковая Палея могла слиться съ хронографомъ. Проводя постоянную параллель между ветхимъ и новымъ завѣтомъ, это полемическое богословское сочиненіе послужило источникомъ — не для Несторовой лѣтописи, какъ говоритъ г. Галаховъ, а для *Слова Иларіона о законѣ, данномъ Моисеемъ*, которое также ведетъ параллель между ветхимъ и новымъ завѣтомъ. «*Палея* (продолжаетъ г. Галаховъ) *сообщила Нестору изложеніе ветхозавѣтной исторіи*, которая включена въ проповѣдь греческаго миссіонера и которая, имѣя библейскую основу, содержитъ въ себѣ много такого, о чемъ не упоми-

---

[1]) Ср. Сухомлинова *О древней русской лѣтописи*, стр. 55

[2]) Харатейные—XIV вѣка Александро-Невской Лавры, отмѣченный проф. Срезневскимъ въ предисловіи къ изданію *Сказаній о Борисѣ и Глѣбѣ*; списокъ 1406 г. Коломенскій, принадлеж. Троицко-Сергіевой Лаврѣ; бумажные—XV вѣка Волоколамскій въ Московской Духовной Академіи и др.

нается въ Библіи, но что есть въ Палеяхъ» (стр. 52). Дѣйствительно въ лѣтописи есть заимствованія изъ Палеи, но не изъ той, о которой говоритъ г. Галаховъ и «которая составляетъ часть хронографа»,— а изъ Палеи краткой, исторической, которая, какъ замѣтилъ еще Востоковъ (стр. 517), «*совершенно отлична*» отъ Толковой Палеи, охарактеризованной г. Галаховымъ эта краткая Палея, не составляющая части хронографа, переведена съ греческаго, какъ доказалъ А. В. Горскій [1]).

Мы показали, на немногихъ примѣрахъ, къ какимъ существеннымъ для историческаго сочиненія недостаткамъ привело г. Галахова отсутствіе непосредственнаго знакомства съ неизданными литературными памятниками древней Россіи. Авторъ Исторіи русской словесности, по видимому, самъ чувствовалъ необходимость обращаться къ рукописямъ для уясненія историческаго хода нашей древней и даже новой литературы. Онъ довольно тщательно указываетъ передъ обозрѣніемъ каждаго столѣтія неизданные памятники письменности, онъ обращается къ каталогу рукописей Царскаго, чтобы взять изъ него указаніе на составъ нашихъ лѣчебниковъ; (стр. 945) [2]) онъ сожалѣетъ, что «намъ неизвѣстны комедіи XVII вѣка, которыя давались въ стѣнахъ училищъ» (стр. 204) [3]);

---

[1]) *Описаніе синодальн. рукописей IV, стр. 597.*

[2]) Г. Галаховъ говоритъ «Врачебная наука излагалась въ лечебникахъ и травникахъ. *Составъ ихъ достаточно показанъ* обширнымъ заглавіемъ одного травника, переведеннаго съ нѣмецкаго какимъ-то «литовскимъ полонянином, родомъ Нѣмчиномъ Любчаниномъ» Но рукопись травника, которую имѣетъ здѣсь въ виду г. Галаховъ, отмѣчена въ каталогѣ Царскаго самимъ Строевымъ, какъ явленіе единичное: «*другаго экземпляра неизвѣстно*» (№ 615) Типическимъ представителемъ нашихъ переводныхъ лѣчебниковъ служитъ такъ называемый «*Прохладный вертоградъ*»; для исторіи народнаго быта и литературы еще болѣе важны *оригинальные* русскіе лѣчебники, въ родѣ тѣхъ, какіе находятся въ рукописяхъ Ундольскаго № 696, и Синодальн. № 480 и 481. Эти сборники представляютъ намъ не изложеніе «врачебной науки», но сводъ практическихъ наставленій, пригодныхъ для всѣхъ важныхъ случаевъ человѣческой жизни. Это настоящіе *вожди по жизни*, которые по интересу бытовыхъ подробностей можно поставить на ряду съ Домостроемъ.

[3]) Замѣтимъ, что *Верше на муку Христову Волковича* (1631 г) предлагаютъ одну школьную драму. Два школьныя дѣйствія (одно представленное во Львовѣ, другое въ Полоцкѣ) находятся въ рукописяхъ Москов синодальной библіотеки «Дѣйство на страсти Христовы списанное» (указанное въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи г Петровымъ и помѣщенное въ одномъ сборникѣ съ піитикою Лаврентія Горки) принадлежитъ, кажется, къ числу кіевскихъ школьныхъ драмъ XVII вѣка.

онъ ссылается на будто бы «уцѣлѣвшія *комедіантскія книги* Наталіи Алексѣевны, младшей и любимой сестры Петра I», чтобы показать, что «сюжетами драмъ, которыя разыгрывались на ея театрѣ, *большею частію служили житія святыхъ*» (стр. 310) [1]). Говоря о развитіи «духовно-назидательнаго стихотворства», онъ заявляетъ что «въ *одномъ* рукописномъ сборникѣ включены виршевая библія, отъ книги Бытія до Апокалипсиса, и виршевое Евангеліе» (стр. 309), хотя, — замѣтимъ мимоходомъ, — ради этого факта не нужно было обращаться къ рукописи. эта виршевая библія издана была въ томъ же столѣтіи. Дѣйствительно безъ изученія рукописей нельзя ознакомиться съ исторіею славянской и древне-русской литературы древняго періода. Памятники литературы духовной, памятники въ строгомъ смыслѣ слова историческіе появились въ печати въ достаточномъ количествѣ, памятники строго-литературные или такіе, безъ которыхъ не можетъ обойтись исторія древней русской литературы, лежатъ большею частію неизданными. Повѣствователь судебъ древнерусской литературы, не обращающійся къ рукописямъ, лишаетъ себя возможности сообщить вѣрныя и самостоятельныя данныя о хронографахъ, палеяхъ, пчелахъ, златыхъ цѣпяхъ, златоустахъ, измарагдахъ, азбуковникахъ, подлинникахъ, лѣчебникахъ, житіяхъ святыхъ, повѣстяхъ оригинальныхъ и переводныхъ, торжественникахъ; отъ его вниманія ускользаетъ и большая часть сочиненій Іоанна, экзарха болгарскаго, Климента, Кирика [2]), Кипріана, Дмитрія Зографа, Григорія Цамблака, Максима Грека [3]), митроп. Ма-

---

[1]) Объ утратѣ *комедіантскихъ книгъ* Натальи Алексѣевны и причинахъ оной говоритъ г Пекарскій (*Наука и литература* I, 429—430) Перечень книгъ, оставшихся послѣ вел. кн. Наталіи, изданъ г Пекарскимъ, смѣемъ думать, несовсѣмъ вѣрно и привелъ поэтому какъ самого П. И. Пекарскаго такъ и г. Галахова къ невѣрному выводу, что «сюжетами драмъ, которыя разыгрывались на ея театрѣ, были большею частію *житія святыхъ*». Въ перечнѣ книгъ, оставшихся послѣ Наталіи Алексѣевны *рядомъ* съ комедіантскими книгами, названы и *житія святыхъ*, но нѣтъ указанія, чтобъ это были драматическія дѣйства. Перечень, напечатанный г. Пекарскимъ, нужно читать такъ: «Разныхъ комедіантскихъ дѣйствъ».... «тетрадь письменная по которой дѣйствовано въ комедіи» (т. е. на театрѣ) За тѣмъ идетъ перечень *не комедій:* «О страданіи св. мученикъ Ксенофонта и Маріи» Житія святыхъ помѣщены здѣсь рядомъ съ комедіями, потому что и тѣ и другія *въ полдесть*. Каталогъ въ XVII и XVIII в. обыкновенно располагался по форматамъ книгъ.

[2]) Извѣстно, что многія мѣста *Впрашанія* Кюрика не напечатаны въ изданіи Калайдовича.

[3]) Произведенія ихъ болѣе описаны, чѣмъ изданы

карія, составителя Великихъ Четіихъ-Минеи, Симеона Полоцкаго [1]), Славинецкаго, Димитрія Ростовскаго и почти вся, полная высокаго историческаго интереса, литература старовѣровъ Выньте живыя и правдивыя характеристики всего этого изъ исторіи допетровской литературы, что останется? Чѣмъ удовлетворится тогда «сочувствіе» къ своему литературному прошедшему, въ которомъ, можетъ быть, «менѣе дѣйствовали начала западно-еврапейской образованности», чѣмъ въ новой литературѣ, но въ которомъ изслѣдователь народности найдетъ полное удовлетвореніе своему историческому интересу и которое на трудъ изслѣдователя отвѣтитъ (по прекрасному выраженію автора Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ) *живыми глаголами?*

II). Изложеніе исторіи до-петровской литературы въ разбираемомъ сочиненіи дѣйствительно представляетъ блѣдные и общіе очерки литературныхъ памятниковъ, не идущіе далѣе внѣшнихъ и часто несущественнымъ признаковъ произведенія, и кромѣ того пересказъ содержанія ихъ. Что напр. означаетъ фраза: «иногда же къ сборнику, переведенному съ греческаго, присоединялись въ послѣдствіи *произведенія* самостоятельныя, какъ напр. въ Пчелѣ по списку XVII вѣка»? (стр. 41) Что за дѣло исторіи литературы, если наши предки отдавали въ одинъ переплетъ съ Пчелою *самостоятельныя* произведенія? Другое дѣло *внутреннія* измѣненія въ переводной Пчелѣ, вставки въ нее русскихъ пословицъ и изреченій, русскія ея передѣлки; но это не присоединеніе къ Пчелѣ (состоящей сплошь изъ отрывочныхъ изреченій разныхъ авторовъ) какихъ то самостоятельныхъ произведеній. Такія характеристики не далеки отъ библіографической номенклатуры. Посмотримъ напр. какъ излагаетъ г. Галаховъ въ своемъ сочиненіи исторію тѣхъ произведеній, въ которыхъ, по его выраженію, «излагались свѣдѣнія о природѣ». Къ этимъ произведеніямъ онъ обращается въ обзорѣ древняго періода нашей словесности нѣсколько разъ, придавая имъ весьма важное значеніе, котораго отъ нихъ въ самомъ дѣлѣ нельзя отнять «Въ концѣ XIV вѣка (пишетъ г. Галаховъ) Дмитрій Зографъ или Зоографъ (что

---

[1]) Составители *Описанія славянскихъ рукописей синодальной библіотеки* замѣчаютъ, что многія подробности проповѣдей Симеона Полоцкаго, касавшіяся современности, исключены изъ печатнаго изданія его *Вечери* (томъ IV, стр. 214). Не говоримъ уже о томъ, что въ рукописяхъ Симеона Полоцкаго указаны латинскія книги, которыми онъ руководствовался.

значитъ живописецъ) перевелъ на славяно-русскій языкъ одно изъ многихъ (?) твореній византійскаго писателя, Георгія Писида, жившаго въ VII вѣкѣ — «Шесть дней творенія (Шестодневъ)» или «Похвала къ Богу о сотвореніи всея твари», поэму, написанную, въ подлинникѣ ямбическими стихами. *Переводъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ сообщалъ грамотнымъ людямъ* того времени *свѣдѣнія о природѣ.* При исключительномъ почти господствѣ духовной словесности, тѣмъ достойнѣе упоминанія тѣ немногіе литературные памятники, которые относились, прямо или косвенно, *къ естествознанію* и могли удовлетворять любознательность нашихъ предковъ» (стр. 81) И только! Для читателя остается совершенно неяснымъ, почему переводъ поэмы Георгія Писида нашла нужнымъ отмѣтить на своихъ страницахъ лѣтопись [1]), и почему за переводъ этой поэмы, «относящейся къ естествознанію», взялся живописецъ или точнѣе иконописецъ, между тѣмъ какъ извѣстно, что «изографы» корсунской школы не отличались стремленіемъ къ естественности и боялись писать «не по подобію». Но будемъ продолжать исторію физіологовъ въ древнемъ періодѣ, можетъ быть, она разъяснитъ намъ значеніе труда Дмитрія Зоографа Къ ней возвращается г. Галаховъ на стр 292: «Статьи о природѣ, помѣщенныя въ сборникахъ Румянцовскомъ и Матицѣ, сообщали любознательнымъ читателямъ древней Руси такъ называемыя «физіологическія» познанія, потому что въ средніе вѣка словомъ «физіологія» означалось изученіе природы вообще, и натуралисты именовались «физіологами». Онѣ *служили дополненіемъ* (?) къ однороднымъ статьямъ Святославова Изборника 1073 года и сборниковъ Кирилла Бѣлозерскаго, къ поэмѣ Георгія Писида и другимъ *немногимъ* источникамъ, по которымъ можно было пріобрѣтать понятія объ Астрономіи, Физикѣ, Натуральной исторіи. Не слѣдуетъ, конечно, искать въ нихъ полноты и системы: это — собраніе *энциклопедическихъ отрывочныхъ свѣдѣній.* Содержаніе ихъ—предметы и явленія природы, *возбуждавшіе особенное вниманіе по своему величію и красотѣ, или по близкому отношенію къ обыденной жизни* Въ Румянц. сборникѣ говорится — о широтѣ и долготѣ земли, о землетрясеніяхъ, стихіяхъ, моряхъ, воздушныхъ перемѣнахъ, составныхъ частяхъ человѣческаго тѣла Всѣ эти свѣдѣнія заимствованы изъ источниковъ византійскихъ.... Хотя подобныя статьи имѣли въ виду передать читателямъ полез-

[1]) Никон. IV, 146, Тат. IV, 313. Объ этомъ важномъ обстоятельствѣ напрасно не упомянулъ г. Галаховъ.

ныя свѣдѣнія или просто удовлетворить врожденную имъ любознательность, однакожъ онѣ не ограничивались практическимъ и *научнымъ* интересомъ И наука, и ея приложенія къ жизни подчинялись господствовавшему въ то время (?) религіозному направленію: почему высшею цѣлію естественныхъ познаній было возвести духъ и мысль отъ творенія къ Творцу, отъ изящества и дивности созданій къ премудрости и благости Создателя Цѣль эта въ точности выражается названіемъ поэмы Георгія Писида «Похвала къ Богу о сотвореніи міра» (стр, 92 — 93). Отмѣтимъ пока въ этой характеристикѣ лишь то, что астрономическія и космографическія свѣдѣнія, въ родѣ тѣхъ, которыя заключаются въ Румянцовскомъ сборникѣ, никогда не входили въ составъ византійскихъ и древне-русскихъ «физіологовъ»; что съ другой стороны содержаніемъ физіолога не были «предметы и явленія природы, возбуждавшіе особенное вниманіе по своему величію и красотѣ», а еще менѣе «по близкому отношенію къ обыденной жизни». Физіологъ трактовалъ *по большей* части о животныхъ и птицахъ баснословныхъ: грифонѣ или ногѣ, харадрѣ, фениксѣ, сиренѣ, драконѣ. Птицы и животныя, стоявшія «въ близкомъ отношеніи къ обыденной жизни», не разсматривались въ старыхъ физіологахъ. Это отчасти признаетъ г. Галаховъ, исчисляя отдѣльныя статьи физіолога, разсѣянныя по рукописнымъ сборникамъ (стр. 244). Одинъ изъ видовъ физіолога, «бестіарій» опредѣляется въ книгѣ г. Галахова такъ: «Характеръ ихъ соотвѣтствуетъ средневѣковому взгляду на природу, соединявшему въ себѣ пытливость ума съ чувствами изумленія и ужаса отъ неизвѣданныхъ силъ и явленій Они представляютъ странную смѣсь *научныхъ познаній* съ баснословными разсказами и символическими толкованіями. *Животныя*, растенія и камни являются *диковинными существами*, полными чародѣйственныхъ силъ и таинственнаго отношенія къ человѣку Чудовищные образы ихъ, увлекая творческую фантазію, дѣлались достояніемъ и средневѣковаго искусства и средневѣковой словесности. Какъ романская архитектура, такъ и поэзія романскаго стиля равно усвоивали себѣ изображенія *символическихъ животныхъ*, которыхъ свойства описывались въ бестіаріяхъ. Между сочиненіями такого рода въ нашей литературѣ XVII вѣка извѣстны: «*Дамаскина* и *Θеодора Студита*[1]) собраніе отъ древнихъ философовъ

[1]) Здѣсьнеудачный домыслъ привелъ г. Галахова къ важнымъ ошибкамъ По видимому, имя автора физіолога Дамаскинъ Студитъ показалось г. Галахову

о нѣкихъ собствахъ естества животныхъ»; «Сказаніе по буквамъ о птицахъ и звѣряхъ . Источники перваго бестіарія указаны въ заглавіи: поэма Георгія Писида, Шестодневъ Василія великаго, книги: *Обѣдъ и Вечеря*» [1]) (стр. 244). Въ этой характеристикѣ бестіарія-физіолога уже замѣтно противорѣчіе сказанному выше: тамъ предметомъ физіолога выставлялись животныя, возбуждавшія вниманіе по своему величію и красотѣ или по близкому отношенію къ обыденной жизни, здѣсь — животныя *символическія*; тамъ онъ только «удовлетворяетъ врожденную человѣку любознательность и имѣетъ интересъ практическій (?) и научный»; здѣсь — онъ приводится въ связь съ средневѣковымъ искусствомъ и романскимъ стилемъ; тамъ въ немъ указывается отсутствіе полноты и системы въ изложеніи свѣдѣній естественно-историческихъ, здѣсь онъ является наполненнымъ «чудовищными образами», «*странной* смѣсью научныхъ познаній съ *баснословными* разсказами и *символическими* толкованіями» Это противорѣчіе понятно: подъ послѣднею характеристикою мы находимъ ссылку на небольшое сочиненіе проф. Буслаева о духовныхъ стихахъ, изъ котораго она взята; подъ первою характеристикою указаній на пособія нѣтъ.... Но все же характеристика отрывковъ, напечатанныхъ проф Буслаевымъ изъ статьи «О собствахъ животныхъ», не имѣла въ виду объясненія историко-литературнаго значенія бестіаріевъ-физіологовъ: онъ писалъ о духовныхъ стихахъ и не касался состава и значенія фи-

---

ошибкою писца и онъ изъ одного лица, жившаго сравнительно въ позднюю эпоху, сдѣлалъ двухъ: Дамаскина и *Ѳедора* Студита Слово Студитъ значитъ инокъ студійскаго монастыря. Исторія знаетъ Симона Студита, Симеона Студита, Дамаскина Студита. Физіологъ принадлежитъ послѣднему. Въ славянскихъ и греческихъ текстахъ Дамаскинъ Студитъ называется архіереемъ. Греческій текстъ сочиненія Дамаскина Студита изданъ (какъ указалъ намъ проф. А С. Павловъ) въ Венеціи при Октоихѣ Въ рукописи онъ находится въ Туринской библіотекѣ «Taurini in cod regio CCXLVIII exstat Damasceni episcopi Studitae libellus, in quo collecta sunt ex veterum philosophorum (Aeliani, Aristotelis, Philae aliorumque) libris quaecunque de avibus et terrestribus atque marinis animantibus ab his dicta fuerunt Fabricii Bibloth. graeca XI, 603. Иподіаконъ Дамаскинъ Студитъ хорошо знакомъ раскольникамъ. *Игнатія, Истина Соловецкой обители*, стр. 46

[1]) Новая путаница: *Обѣдъ и Вечеря* Симеона Полоцкаго *не могли* служить источниками бестіарія Дамаскина Студита. Причиною этой путаницы было то, что въ синодальной рукописи № 377 помѣщены рядомъ: поэма Георгія Писида, Дамаскина о собствахъ животныхъ, извлеченія изъ Шестоднева Василія великаго и т. д. *Указ Саввы, стр 78.*

зіологовъ-бестіаріевъ т. е. того, чѣмъ опредѣляется положеніе физіолога въ исторіи литературы и искусства. Почему напр. въ древней русской литературѣ *физіологъ* помѣщался въ числѣ книгъ *истинныхъ*, рядомъ съ Іисусомъ Сирахомъ [1]), а Астрономія, Астрологія и Землемѣріе, — невѣрно отнесенныя г. Галаховымъ въ область физіолога, — въ числѣ книгъ ложныхъ, отреченныхъ? Извѣстно, что въ основу средневѣковыхъ бестіаріевъ и физіологовъ, какъ византійскихъ такъ и латинскихъ, легли *позднѣйшія* произведенія классической древности, наполненныя вымыслами и народными преданіями о звѣряхъ Къ концу IV вѣка христіанской эры баснословные разсказы Ктезія о чудесныхъ животныхъ Индіи и 16 книгъ Эліана *о природѣ животныхъ* и наполненныя баснями произведенія другихъ греческихъ писателей заслонили собою естественно-историческое твореніе Аристотеля. Христіанскіе писатели отнеслись къ литературному наслѣдію древности также, какъ и къ языческимъ зданіямъ, къ языческимъ праздникамъ и процессіямъ. Къ естественно-историческимъ энциклопедіямъ языческой литературы отцы церкви не думали относиться критически: они обратили сказанія естественно-историческихъ энциклопедій на службу христіанству и старыя, общеизвѣстныя, далеко распространенныя преданія оныхъ о животныхъ употребили для разъясненія высокихъ истинъ христіанскаго ученія: животныя получили символическій смыслъ Если начальная христіанская литература обратила вниманіе на описанія животныхъ. то не ради ихъ естественно-историческаго интереса, а потому что животныя были живыми свидѣтелями всемогущества и премудрости Господа Со II вѣка начинается длинный рядъ *Шестодневовъ*, которыми такъ богата христіанская литература греческая: въ эти толкованія на книгу Бытія вносятся баснословные разсказы о животныхъ. Описанія животныхъ, камней получаютъ здѣсь символическое значеніе: они должны служить лишь для нагляднаго объясненія истинъ св. Писанія. Животныя, птицы, камни, которые употреблялись отцами церкви какъ символы и примѣры, составили предметъ средневѣковыхъ физіологовъ, бестіаріевъ, волукраріевъ и лапидаріевъ. Такъ опредѣлился составъ средневѣковыхъ физіологовъ: они принимаютъ въ себя описанія только тѣхъ рыбъ, птицъ, животныхъ, которыя въ христіанской литературѣ получили символическій смыслъ, которыя были предметомъ аллегорій и при-

---

[1]) Лѣтопись занятій археографической коммиссіи I, 52

мѣненій къ истинамъ христіанскаго вѣроученія, которыми вѣрующій художникъ покрывалъ стѣны и окна храмовъ, которыя онъ писалъ на иконѣ [1]). Понятно, почему произведеніе, захватившее въ себя значительную часть христіанской символики — *Толковая Палея*, приняло въ себя почти во всемъ объемѣ физіологъ и лапидарій; понятно, почему физіологъ стоитъ въ связи съ иконописными подлинниками, въ которыхъ, по справедливому замѣчанію г. Галахова, «отражаются и художественные, и литературные интересы древней Руси». Если бы авторъ Исторіи русской словесности уяснилъ себѣ составъ физіолога и связь его, какъ толкователя извѣстной части христіанской символики, съ подлинниками, то онъ лучше оцѣнилъ бы и составъ послѣднихъ; онъ не сказалъ бы, что «*спеціальное* содержаніе (подлинниковъ) распространено вставками и прибавленіями литературнаго (?) свойства, какъ напр. статьи о природѣ, въ особенности о чудесныхъ животныхъ» (стр. 246), заимствованныя, прибавимъ мы, изъ физіолога: эти статьи принадлежатъ нераздѣльно къ «спеціальному содержанію подлинниковъ» и не составляютъ ни случайной въ нихъ вставки, ни позднѣйшаго распространенія. Тогда сдѣлалось бы яснымъ, почему за переводъ Георгія Писпда принялся зографъ, почему появленіе этого важнаго комментарія къ иконописному искусству отмѣтилъ благочестивый лѣтописецъ. Для читателя Исторіи русской словесности была бы тогда понятною связь физіолога съ другими литературными памятниками древней Руси и его мѣсто среди нихъ. Переводъ Георгія Писпда Исторія словесности не отмѣтила бы какъ рѣдкое проявленіе, «при господствѣ духовной словесности», стремленія «къ естествознанію», между тѣмъ какъ онъ безусловно относится къ той же духовной словесности. Вѣрное и конкретное опредѣленіе физіологовъ и бестіаріевъ повело бы автора Исторіи русской словесности къ болѣе вѣрному пониманію позднѣйшихъ ея явленій; оно объяснило бы ему смыслъ нѣсколькихъ словъ Максима Грека [1]) и даже цѣлые отдѣлы азбуковника, который богатъ физіологическими толкованіями. Физіологъ далъ бы г. Галахову ключъ къ пониманію и болѣе вѣрной исторической оцѣнкѣ поученій Галятовскаго. «*Обширная* начитанность *пропозъдника* (пишетъ о немъ г. Галаховъ) доказы-

---

[1]) См. введеніе къ *Bestiaire divin de Guillaume, clerc de Normandie, trouvère du XIII siècle, publié par Hippeau* (*Caen, 1852*).

[1]) Напр. 60-го слова Максима Грека, гдѣ объясняется смыслъ текста: «*обновится яко орля юность твоя*».

вается ученой обстановкой предмета посредствомъ примѣровъ, свидѣтельствъ, сравненій, *заимствованныхъ изъ разныхъ книгъ* Всего чаще онъ обращался къ исторіи и *естествознанію*. Многія проповѣди *наполнены* описаніемъ свойствъ и дѣйствій произведеній природы, которыя *толкуются* какъ символы свойствъ и дѣйствій божественныхъ». «Галятовскій (читаемъ далѣе) уподобляетъ» Спасителя разнымъ камнямъ, одареннымъ, какъ думали въ средніе вѣка, чудесною силою: карбункулу, яшмѣ.... *Искусство оратора обнаруживается здѣсь отысканіемъ символическаго смысла. Онъ много тратитъ усилій* на то, чтобы сближать предметы, совершенно несходственные, пользуясь тѣми свѣдѣніями. которыя вычиталъ въ духовныхъ и свѣтскихъ книгахъ» (стр. 183—184). Радивиловскаго «Исторія русской словесности» упрекаетъ за то, что онъ «при постоянной наклонности къ примѣненіямъ и символизму» «недовольствуется существеннымъ, а входитъ въ подробности: ему хочется провести параллель между всѣми свойствами и дѣйствіями двухъ, иногда совершенно разнородныхъ предметовъ, и каждое явленіе въ жизни одного созерцать какъ символъ явленій въ жизни другаго.... Главная часть (одного) слова заключается въ открытіи символическихъ аналогій между *львомъ* и Сыномъ Божіимъ» (стр. 185—186). О Радивиловскомъ г. Галаховъ также замѣчаетъ, что «если обиліе собраннаго матеріала говоритъ въ пользу *начитанности* проповѣдника, то *символическія* толкованія обнаруживаютъ *большую или меньшую ловкость ритора*» (стр. 185). Но Галятовскій и Радивиловскій при выборѣ и развитіи символовъ пользовались готовымъ матеріаломъ физіологовъ, бестіаріевъ и лапидаріевъ. Имъ не нужно было для этого ни особенной начитанности, ни траты усилій для подбора аллегорій и символовъ, ни находчивости ритора Матеріалъ готовый лежалъ у нихъ подъ руками; и Галятовскій и Разивиловскій сами указываютъ на этотъ матеріалъ: Галятовскій совѣтуетъ заимствовать матеріалъ именно изъ этихъ сборниковъ, говоря: читай «книги о звѣряхъ, птицахъ, гадахъ, рыбахъ, древахъ, травахъ, каменьяхъ, водахъ» (Исторія русской словесности томъ I, стр. 182); естественно-историческія свѣдѣнія Радивиловскаго почерпнуты изъ Эліана (тамъ же стр. 185), который, какъ мы сказали, далъ значительный матеріалъ всѣмъ этимъ лапидаріямъ, бестіаріямъ и волукраріямъ. Пользованіе символами и широкое развитіе параллелей и аллегорій не составляетъ спеціальныхъ, характеристическихъ особенностей проповѣдей Галятовскаго и Радивиловскаго: этимъ отличается вся средневѣковая проповѣдь не только у

насъ, но и на западѣ. Этотъ обычный пріемъ средневѣковыхъ поученій отмѣчаетъ же г. Галаховъ и у Лазаря Барановича (стр. 187); его можно прослѣдить и далѣе, внутрь древности, и къ эпохѣ болѣе намъ близкой — въ проповѣдяхъ Стефана Яворскаго. Характеристика отдѣльныхъ проповѣдниковъ разныхъ эпохъ будетъ очень блѣдна и отвлеченна, если указывать въ нихъ только этотъ общій, внѣшній признакъ ихъ поученій, не касаясь отношеній ихъ къ времени. Этимъ недостаткамъ и подвержены характеристики Галятовскаго, Радивиловскаго и Барановича, сдѣланныя г. Галаховымъ. Возвращаясь къ бестіаріямъ и физіологомъ, замѣтимъ наконецъ, что г. Галаховъ не указалъ вліянія ихъ на народную поэзію, на ту смѣсь народныхъ миѳологическихъ воззрѣній на птицъ, животныхъ и т. д., которая условливалась вліяніемъ византійскихъ бестіаріевъ и лапидаріевъ: эта смѣсь нашла себѣ выраженіе не только въ духовныхъ стихахъ, но и въ былинахъ. Русскія рукописи XIV вѣка, обыкновенно украшенныя грифонами, свидѣтельствуютъ о томъ сильномъ впечатлѣніи, которое чудовищные образы бестіаріевъ произвели на фантазію художника; не говоримъ о барельефахъ Дмитріевскаго собора. Сравненіе физіологовъ съ народными русскими былинами и духовными стихами обогатило бы нѣсколькими любопытными фактами исторію взаимодѣйствія книжной и народной русской литературы, — взаимодѣйствія, которое проходитъ весь древній періодъ и объясняетъ наше старинное двоевѣріе, такъ мало (какъ увидимъ) оцѣненное въ книгѣ г. Галахова [1]). Приведеніе физіологовъ, бестіаріевъ и т. п. въ историческую связь съ развитіемъ древне-русской литературы и народной поэзіи дало бы объясненіе и смыслъ слѣдующимъ неопредѣленнымъ словамъ г. Галахова: «описанія чудесныхъ животныхъ въ азбуковникѣ [2]) соотвѣтствуютъ преданіямъ о томъ же въ стихѣ о Голубиной книгѣ» (стр 291).

---

[1]) Отношенія физіологовъ къ духовнымъ стихамъ я уже имѣлъ случай коснуться въ разборѣ первыхъ выпусковъ изд. г Безсонова *Калѣки перехожіе*. Болѣе широкое разсмотрѣніе этого вопроса, на строгихъ началахъ сравнительно-историческаго изученія, намъ пріятно было встрѣтить въ прекрасной статьѣ проф Ягича· *Die christlich-mythologische Schicht in der russischen Volkspoesie*, помѣщенной въ первой книжкѣ его *Archiv für Slavische Philologie*. Нельзя не пожелать этому научному предпріятію всевозможнаго успѣха.

[2]) Надобно было прибавить, что эти описанія заимствованы азбуковникомъ изъ Шестодневовъ, Индикоплова, бестіаріевъ.

Эта отвлеченность и общность въ опредѣленіи и оцѣнкѣ литературныхъ памятниковъ проходитъ черезъ всю исторію древняго періода словесности въ книгѣ г. Галахова. Сюда относится характеристика лѣчебниковъ: «Врачебная наука излагалась въ лечебникахъ и травникахъ.... Чисто практическое назначеніе лечебниковъ *не избавило ихъ отъ вліянія средневѣковаго взгляда на природу;* наука переплетается въ нихъ съ суевѣріемъ» (стр. 245). Въ лѣчебникахъ «существуютъ еще любовныя заклинанія *весьма характеристичныя*» (стр. 274). Такою же неопредѣленностію отзывается и слѣдующее мѣсто: «*Русская церковь*, съ самаго начала своего существованія, *заботилась объ усвоеніи славянскихъ переводовъ Библіи* (?) и отеческихъ твореній, которыя имѣли предметомъ или толкованіе слова Божія, или полное изложеніе догматовъ и правилъ христіанства, или объясненіе и защищеніе важнѣйшихъ догматовъ.» (томъ I, стр. 234). Слѣдующее за тѣмъ изложеніе трудовъ Епифанія Славинецкаго по переводу библіи не объясняетъ загадочной фразы: «Русская церковь заботилась объ усвоеніи славянскихъ переводовъ Библіи». Мы склонны думать, что въ нее вкралась опечатка и что вмѣсто: *усвоеніи*, слѣдуетъ читать *исправленіи*. Но касаясь такого важнаго въ исторіи древне-русскаго просвѣщенія вопроса, каковъ вопросъ объ исправленіи библіи и церковныхъ книгъ въ періодъ патріаршества, г. Галаховъ не объясняетъ, объ исправленіи *какихъ* славянскихъ переводовъ библіи заботилась церковь съ самаго начала своего существованія. предшествующее изложеніе «Исторіи русской словесности» не даетъ даже видѣть, въ какихъ спискахъ евангелія и апостола (въ тетрахъ или апракосахъ, въ спискахъ Дѣяній и Посланій апостольскихъ или въ апостолахъ, расположенныхъ по церковнымъ чтеніямъ) замѣчается большее разнообразіе текстовъ. Какъ мало вниманія посвящено было этому вопросу Исторіею русской словесности, видно уже изъ того, что объ исправленіи славянскаго перевода Новаго Завѣта митрополитомъ Алексіемъ она только упоминаетъ въ параграфѣ, озаглавленномъ: *списываніе книгъ*, (стр. 80) и въ сухомъ перечнѣ памятниковъ XIV вѣка (стр. 75 и 35). О спискѣ евангелія 1383 г., писанномъ въ Константинополѣ и хранящемся въ Синодальной библіотекѣ, совершенно не упоминается между рукописями св. Писанія (стр. 35). Между тѣмъ самыя тщательныя и осторожныя изслѣдованія исторіи новозавѣтнаго текста въ древней Россіи привели Горскаго и Невоструева къ заключенію, что «введеніе въ церковное употребленіе списковъ Четвероевангелія, менѣе подвергавшихся перемѣнамъ и вновь сличенныхъ съ подлиннымъ текстомъ»,

послѣдовало именно въ то время, когда «разнообразіе списковъ, расположенныхъ по церковнымъ чтеніямъ, съ теченіемъ времени, отъ различныхъ исправленій и переписокъ умножаясь, *возрасло до высшей степени*»; что «введеніе въ церковное употребленіе Четвероевангелій дало болѣе единообразія тексту евангельскому въ спискахъ позднѣйшихъ», что наконецъ «на переходѣ къ позднѣйшему, болѣе однообразному, тексту стоитъ списокъ Четвероевангелія 1383 года, писанный въ Константинополѣ» [1]). Тоже явленіе, по замѣчанію названныхъ изслѣдователей, наблюдается и въ исторіи славянскаго текста Дѣяній и Посланій апостольскихъ. [2]). Къ этимъ общимъ чертамъ исторіи славянскаго новозавѣтнаго текста изслѣдователи прибавляютъ, что «списокъ евангелія 1383 г. сходствуетъ съ прежними списками, особенно въ греческихъ чтеніяхъ, болѣе принятыхъ, или въ мѣстахъ точно и чисто переведенныхъ и вошедшихъ въ такомъ видѣ въ нынѣшнее изданіе библіи, которыя въ другихъ спискахъ были обезображены.... Вообще сей списокъ предъ всѣми другими отличается *тщательностію* исправленія по тексту греческому и *близостію* къ тексту, заключающемуся въ трехъ полныхъ спискахъ библіи, *и къ нынѣшнему печатному*» [3]) Важное значеніе этого исправленія, равно какъ труда митрополита Алексія для исторіи славянскаго текста новаго завѣта въ Россіи видно изъ того, что тотъ и другой текстъ служилъ пособіемъ Епифанію Славинецкому при исправленіи славянскаго текста новаго завѣта [4]). И другая сторона исторіи библейскаго текста въ Россіи, т. е. труды Геннадія по собранію книгъ ветхаго завѣта въ одинъ составъ, — не оцѣнена вполнѣ въ книгѣ г. Галахова. Сообщивши въ *весьма неполномъ видѣ* результаты изслѣдованій Горскаго и Невоструева о Геннадіевскомъ спискѣ библіи, «Исторія русской словесности» не указываетъ тѣхъ особенныхъ историческихъ обстоятельствъ, которыми вызванъ былъ трудъ Геннадія и которыя оставили на немъ такую рѣзкую печать. Упомянувши, что собраніе книгъ св писанія на славянскомъ языкѣ нужно было новгородскому владыкѣ для полемики съ жидовствующими, г. Галаховъ

---

[1]) Описаніе рукописей синодальной библіотеки томъ I, стр. XI — XII.

[2]) Тамъ же.

[3]) Описаніе славянскихъ рукописей московской синодальной библіотеки, т. I, стр. 254.

[4]) Евгеній, Словарь о писателяхъ духовнаго чина I, 183 и Описан. син. рук. I, 256.

объясняетъ сильное, преобладающее вліяніе Вульгаты на распорядокъ Геннадіевскаго сборника библейскихъ книгъ не тѣмъ, что старая Россія не дала энергическому защитнику православія образованныхъ православныхъ помощниковъ, не тѣмъ, что въ Новгородѣ и Псковѣ во второй половинѣ XV вѣка слабо чувствовалось вліяніе Византіи, не тѣмъ, что здѣсь уже съ XIV вѣка въ ересяхъ стригольниковъ и жидовствующихъ громко проявлялось вліяніе латинскаго запада; не тѣмъ, что новгородскій владыка, поставленный лицомъ къ лицу съ великимъ церковнымъ вопросомъ не видалъ и не могъ видѣть около себя другихъ образованныхъ людей, кромѣ латынщиковъ, въ родѣ Веніамина или Дмитрія Герасимова; — но только тѣмъ, что «Геннадій приступилъ къ собранію священныхъ книгъ въ полномъ ихъ составѣ *послѣ того времени*, какъ печатное изданіе латинскаго перевода библіи, совершеннаго св. Іеронимомъ въ IV вѣкѣ и извѣстнаго подъ именемъ Вульгаты, стало всюду распространяться». «*Поэтому* (говоритъ г. Галаховъ) Синодальный списокъ библіи подвергся вліянію Вульгаты» (стр. 91). Тѣ характеристическія черты, которыя даютъ литературѣ и умственному движенію на Руси XV вѣка такой высокій историческій интересъ, не выступаютъ въ книгѣ г. Галахова. Одинъ изъ важнѣйшихъ результатовъ этого движенія, съ особенной силою охватившаго Новгородъ и Псковъ, трудъ, отражающій на себѣ и свѣтлыя, и темныя стороны эпохи — Геннадіевскій сводъ библейскихъ книгъ въ славянскомъ переводѣ разсматривается г. Галаховымъ въ томъ отдѣлѣ, которымъ обыкновенно открывается въ его книгѣ литературное обозрѣніе отдѣльныхъ столѣтій — въ отдѣлѣ простыхъ памятниковъ *письменности*, *рукописей*, относящихся къ XV вѣку (стр. 90). Читатель «Исторіи русской словесности» не находитъ въ ней отвѣта на многіе вопросы, которые должна объяснить послѣдовательная исторія славянскаго текста библіи въ Россіи: существовали-ли у насъ до конца XV вѣка въ одномъ *полномъ* составѣ библейскія книги ветхаго завѣта? были ли извѣстны у насъ до Геннадія ветхозавѣтныя книги въ полномъ первоначальномъ переводѣ? Если нѣтъ, то чѣмъ замѣнялось отсутствіе ветхозавѣтныхъ книгъ въ полномъ составѣ? Гдѣ искать первоначальнаго славянскаго перевода оныхъ и почему полный сводъ понадобился въ Россіи не ранѣе конца XV вѣка? Эти важные вопросы исторіи древнерусскаго просвѣщенія не затронуты книгою г. Галахова. Между тѣмъ разъясненіе ихъ было необходимо для того, чтобы трудъ Геннадія съ его достоинствами и недостатками (послѣднихъ ка-

сается г. Галаховъ на стр 91) оцѣнить исторически безъ тѣхъ односторонних и исключительныхъ тенденцій, которыя въ нашей литературѣ привносились въ сужденія объ этомъ «историческомъ дѣлѣ Геннадія» (по выраженію г. Галахова). Оторвавши Геннадіевскій сборникъ ветхозавѣтныхъ книгъ отъ предшествующей исторіи славянской библіи въ Россіи, г. Галаховъ не связалъ его, съ другой стороны, съ первопечатною Острожскою библіею. По видимому, при опредѣленіи отношенія этой послѣдней къ Геннадіевскому тексту «Исторія русской словесности» руководствовалась не выводами Горскаго и Невоструева, а предисловіемъ къ славянской библіи (1751 г), въ которомъ «указаны недостатки Острожскаго изданія библіи» (стр. 128). Этимъ, конечно, объясняются неточности въ томъ мѣстѣ книги г. Галахова, которое посвящено указанію отношенія Острожской библіи къ Геннадіевской. Вотъ это мѣсто: «Неизвѣстно, какая именно рукопись принята была текстомъ при изданіи Острожской Библіи. Вѣроятно, это была копія съ Синодальнаго списка библіи (1499), полученная изъ Москвы отъ Іоанна Грознаго около 1575 г., что доказывается сходствомъ текста рукописнаго съ текстомъ печатнымъ, хотя при изданіи Острожской библіи были принимаемы къ соображенію и другіе списки. Издатели не всегда исправляли ошибки писцовъ, равно какъ и ошибки перевода. Многія формы удержаны изъ древнѣйшаго текста; многія сохранены въ пророческихъ книгахъ по списку, сдѣланному попомъ Упиремъ Лихимъ. Нѣкоторыя ветхозавѣтныя книги (Товита, Іудиѳи и третья Ездры) переведены съ латинскаго; Пѣснь пѣсней передана въ иномъ переводѣ съ греческаго, отличномъ отъ перевода Синодальнаго списка и весьма близкомъ къ нынѣшнему славянскому» (стр 128) Съ точки зрѣнія издателей Елизаветинской библіи (1751 г.) все это справедливо; но, дополняя ихъ указанія выводами Горскаго и Невоструева, г. Галаховъ взялъ у послѣднихъ далеко не все, что можно и должно было взять для характеристики Острожской Библіи въ отличіе отъ Геннадіевской. Несомнѣнно, что текстъ послѣдней легъ въ основу Острожской библіи, и вопросъ о томъ, какая *рукопись* Геннадіевскаго текста была передъ глазами Острожскихъ издателей, для насъ не имѣетъ никакого значенія. Оговорка г. Галахова, что «при изданіи Острожской Библіи были принимаемы къ соображенію и другіе списки» страдаетъ крайнею неясностію и неточностію. О спискахъ какихъ книгъ говоритъ здѣсь г. Галаховъ? Если о другихъ спискахъ *полнаго состава* ветхозавѣтныхъ книгъ, то мы ихъ, кромѣ Геннадіев-

скаго и копій съ онаго, не знаемъ. Если о спискахъ *отдѣльныхъ* библейскихъ книгъ, то эту необыкновенно важную особенность Острожской библіи слѣдовало указать точно и опредѣленно. Дѣйствительно, Острожскіе издатели отстранили Геннадіевскій текстъ *Пѣсни пѣсней*, замѣнивши его «инымъ переводомъ съ Греческаго, весьма близкимъ къ нынѣшнему славянскому». Но это не значитъ, что они «принимали къ соображенію и другіе *списки*»; нельзя смѣшивать *списка* съ особымъ *переводомъ* той или другой библейской книги. Острожскіе издатели библіи не могли не замѣтить, что Геннадіевскій текстъ Пѣсни пѣсней (извлеченный изъ древняго славянскаго перевода толкованій на нее Филона Карпаѳійскаго) «несовсѣмъ вразумителенъ и вѣренъ, а кое гдѣ и неполонъ» [1]); они искали другаго славянскаго перевода этой книги; дѣйствительно нашли особый переводъ Пѣсни пѣсней съ греческаго, — переводъ, оставшійся неизвѣстнымъ Геннадію, и замѣнили имъ неудовлетворительный Геннадіевскій текстъ этой книги. Такъ поступили Острожскіе издатели не потому, что «принимали къ соображенію и другіе списки»; но потому что къ дѣлу Геннадія они отнеслись *критически*. Правда, что въ Острожской библіи «не всегда исправляются ошибки писцовъ и даже ошибки перевода», унаслѣдованныя отъ Геннадіевскаго текста; но Острожскіе издатели совершенно расходятся съ сотрудниками Геннадія въ воззрѣніяхъ на *норму библейскаго кодекса*, *на канонъ:* послѣдніе такою нормою установили Вульгату, Острожскіе издатели — Греческую библію. Въ этомъ коренное различіе между первопечатною славянскою библіею и первымъ славянскимъ сводомъ библейскихъ книгъ въ кодексѣ Геннадія. Принимая въ свою библію переводъ первой и второй Маккавейскихъ книгъ изъ Геннадіевскаго сборника, сдѣланный съ Вульгаты, Острожскіе издатели исправляютъ его по *греческому* тексту [2]); книгу Есѳирь они переводятъ вновь съ греческаго, не удовлетворяясь текстомъ Геннадіевской библіи, который переведенъ частію съ еврейскаго, частію съ Вульгаты. Авторитетъ Греческой библіи, ея *канона* такъ важенъ для Острожской библіи, что они не оставляютъ безъ перевода и третьей книги Маккавейской, которая не внесена въ кодексъ Геннадія. Это основное отличіе Острожской библіи отъ труда Геннадія совершенно ускользнуло отъ вниманія г. Галахова. Говоря о библіи, «изданной въ Острогѣ» онъ замѣтилъ, что здѣсь

---

[1]) Описаніе славян. рукописей синодальной библіотеки I, 74—76.

[2]) Тамъ-же, стр. 129.

«нѣкоторыя ветхозавѣтныя книги (Товитъ, Іудиѳь и третья Ездры) переведены съ латинскаго». Это замѣчаніе не точно: Острожская библія взяла *готовый* переводъ этихъ книгъ (дѣйствительно сдѣланный съ латинскаго) изъ Геннадіевской библіи, но *исправила его по греческому тексту*. Если Острожская библія и сближается *мѣстами* съ *текстомъ* Вульгаты, то этимъ она обязана исключительно Геннадіевскому тексту нѣкоторыхъ ветхозавѣтныхъ книгъ. Всѣ старанія Острожскихъ издателей направлены къ исправленію Геннадіевскаго кодекса по Греческой библіи и къ возвращенію онаго отъ типа и канона Вульгаты къ типу и канону Греческой библіи. Несомнѣнно впрочемъ, что Острожскіе издатели не могли вполнѣ уберечься отъ косвеннаго, посредствующаго вліянія Вульгаты на ихъ изданіе.

Оставаясь вѣренъ преданіямъ эстетической критики, г. Галаховъ не приноситъ особеннаго интереса къ изученію тѣхъ историческихъ вопросовъ, тѣхъ литературныхъ отраслей, которые въ настоящее время привлекаютъ къ себѣ силы изслѣдователей исторіи литературы. Для изучающихъ исторію литературы древне-русской, а также югославянской въ настоящее время, къ счастію, получилъ первостепенное значеніе вопросъ о византійскомъ вліяніи на литературу Сербовъ, Болгаръ и Русскихъ. Сравнительно-историческій методъ изученія народной словесности далъ этому вопросу сильный толчекъ и даже расширилъ его далеко за тѣсные предѣлы славянской народности. Бенфеевская теорія литературнаго заимствованія, каковы бы ни были ея недостатки, раздвинула кругозоръ изслѣдователей народной словесности и примѣненіе ея къ изученію литературной старины европейской обогащаетъ исторію европейскихъ литературъ въ средніе вѣка цѣлою массою новыхъ фактовъ. Уже Бенфей въ знаменитыхъ примѣчаніяхъ своихъ къ *Пантчатантрѣ* имѣлъ случай указать мимоходомъ на то первостепенное значеніе, которое для изслѣдователя странствующихъ сказаній средневѣковой Европы получаютъ нѣкоторые памятники византійской литературы, будучи иногда единственными представителями утраченныхъ восточныхъ произведеній (таковъ напр. по Бенфею «Стефанитъ и Ихнилатъ»). Въ дѣлѣ распространенія восточныхъ сказаній среди славянскихъ народностей — сербской, болгарской и русской Византіи принадлежитъ такая же роль, какая въ отношеніи къ западной Европѣ выпала на долю Арабовъ и Евреевъ. Но литературное вліяніе Византіи захватывало и средневѣковыя литературы далекаго европейскаго запада. Недавніе труды Сабаса, Вильгельма Вагнера, Жиделя и Эмиля Леграна пролили много свѣта на отношеніе средне-

вѣковой европейской словесности къ византійской и на то взаимодѣйствіе, которое существовало между ними въ средніе вѣка. Изученіе византійской литературы, обѣщая освѣтить правильнымъ образомъ исторію средневѣковой литературы западной Европы, тѣмъ большее значеніе имѣетъ для изслѣдователей литературъ юго-славянскихъ и древнерусской. Скажемъ болѣе: только спокойное изученіе литературныхъ памятниковъ Сербіи, Болгаріи и древней Россіи *сравнительно* съ непосредственнымъ изученіемъ византійской словесности сдѣлаетъ со временемъ возможною исторію древней русской литературы. Прямое и основательное знакомство съ литературнымъ достояніемъ Византіи *одно* способно устранить изъ изслѣдованій, обращенныхъ на нашу литературную старину, тѣ наивные выводы, тѣ странные quiproquo, которые такъ часто въ нихъ встрѣчаются. Въ свою очередь славянскія рукописи сберегли для изслѣдователей византійской литературы не мало драгоцѣнныхъ литературныхъ памятниковъ, утраченныхъ, можетъ быть, навсегда въ греческихъ подлинникахъ: труды Востокова, Горскаго, Невоструева, Пыпина представляютъ много тому доказательствъ. Развитіе научнаго интереса къ изученію своего прошедшаго и укрѣпленіе здравыхъ, чисто научныхъ воззрѣній поведетъ за собою, смѣемъ думать, расширеніе высшаго академическаго преподаванія новою каѳедрою — исторіею византійской литературы. Если въ настоящее время французскіе ученые изучаютъ даже памятники эпохи упадка византійской литературы, чтобы опредѣлить судьбу французскихъ романовъ и повѣстей въ византійской словесности; то изслѣдователь древне-русской литературы, которая столько вѣковъ двигалась подъ опредѣленіями византійской, найдетъ въ изученіи послѣдней высокій исторический интересъ и откроетъ въ ней ключъ къ объясненію многихъ литературныхъ явленій родной старины. Въ предѣлахъ настоящей рецензіи мы не считаемъ умѣстнымъ касаться тѣхъ двухъ противуположныхъ взглядовъ на значеніе византійскаго вліянія на умственное и литературное развитіе древней Россіи, которые высказывались въ историческихъ изслѣдованіяхъ нашихъ ученыхъ; для нашей задачи достаточно объяснить, какъ отнесся къ этому вопросу г. Галаховъ въ своей «Исторіи русской словесности». Указавши на историческія обстоятельства, которыя укрѣпили связь древней Россіи съ Византіею, г. Галаховъ признаетъ, что «эти обстоятельства поставили древнюю литературу нашу въ *сильную зависимость* отъ византійской» (стр. 37). По видимому, впрочемъ, г. Галаховъ даетъ этой зависимости нашей древней литературы

отъ византійской чисто формальный характеръ: «произведенія греческой христіанской словесности (говоритъ онъ) служили для насъ и предметомъ для переводовъ, и *образцомъ* для собственной литературной дѣятельности». За тѣмъ значеніе литературнаго вліянія Византіи для древней Россіи опредѣляется небольшою выпискою изъ *Очерка греческой литературы* Бернгарди, завершающеюся замѣчаніемъ, что учебникъ Бернгарди «произноситъ строгій приговоръ *всей* византійской словесности, — приговоръ, раздѣляемый и другими учеными: онъ видитъ въ ней литературу упадка и безсилія, *всякое отсутствіе* самодѣятельности и творчества, замѣненныхъ сухимъ компиляторствомъ, мертвую схоластику, при которой нѣтъ мѣста свободному развитію мысли и чувства» (стр 37—38). Мы не думаемъ, чтобы при рѣшеніи такого важнаго въ исторіи русской литературы вопроса, каковъ вопросъ о литературномъ вліяніи Византіи, достаточно было удовольствоваться тѣмъ немногосложнымъ пріемомъ, который употребленъ въ разбираемомъ сочиненіи. Не надобно къ тому же забывать, что «строгій приговоръ» Бернгарди поражаетъ византійскую литературу VIII — XV вѣковъ; между тѣмъ какъ наша древняя литература представляетъ намъ массу литературныхъ произведеній, переведенныхъ съ греческаго и унаслѣдованныхъ отъ болѣе ранней эпохи греческой словесности. Прежде чѣмъ давать «строгому» приговору Бернгарди мѣсто въ «Исторіи русской словесности», г. Галахову нужно было опредѣлить, въ какой степени онъ прилагается ко всему кругу литературныхъ произведеній, принятыхъ древнею Россіею отъ Византіи. Какъ напр. примѣнить этотъ «строгій приговоръ» къ обширному циклу такъ называемыхъ апокрифовъ, переведенныхъ съ греческаго, къ этому блистательному эпосу, созданному живымъ вѣрованіемъ востока? Что думать читателю «Исторіи русской словесности» о тѣхъ переведенныхъ съ греческаго литературныхъ произведеніяхъ, которыя явились ранѣе VIII вѣка, особенно о тѣхъ, происхожденіе которыхъ возводится къ начальной эпохѣ христіанской литературы? Между тѣмъ они были переданы древней Россіи тою же Византіею. Но и въ тѣхъ предѣлахъ, на которые простираетъ свой строгій приговоръ Бернгарди, развѣ византійская литература не представляетъ произведеній, отличающихся высокими поэтическими достоинствами? Огульныя осужденія цѣлыхъ литературныхъ эпохъ, мало изслѣдованныхъ, всего менѣе желательны въ руководствахъ: такіе строгіе приговоры способны охлаждать интересъ къ строгимъ научнымъ изслѣдованіямъ и пріучать легкомысленно относиться

къ тому, что особенно нуждается въ спокойномъ историческомъ изученіи. Правда, эстетическая исторія литературы любитъ успокоиваться на приговорахъ, не основанныхъ на критическомъ изученіи фактовъ; но за то первое прикосновеніе исторической критики и разбиваетъ ея воздушные замки. Книга г. Галахова сама представляетъ довольно фактовъ, которые не оправдываютъ ссылки ея на авторитетъ учебника Бернгарди относительно византійскаго литературнаго вліянія на нашу древнюю словесность. На стр. 106-й своей «Исторіи русской словесности» г. Галаховъ говоритъ о повѣстяхъ, перешедшихъ къ намъ изъ Византіи, и опредѣляетъ нѣсколько иначе историческую роль Византійской литературы въ отношеніи къ средневѣковой словесности славянской и западноевропейской. Сказанное здѣсь о Византіи, которая «по своему срединному положенію между западной Европой и востокомъ, могла и черпать изъ иностранныхъ литературъ, и удѣлять изъ своей литературы другимъ народамъ», заимствовано изъ сочиненія г. Пыпина *Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ*. Все это вѣрно, основательно; но все это не вяжется съ «строгимъ приговоромъ» Бернгарди, помѣщеннымъ подъ рубрикою: «иноземныя вліянія на древнерусскую словесность» въ видѣ общаго взгляда на значеніе византійскаго литературнаго вліянія для древней Россіи. Читателямъ книги г. Галахова, по прочтеніи только что приведеннаго отрывка, если они не забыли «строгаго приговора» Бернгарди, непремѣнно представится вопросъ: что же могла «удѣлять Византія изъ своей литературы другимъ народамъ», если сама она представляетъ «упадокъ и безсиліе, всякое отсутствіе самодѣятельности и творчества, мертвую схоластику, при которой нѣтъ мѣста свободному развитію мысли и чувства»? Какъ бы отвѣчая на этотъ вопросъ, «Исторія русской словесности» выдвигаетъ передъ читателемъ цѣлый рядъ литературныхъ произведеній, «удѣленныхъ Византіею другимъ народамъ» и «пользовавшихся *значительною популярностію*» (стр. 106, 275 слѣд.): почти каждое изъ этихъ произведеній имѣетъ свою многовѣковую исторію; почти каждое изъ нихъ вошло въ кругъ народныхъ книгъ, переплелось на новой почвѣ своими далеко раскинутыми корнями съ самостоятельными произведеніями словесности народа, ихъ усвоившаго, бросило свои ростки въ устную поэзію народа, врѣзалось въ его легенды и сказанія. Мы не говоримъ ничего новаго; мы повторяемъ общеизвѣстные выводы, давно сдѣланные изслѣдователями средневѣковой европейской литературы; но «Исторія русской

словесности» произнесла Византіи другой приговоръ: «всякое отсутствіе самодѣятельности и творчества, мертвая схоластика, при которой нѣтъ мѣста свободному развитію мысли и чувства». Передъ нами «Дѣяніе и житіе Девгеніево Акрита», въ которомъ Карамзинъ сначала видѣлъ старинную русскую сказку и въ которомъ впослѣдствіи призналъ переводное произведеніе. Оно несомнѣнно относится къ тому періоду византійской литературы, надъ которымъ произнесъ такой строгій приговоръ Бернгарди. Г. Галаховъ коротко излагаетъ содержаніе этого «образца византійско-палестинскаго героическаго эпоса, порожденнаго крестовыми походами и приключеніями западныхъ рыцарей» (стр. 277). Изслѣдователямъ византійской литературы удалось открыть византійскую поэму X вѣка, служившую прототипомъ «Житія Девгеніева *Акрита*», указать ея поразительное сходство съ народными пѣснями греческими (преимущественно Кипра и береговъ Понта Эвксинскаго), выдѣлить въ этихъ пѣсняхъ довольно обширный циклъ пѣсенъ *акритическихъ* и мы можемъ теперь доказать, что нашъ старинный «Девгеній» или Βασίλειος Διγενής — герой, существовавшій не въ одномъ народномъ воображеніи, но лице историческое. Съ открытіемъ и основательнымъ изученіемъ греческой поэмы, служившей какъ бы подлинникомъ «Дѣянію Девгеніеву», должна была пасть гипотеза, что Дигенисъ — есть Геркулесъ древней Греціи, имя и дѣянія котораго изуродованы были народнымъ воображеніемъ. Издатель греческой поэмы Легранъ, не знавшій, къ сожалѣнію, славянскаго ея переложенія не могъ не выразить желанія, чтобы явился новый Форіэль для совмѣщенія въ одинъ *corpus* греческихъ народныхъ пѣсенъ, вновь записанныхъ — toutes ces productions de *la plus belle des poésies populaires* [1]).

Не одни повѣсти, перешедшія къ намъ изъ византійской литературы, не подходятъ подъ тотъ строгій приговоръ Бернгарди, который усвоила себѣ «Исторія русской словесности» г. Галахова; столь же трудно приложить его и къ другимъ литературнымъ памятникамъ нашей старины, заимствованнымъ изъ Византіи. Къ числу «*замѣчательныхъ* произведеній *русской* словесности *XVI вѣка*» г. Галаховъ относитъ два слова: «О денно-нощной молитвѣ» *неизвѣстнаго автора*, образующія, *по мысли*, одно цѣлое. «Первое изъ

[1]) Ср. *Les exploits de Digénis Akritas, épopée byzantine du dixième siècle, publiée par C. Sathas et E Legrand. Paris. 1870* и кромѣ того его же изданіе *Recueil de chansons populaires grecques. Paris 1874.*

нихъ (продолжаетъ г Галаховъ) называется «Словомъ отъ видѣнія Павла апостола», *вѣроятно потому*, что образно представляетъ ученіе Апостола о суетѣ и страданіи всей твари за грѣхи человѣка. Въ немъ изображено, какъ вся природа обращается къ Творцу съ жалобою на человѣка: солнце, мѣсяцъ, звѣзды, море, рѣки и земля, творящія волю божію, молятъ праведнаго Судію наказать людей, которые одни преступаютъ его заповѣди... Послѣдняя жалоба образуетъ особое цѣлое въ народномъ стихѣ: «Плачъ земли»:

Растужилась, расплакалась матушка сыра земля
Передъ Господомъ Богомъ и т. д.

Такое сближеніе (заключаетъ г. Галаховъ) служитъ однимъ изъ многихъ другихъ свидѣтельствъ взаимнодѣйствія письменной литературы и безъискусственнаго творчества: если понятія и образы первой переходили въ народныя сказки и пѣсни, то и послѣднія сообщали искусственной словесности многія *художественныя представленія*» (стр. 153 — 154). Изъ всего сказаннаго г. Галаховымъ ясно что, по его мнѣнію, *Слово отъ видѣнія апостола Павла* заимствовало свои «художественныя представленія» изъ народнаго стиха «Плачь земли». Но «Слово *отъ* видѣнія апостола Павла» дѣйствительно представляетъ отрывокъ изъ апокрифическаго «*Видѣнія апостола Павла*». Греческій текстъ этого произведенія, пользовавшагося заслуженною популярностію въ средневѣковой литературѣ западной Европы, изданъ Тишендорфомъ въ *Apocalypses apocryphae Mosis, Esdrae, Pauli, Iohannis* (p. 34 — 69); старый славянскій переводъ напечатанъ мною въ *Памятникахъ отреченной русской литературы* подъ заглавіемъ *Хожденіе апостола Павла по мукамъ*. Не будемъ останавливаться на длинной литературной исторіи этого знаменитаго апокрифа, на который намекаетъ Дантъ въ одной изъ начальныхъ пѣсенъ *Божественной Комедіи*[2]). Мы имѣли въ виду показать, что самъ г. Галаховъ относитъ нѣкоторыя литературныя произведенія, заимствованныя нами изъ Византіи, къ числу *замѣчательныхъ*, не отказываетъ имъ въ *художественности* обра-

---

[1]) Уже составители *Описанія славян. рукописей синод. библіотеки* (Отд. II, 3, стр. 72) замѣтили: «Названіе слова о видѣніи Павла апла указываетъ на апокрифическое откровеніе, приписанное Ап. Павлу, котораго отрывки изданы Тишендорфомъ (*Stud und. Krit. 1851 s. 443*). Изъ этихъ отрывковъ видно, что слово заимствовано дѣйствительно изъ сей апокрифической книги».

[2]) Ср. Ozanam, *Des sources poétiques de la Divine Comédie* въ его *Oeuvres complètes* V, 399; VI, 443.

зовъ. Правда, онъ считаетъ названное произведеніе оригинальнымъ *русскимъ*, отводитъ ему мѣсто среди *духовныхъ словъ и поученій XVI вѣка*, видитъ въ немъ отраженіе художественныхъ представленій народнаго русскаго стиха о плачѣ земли Но эти-то именно выводы г. Галахова всего болѣе свидѣтельствуютъ въ пользу высказанной нами мысли, что непосредственное знакомство съ византійскою литературою способно предохранить изслѣдователя древней русской словесности отъ превратныхъ толкованій ея памятниковъ. Выводы, сдѣланные г. Галаховымъ относительно *Слова отъ видѣнія ап. Павла* и стиха *о плачѣ земли*, необходимо будетъ, при ближайшемъ знакомствѣ съ греческимъ апокрифомъ, существенно видоизмѣнить, признавши: 1) что это *Слово* не есть произведеніе русскаго неизвѣстнаго автора, а буквальный отрывокъ изъ переводнаго греческаго апокрифа; 2) что въ настоящемъ случаѣ греческій апокрифъ, черезъ посредство стараго славянскаго перевода, далъ начало духовному стиху о плачѣ земли, точно также какъ труверъ XIII вѣка Adam de Ros переводилъ тотъ же греческій апокрифъ въ своей поэмѣ *La vision de St. Paul*; 3) что выдержки изъ греческаго апокрифа въ видѣ отдѣльныхъ поученій вносились въ такіе уважаемые сборники, какими въ древней Россіи были Измарагдъ и Златоустъ; 4) что наконецъ Домострой повторялъ назидательныя наставленія этихъ поученій о необходимости ночной молитвы. Не въ одномъ разбираемомъ сочиненіи, и въ другихъ цѣнныхъ историческихъ изслѣдованіяхъ случается встрѣтить такіе шаткіе выводы, единственно происходящіе отъ недостатка въ сравнительномъ изученіи памятниковъ средневѣковой литературы въ связи съ византійскою словесностію. Такъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ русской археологіи, сближая икону ангела-хранителя съ вышеприведеннымъ отрывкомъ отъ *Видѣнія апостола Павла*, разсматриваетъ этотъ отрывокъ, какъ самостоятельное русское сочиненіе XVI вѣка. [2]). Озанамъ, разбирая изданную имъ поэму *La*

[1]) Разобравши *Слово отъ видѣнія ап. Павла*, г. Галаховъ замѣчаетъ, что «*второе* слово о денно-нощной молитвѣ служитъ естественнымъ продолженіемъ перваго.. Сходство въ содержаніи двухъ памятниковъ указываетъ, что *древнѣйшій* изъ нихъ имѣлъ вліяніе на явившійся послѣ или, что оба они обращались за матеріаломъ къ одному и тому же источнику» (стр. 154). Но и это *второе* слово, озаглавленное *словомъ отъ епистоліи апостола Павла*, составляетъ также *отрывокъ* изъ того же греческаго апокрифа, какъ это и было указано составителями *Описанія славянскихъ рукописей синодальной библіотеки* томъ II, 3, стр. 94.

[2]) Статья гр. Уварова въ Русскомъ Архивѣ 1864 г. № 1, стр. 24.

vision de St Paul, не касается начальныхъ стиховъ ея, положительно указывающихъ на (греческій?) оригиналъ:

Aidez-moi à translater
La vision saint Pol le ber.

Объясняя то мѣсто поэмы, въ которомъ говорится о наказаніи еретиковъ, французскій ученый замѣчаетъ: «Le texte semble indiquer ici des sociétés secrètes, où l'on aurait juré la déstruction du catholicisme:

A sainte Iglise firent guerre....
Et par sa mort se parjurouent [1]).

Но комментируемое такимъ образомъ мѣсто представляетъ простое воспроизведеніе греческаго оригинала; соотвѣтствующій этому мѣсту греческій текстъ въ древнемъ славянскомъ переводѣ переданъ: «си суть исходящеи церькви и вдающеся въ словеса тоуждая, словесемъ бо сваритися хотяще.... и не преста̀ша дондеже измроша [2])».

Критическое изученіе памятниковъ древнерусской литературы въ связи и сравнительно съ византійскою словесностію можетъ на будущее время предохранить нашихъ изслѣдователей отъ преждевременныхъ выводовъ относительно значенія и степени самостоятельности многихъ литературныхъ памятниковъ древней Россіи. Такое изученіе оказывается иногда необходимымъ и для чисто-русскихъ, самостоятельныхъ литературныхъ памятниковъ нашей старины, вскрывая въ нихъ преданія и вѣрованія, заимствованныя изъ Византіи, и приводя ихъ въ связь съ однородными памятниками византійской и средневѣковой европейской литературы. Разбирая русскую повѣсть XVII вѣка «о Саввѣ Грудцынѣ, какъ онъ далъ на себя рукописаніе дьяволу и какъ потомъ былъ избавленъ ходатайствомъ Божіей матери», г. Галаховъ указываетъ, что «сюжетъ ея не новый» (стр. 284); но источника ея онъ ищетъ не тамъ, гдѣ онъ дѣйствительно находится. Апокрифъ о рукописаніи, данномъ Адамомъ дьяволу, на который указываетъ г. Галаховъ при разборѣ повѣсти о Саввѣ Грудцынѣ, находится лишь въ весьма отдаленной связи съ нею. Столь же нетвердо указаніе «Исторіи русской словесности» и на другое сказаніе, которое будто бы по-

---

[1]) *Оганат, Oeuvres complètes V, 399, 400.*

[2]) *Памятники отречен. русс. литературы II, 50.*

служило зерномъ нашей повѣсти. Вотъ слова г. Галахова: «Мы знаемъ, что Максимъ Грекъ обличалъ лживость грѣховнаго рукописанія Адама. Въ византійской литературѣ существуетъ сказаніе объ Евладіи, спасенномъ *Василіемъ великимъ:* оно то, *вѣроятно*, дало основу русской повѣсти» (стр. 284). Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ, спасенномъ отъ вѣчной гибели заступничествомъ Божіей матери, несомнѣнно примыкаетъ къ циклу легендъ о Богородицѣ. Прототипомъ ея была, конечно, знаменитая византійская легенда о Θеофилѣ, который пріурочивается къ 538 году. Письменное изложеніе легенды о Θеофилѣ на греческомъ языкѣ приписывается ученику его Евтихіану. Легенда пользовалась обширнымъ распространеніемъ въ средневѣковой литературѣ западной Европы: довольно припомнить, что она была сюжетомъ поэмы Гросвиты и миракля Рютбефа [1]). Византійское сказаніе о Θеофилѣ, подвергнутое тщательному анализу въ монографіи Эмиля Зоммера: *De Theophili cum diabolo foedere*, легло въ основу повѣсти о Саввѣ Грудцынѣ.

Область повѣстей, легендъ и «апокрифовъ» (принимая это слово въ самомъ широкомъ его значеніи), переданныхъ намъ и средневѣковой Европѣ Византіею, область, которая оставлена въ сторонѣ эстетическою исторіею литературы, составляетъ въ настоящее время предметъ особеннаго вниманія изслѣдователей средневѣковой словесности и культуры. Даже то, что сдѣлано въ настоящее время для объясненія оной, убѣждаетъ насъ, что византійская словесность оставила глубокій слѣдъ не только въ литературѣ древней Россіи, но и въ словесности народной, въ духовныхъ стихахъ, легендахъ, народныхъ книгахъ и гадательныхъ тетрадкахъ. Не въ одной начальной лѣтописи находитъ изслѣдователь отголоски краткой, исторической (но не толковой) Палеи; онъ находитъ ея сказанія въ народной легендѣ [2]), ея изреченія въ Бесѣдѣ трехъ святителей и народной загадкѣ [3]); а эта краткая Палея буквально переведена съ греческаго. Религіозная поэзія русскаго народа слагалась подъ опредѣленіями византійской литературы, ея обра-

---

[1]) Ср. *Monmerqué et Francisque Michel, Théatre français au moyen age* (*Paris, 1839*) p. 136—156. Ср. *V. d. Hagen, Gesammtabenteuer III, s. CLXX sq.*

[2]) Такъ напечатанная г. Аѳанасьевымъ легенда *о великомъ грѣшникѣ* представляетъ народный пересказъ апокрифическаго сказанія краткой Палеи о покаяніи Лота.

[3]) Таковы изреченія, приписанныя въ краткой Палеѣ «мудрому нѣкоему» въ родѣ: «нѣмъ поклисоръ книги ненаписанныя въ градъ приноситъ» (голубица Ноева ковчега).

зовъ и воззрѣній. Кто свободенъ отъ эстетическихъ предразсудковъ старой историко-литературной школы, тотъ не откажется признать настоятельную необходимость изученія памятниковъ византійской словесности въ интересахъ правильнаго пониманія древнерусской образованности и народной русской литературы и искусства.

Строгій приговоръ, произнесенный Бернгарди надъ *всею* византійскою литературою, примѣняется лишь къ нѣкоторымъ ея отдѣламъ и эпохамъ. Онъ справедливъ въ отношеніи къ сборникамъ компилятивнаго характера, въ родѣ Пчелы, къ такъ называемымъ флорилегіямъ. До нѣкоторой степени этотъ взглядъ примѣняется къ нѣкоторымъ произведеніямъ богословской и церковной литературы. Но исторія русской словесности въ вопросѣ о византійскомъ вліяніи на древне-русскую литературу и образованность не можетъ на немъ успокоиться: исторической любознательности византійская литература открываетъ широкое поле Русскій ученый, посвящающій свои силы изученію исторіи древне-русской словесности, поставленъ въ отношеніи къ византійской литературѣ въ болѣе благопріятныя условія, чѣмъ западные ученые: въ богатомъ наслѣдіи, оставленномъ югославянскими литературами и составляющемъ ихъ нераздѣльную собственность съ древне-русскою, онъ находитъ часто такія произведенія византійской литературы, которыя утрачены въ подлинникахъ, или же въ старыхъ славянскихъ переводахъ; литературные памятники Византіи часто открываются ему въ формѣ болѣе близкой къ первоначальному оныхъ виду, чѣмъ въ какой знаетъ ихъ въ настоящее время греческая рукопись [1]).

Вліяніе югославянскихъ литературъ на древне-русскую въ книгѣ г. Галахова въ общихъ чертахъ указано вѣрно; но характеристика отдѣльныхъ писателей и литературныхъ произведеній болгарскихъ не всегда отличается вѣрностію и точностію. «Исторія русской словесности» не даетъ видѣть, чтобы авторъ ея пользо-

---

[1]) Сказанное прилагается всего лучше къ поэмѣ о Дигенисѣ, уцѣлѣвшей въ *одной* только рукописи XVI вѣка, принадлежащей Греческой школѣ въ Трапезунтѣ Въ этой рукописи многаго не достаетъ Les lacunes du poème (говоритъ Легранъ) sont de deux sortes. Les unes proviennent de la disparition d'un certain nombre de feuillets du manuscrit actuel, les autres signalées par le scribe lui-même, existaient déjà dans le manuscrit dont le notre est la copie» (p. XXI). Уцѣлѣвшая часть славянскаго перевода *Дигенисева дѣянія*, неизвѣстная французскому ученому, должна быть принята во вниманіе и принесетъ не маловажныя дополненія къ исторіи греческаго памятника и къ объясненію цикла связанныхъ съ нимъ *акритическихъ* народныхъ пѣсенъ

вался при составленіи ея историческими трудами славянскихъ ученыхъ и вносилъ въ свое руководство результаты изслѣдованій русскихъ ученыхъ надъ важнѣйшими памятниками болгарской литературы. Коснувшись Изборника Святославова 1073 года, г. Галаховъ замѣчаетъ: «Греческій подлинникъ Изборника *составленъ* въ 912 г.» (стр. 46). Это невѣрно. Греческая *рукопись* Коаленевой библіотеки, представляющая *почти такойже* составъ, какой видимъ въ Изборникѣ Святослава, *переписана*, по мнѣнію Монфокона, въ 912 году; но время составленія греческаго подлинника Изборника Святославова не опредѣлено съ точностію. Уже Востоковъ замѣтилъ, что на греческомъ языкѣ «не *одинъ* былъ списокъ Сборника сего и что словенскій переводъ сдѣланъ *не съ тѣхъ списка X вѣка*, который изъ Аѳонской Лавры св. Аѳанасія, перешелъ въ Коаленеву библіотеку». Надобно полагать, что греческій подлинникъ Святославова Изборника съ теченіемъ времени видоизмѣнялся, дополняясь новыми статьями или продолженіями прежнихъ статей. Составители *Описанія славянскихъ рукописей синодальной библіотеки* справедливо замѣтили, что «по составу своему греческій подлинникъ долженъ принадлежать къ IX столѣтію» (отд. II, 3, стр. 368). Если помѣщенный въ концѣ Изборника, *послѣ послѣсловія* «Лѣтописецъ вкратцѣ» (Никифора патріарха) обрывается именами Константина и Зои, правленіе которой продолжалось до 920 года; то все же этотъ лѣтописецъ составленъ былъ въ IX вѣкѣ (Никифоръ умеръ въ 828 году) и лишь впослѣдствіи дополнялся указаніемъ именъ и лѣтъ правленія греческихъ императоровъ позднѣйшей эпохи [1]). Въ перечнѣ пособій для изученія Святославова Изборника г. Галаховъ не упоминаетъ изслѣдованій Горскаго и Невоструева, хотя оно вышло за четыре года до появленія въ свѣтъ «Исторіи русской словесности» [2]). Такою же неточностію, происходящею отъ незнакомства г. Галахова съ результатами изслѣдованій тѣхъ же ученыхъ, отличается характеристика трудовъ Іоанна, экзарха болгарскаго, и епископа Константина. Такъ Исторія русской словесности утверждаетъ, что «епископъ Константинъ *перевелъ* четыре слова св. Аѳанасія Александрійскаго противъ Аріанъ и *выборъ бесѣдъ на*

---

[1]) Credner, Zur Geschichte des Kanons, s. 97—98.

[2]) Касаясь особенностей языка Изборника 1073 г., г. Галаховъ могъ бы также дополнить свои указанія и сообщить имъ болѣе характерности на основаніи замѣчаній о томъ, предложенныхъ въ *Описаніи славянскихъ рукописей синодальной библіотеки*, II, 3, стр. 391 слѣд.

воскресные дни большею частію изъ Іоанна Златоуста» (стр 39). Между тѣмъ изслѣдованія Горскаго и Невоструева въ трудахъ пресвитера Константина отдѣлили до послѣднихъ мелочей *заимствованное* изъ *греческаго сокращенія бесѣдъ* Іоанна Златоуста и другихъ отцевъ церкви отъ *оригинальнаго*, собственнаго. Направленныя на сочиненія Константина разъисканія Горскаго и Невоструева особенно имѣли въ виду «познакомить съ тѣмъ, что̀ есть собственнаго въ словахъ Константина, пресвитера болгарскаго, и что́ не заимствовано имъ изъ писаній Златоустаго и другихъ отцевъ» (Предисловіе къ 3-му тому Описанія синод. рук. стр. XI). Эти разъисканія увѣнчались успѣхомъ, такъ что въ настоящее время нельзя видѣть въ поученіяхъ Константина только *переводъ* изъ Златоустаго и другихъ отцевъ [1]). Почти тоже слѣдуетъ сказать и о замѣткахъ г Галахова на счетъ трудовъ Іоанна, экзарха болгарскаго. Собственно нельзя сказать, что Іоаннъ, экзархъ, *перевелъ* Богословіе Іоанна Дамаскина (стр. 55): изо ста главъ Богословія Іоанна Дамаскина въ трудъ Іоанна экзарха вошло только 48. Этотъ выборъ главъ для перевода «сдѣланъ переводчикомъ примѣнительно къ нуждамъ и разумѣнію своего народа. Переводчикъ по мѣстамъ дѣлаетъ дополненія «отъ себя [2])». Въ другомъ мѣстѣ г. Галаховъ говоритъ: «Іоанну экзарху принадлежатъ: Шестодневъ или шесть словъ... переводъ изъ твореній Іоанна Дамаскина: Богословія, Діалектики или Философіи и Грамматики греческаго языка» (стр. 39). Но составители «Описанія славянскихъ рукописей московской синодальной библіотеки» уже обратили вниманіе на то, что «между твореніями пр. Іоанна Дамаскина ни по изданіямъ, ни по рукописямъ грамматики не встрѣчается», что грамматика «въ такомъ видѣ, какъ она читается въ славянскихъ рукописяхъ, не требуетъ столь знаменитаго имени для своего сочинителя»; что «она представляетъ краткія, первоначальныя, самыя общія грамматическія понятія, которыя всѣ встрѣчаются еще въ грамматикѣ Діонисія Ѳракійскаго». Кромѣ того Горскій и Невоструевъ представили убѣдительныя доказательства, что и самый переводъ этой грамматики псевдо-Дамаскина не принадлежитъ Іоанну экзарху, а сдѣланъ скорѣе въ Сербіи [3]). Впрочемъ г. Галаховъ, ознакомившись *впослѣд-*

---

[1]) Описаніе славянскихъ рукописей московс. синодальн. библ. II, 3, стр. 424—427

[2]) Тамъ-же, стр 296—297.

[3]) Тамъ-же, стр 311—314.

ствіи съ результатами этихъ изслѣдованій, внесъ оные въ послѣдній параграфъ литературнаго обозрѣнія *XVII вѣка*, замѣтивъ: «Изъ извѣстныхъ намъ грамматическихъ руководствъ, первое по времени помѣщено *между трудами* Іоанна экзарха болгарскаго. Это переводъ (неполный) греческой грамматики подъ заглавіемъ: «о восьми частяхъ слова», *сдѣланный въ Сербіи*. Она *неправильно* приписывалась Іоанну Дамаскину» (стр. 288).

Оставляя въ сторонѣ другіе недосмотры въ книгѣ г. Галахова относительно памятниковъ югославянской литературы, не можемъ не обратить вниманія на то, что вліяніе богумильства на древне-русскую литературу не разъяснено и представлено въ довольно одностороннемъ видѣ. Придавая слову «апокрифъ» какой-то особый смыслъ, котораго оно въ православной литературѣ не имѣло, отождествляя «апокрифъ» со всѣмъ «вреднымъ для вѣроученія и просвѣщенія, съ отреченнымъ, запрещеннымъ», г. Галаховъ самое появленіе «апокрифовъ» въ болгарской литературѣ объясняетъ почти исключительно распространеніемъ въ Болгаріи богумильства. Но кто же не знаетъ, что многія «сокровенныя, потаенныя книги» т. е апокрифы пользовались высокимъ уваженіемъ въ христіанской церкви и опредѣляли часто ея праздники, обряды, богослужебныя пѣсни? «Ложно надписанныя» книги также составляютъ часть апокрифической литературы; но «за высоту словесъ» они не отвергались церковію, хотя и были приписаны въ заглавіяхъ перу такихъ лицъ, которыя на самомъ дѣлѣ не участвовали въ написаніи ихъ. Что общаго между такими «апокрифами», какъ первоевангеліе Іакова, Никодимово евангеліе, Обходы апостольскіе и молитвами о трясавицахъ и баснями попа-богумила? Не всѣ апокрифы принадлежатъ къ числу ложныхъ и слѣд. запрещенныхъ книгъ; не всякая запрещенная книга — апокрифъ. Всѣ гадательныя книги, основанныя на суевѣріи, конечно подвергались осужденію *образованныхъ лицъ* изъ духовенства; но кто же назоветъ волхованики, сонники, трепетники — апокрифами [1])? Смѣшеніе двухъ со-

---

[1]) Вотъ слова г. Галахова; «Апокрифами, въ обширномъ смыслѣ того слова, называются вообще подложныя сочиненія, въ тѣсномъ же смыслѣ—подложныя, т. е неканоническія, книги Ветхаго и Новаго Завѣта, въ противуположность каноническимъ, или уставнымъ, признаннымъ истинными на вселенскихъ соборахъ. Онѣ извѣстны были также подъ именемъ тайныхъ, еретическихъ, богоотметныхъ, отреченныхъ или запрещенныхъ, такъ какъ соборныя постановленія отвергали ихъ, воспрещая ихъ чтеніе, и считая достаточными

вершенно различныхъ понятій (апокрифическаго и отреченнаго) привело г. Галахова къ мысли объяснять появленіе «апокрифовъ» въ болгарской литературѣ господствомъ богумильской ереси. Изложивши содержаніе такъ называемаго Кипріановскаго индекса ложныхъ или отреченныхъ книгъ, г. Галаховъ продолжаетъ: «*Апокрифическія* сказанія вошли въ русскую письменность очень рано. Хотя древнѣйшіе ихъ списки относятся къ XIII вѣку (?), но нѣтъ сомнѣнія, что они существовали у насъ еще прежде. Мы видѣли, что уже Несторъ въ лѣтописи своей пользовался Палеею, содержащею въ себѣ *ложныя* сказанія. Получили мы апокрифы изъ Византіи, первоначально *въ болгарскихъ переводахъ*, что доказывается нѣкоторыми чисто-болгарскими рукописями апокрифовъ, безъ всякаго русскаго вліянія. Болгарія, *вѣроятно*, имѣла ихъ въ X вѣкѣ, когда попъ Богомилъ при царѣ Петрѣ, сынѣ Симеона, распространилъ въ ней манихейскую секту, образовавъ въ дуалистическомъ ученіи востока особый толкъ — болгарскій или богомильскій.... Кромѣ готовыхъ переводовъ, приходившихъ изъ Болгаріи, и, *можетъ быть*, оригинальныхъ болгарскихъ сочиненій въ томъ же отреченномъ родѣ, являлись также *собственно русскіе* переводы съ греческаго» (стр. 85). Прежде всего замѣтимъ, что Толковая Палея (ибо ее имѣетъ здѣсь въ виду г. Галаховъ) въ своемъ неиспорченномъ видѣ, близкомъ къ первоначальному, заключаетъ лишь одинъ въ строгомъ смыслѣ слова «апокрифъ»: *Завѣты двѣнадцати патріарховъ*. Въ какомъ отношеніи находится этотъ апокрифъ къ положеніямъ богумильства и есть ли даже какая нибудь связь между первымъ и послѣднимъ, г. Галаховъ не показалъ. Въ краткой Палеѣ ложныя сказанія являются не въ видѣ самостоятельныхъ литературныхъ произведеній, но въ видѣ отрывочныхъ пересказовъ, какъ и въ греческихъ хронографахъ, стало быть, въ вопросѣ о древнѣйшихъ русскихъ спискахъ апокрифическихъ сказаній ссылка на краткую Палею не имѣетъ особеннаго значенія. Ограничивать знакомство древней Россіи съ апокрифами единственно болгарскими переводами нѣтъ основанія; уже теперь, при самой слабой разработкѣ исторіи отреченной литературы у южныхъ Славянъ, можно видѣть, что многіе апокрифы и запрещенныя книги переходили въ Россію въ *сербскихъ* переводахъ съ греческаго. Расширяя въ отно-

---

только книги каноническія» (стр. 84). Но здѣсь вопросъ о канонѣ св. писанія смѣшанъ съ вопросомъ о томъ, что *въ древней Россіи запрещалось* для чтенія.

шеніи къ апокрифамъ значеніе для насъ болгарской литературы и богумильства на счетъ сербской словесности, г. Галаховъ съ другой стороны сѣуживаетъ объемъ болгарскихъ переводовъ апокрифическихъ и отреченныхъ книгъ замѣчаніемъ, что «являлись также *собственно русскіе переводы* съ греческаго». Это положеніе пока еще не доказано, оно высказано совершенно голословно, безъ указанія на тѣ памятники *апокрифической* литературы, которые переведены на русскій языкъ прямо съ греческаго. Наконецъ, привязывая начальныя судьбы апокрифовъ въ Болгаріи къ богумильству, г. Галаховъ лишь въ видѣ предположенія высказываетъ мысль, что «*можетъ быть*, къ намъ приходили и оригинальныя болгарскія сочиненія въ томъ же родѣ». Однимъ словомъ «Исторія русской словесности» въ области апокрифовъ и отреченныхъ писаній древней Россіи не отдѣлила произведеній, переведенныхъ съ греческаго, отъ оригинальныхъ болгарскихъ и не указала въ болгарскихъ литературныхъ произведеніяхъ, усвоенныхъ древнею Россіею, тенденцій богумильской ереси, столь широко-раскинувшейся даже за предѣлами славянства и оставившей столь глубокій слѣдъ въ народныхъ представленіяхъ Славянъ. Въ болгарскомъ богумильствѣ, несомнѣнно, важную роль играли народные элементы, ставшіе въ оппозицію съ началами византійской догмы и вліяніе этой оригинальнѣйшей отрасли болгарской литературы на древне-русскую заслуживало внимательнаго къ себѣ отношенія. Догадки и недоказанныя фразы всего менѣе желательны въ столь любопытномъ для исторіи народной культуры вопросѣ [1]) Болгарское богумильство имѣетъ очень важное, неоспоримое значеніе въ исторіи отреченной литературы у Славянъ, но не потому только, что оно

[1]) Сочиненія попа Іереміи до позднѣйшаго времени распространялись въ русскихъ рукописныхъ сборникахъ Въ настоящее время можно составить ихъ литературную характеристику. Проф Ягичъ въ статьѣ *Apokryfy bogomila pora Ieremye*, помѣщенной въ Starine V томъ, на основаніи одного мѣста славянскаго индекса, приписалъ попу Іереміи обширное сочиненіе апокрифическаго содержанія. Догадка проф Ягича блистательно подтвердилась А. Н Поповымъ, который въ одной изъ Хлудовскихъ рукописей нашелъ съ именемъ Іереміи статью, приписанную ему Ягичемъ на основаніи критическихъ соображеній. Ср. *Starine V, str. 79 — 95* и *А. Н Попова, Первое прибавленіе къ Описанію рукописей Хлудова, стр. 31* Для исторіи распространенія богумильскихъ писаній въ Россіи очень интересна изданная Г. Д. Филимоновымъ (въ Вѣстникѣ Общества древнерусскаго искусства) рѣзная икона Московскаго Благовѣщенскаго собора, изображающая Сисиннія и ангела Сихаила, «егоже написа Іеремія попъ».

было поводомъ къ переводу съ греческаго *всевозможныхъ апокрифовъ*, а потому что оно создало много еретическихъ болгарскихъ писаній, много *оригинальныхъ* отреченныхъ книгъ и *впервые вызвало необходимость* не переводнаго уже, но *самостоятельнаго славянскаго индекса запрещенныхъ книгъ*, который дѣйствительно мы находимъ въ Погодинскомъ Номоканонѣ XIV вѣка [1]): внимательно всматриваясь въ этотъ индексъ и сличая его съ греческими, легко убѣждаешься, что онъ составленъ лицомъ, которое было свидѣтелемъ сильнаго еретическаго движенія среди того народа, къ которому оно принадлежало. Замѣтно, что этимъ еретическимъ движеніемъ охвачена масса «неразумныхъ» людей; въ обличителѣ слышится современникъ ереси, возмущенный распространеніемъ «басенъ на соблазнь *многимъ*»: попъ Іеремія называется «злымъ, окаяннымъ», еретикомъ «басньствовавшимъ». Индексъ знаетъ обличительное посланіе цареградскаго патріарха Сисиннія и приводитъ изъ него выдержку. Индексъ не представляетъ литературнаго упражненія въ переводѣ какого нибудь греческаго правила съ запрещеніями читать такія книги, которыхъ никогда не было въ славянскихъ переводахъ, или которыя давнымъ давно были затеряны безслѣдно и въ самыхъ подлинникахъ; болгарскій индексъ является *самостоятельнымъ выраженіемъ практическихъ потребностей* православной болгарской церкви и служитъ для исторіи литературы лучшимъ, *достовѣрнѣйшимъ указателемъ* тѣхъ апокрифовъ и отреченныхъ книгъ переводныхъ и оригинальныхъ болгарскихъ, которые относятся къ древнѣйшей эпохѣ славянской письменности. Помимо всякихъ гаданій, онъ разъясняетъ намъ вопросъ о древнѣйшихъ славянскихъ переводахъ «неисправленныхъ книгъ». Для исторіи древнерусской отреченной и апокрифической литературы этотъ индексъ имѣетъ кромѣ того важность спеціальную, потому что онъ легъ въ основу русской статьи о книгахъ истинныхъ и ложныхъ. Замѣчательно, что въ этомъ индексѣ совершенно нѣтъ отдѣла о гадательныхъ книгахъ: онъ перечисляетъ лишь апокрифы въ строгомъ смыслѣ этого слова и еретическія писанія, вращавшіяся среди приверженцевъ богумильской ереси. Молитвенникъ Кипріана принимаетъ на свои страницы этотъ болгарскій индексъ апокрифовъ и присоединяетъ къ нему въ концѣ, въ видѣ особаго отдѣла, перечень «богоотметныхъ и ненавидимыхъ книгъ», разумѣя подъ этимъ *гада-*

[1]) Этотъ драгоцѣнный индексъ открытъ Пыпинымъ и изданъ имъ въ *Лѣтописи занятій археографической коммиссіи*, выпускъ первый, стр. 25 — 27.

тельныя книги и не смѣшивая *«богоотметныхъ»* книгъ съ апокрифами. Составившаяся такимъ образомъ статья Кипріанова молитвенника и была зерномъ, изъ котораго съ теченіемъ времени, согласно движенію *древне-русскаго* просвѣщенія и литературы, развилась *русская* статья о книгахъ истинныхъ и ложныхъ, имѣющая такой значительный объемъ въ Кирилловой книгѣ. Изъ предложенныхъ нами замѣчаній можно видѣть, почему мы не можемъ принять воспроизведеннаго въ разбираемой книгѣ мнѣнія Востокова, что «означенная статья (Кипріанова молитвенника) была переведена съ греческаго Кипріаномъ, который могъ прибавить къ переводу собственно славянскіе ложные толки и суевѣрія» (стр. 84). Изъ этихъ замѣчаній можно также усмотрѣть, что дало г. Галахову поводъ смѣшать апокрифы (книги тайныя) съ «богоотметными и еретическими». Наконецъ укажемъ на то важное обстоятельство, что *всѣ* «неисправленныя» книги, перечисленныя въ самостоятельномъ, *независимо отъ греческихъ составленномъ индексѣ болгарскомъ* [1]), существовали въ древне-русской литературѣ — *всѣ, безъ исключенія:* одинъ этотъ фактъ слишкомъ краснорѣчиво говоритъ о силѣ вліянія болгарской литературы вообще и богумильства въ частности на древнюю русскую словесность и культуру.

Сглаживая характеристическія черты памятниковъ оригинальныхъ апокрифическихъ и отреченныхъ книгъ, принятыхъ древнею Россіею изъ Болгаріи, т. е. не разсматривая ихъ въ связи съ тѣми еретическими началами, которыя въ нихъ выразились, г. Галаховъ отрываетъ ихъ отъ исторической почвы и не идетъ далѣе простаго пересказа ихъ содержанія. Тѣ элементы, которые внесены въ нашу древнюю словесность богумильствомъ, не указаны; еретическій характеръ отреченныхъ книгъ, принятыхъ изъ Болгаріи, не отмѣченъ. Обширная область древнерусской апокрифической и отреченной литературы охарактеризована въ сочиненіи г. Галахова самыми общими, блѣдными, такъ сказать, разбѣгающимися чертами Къ изученію ихъ авторъ «Исторіи русской словесности» не приноситъ особеннаго интереса. «Исторія поэзіи (говоритъ онъ) видитъ въ апокрифахъ такія произведенія, которыми оживлялся однообразный токъ исключительной литературы». Но г. Галаховъ оставляетъ, думаемъ мы, историческую точку зрѣнія на предметъ,

---

[1]) См въ указанной статьѣ г. Пыпина перечень, начиная отъ словъ: «Вопросы Іоанна Феолога» до конца стр. 26—27.

характеризуя отреченную литературу и апокрифы такимъ образомъ: «Понятно, почему духовенство преслѣдовало и должно было преслѣдовать отреченныя книги: оно сознавало вредъ, наносимый ими и вѣроученію и просвѣщенію. Въ апокрифахъ положительныя богословскія понятія затемнялись ложными толками, къ разсказамъ священной исторіи примѣшивались вымышленныя подробности, вмѣсто истинныхъ научныхъ свѣдѣній выступали фантастическія представленія. Такимъ образомъ между людьми грамотными *развивалось* двоевѣріе» (стр. 85). «Занимательностію и энциклопедическимъ содержаніемъ, отреченныя книги удовлетворяли многимъ интересамъ людей грамотныхъ, которые, по малой степени образованія, не могли различать истинное отъ ложнаго, точныхъ знаній отъ суевѣрія. Онѣ поставляли и своеобразно разрѣшали религіозные вопросы — главный предметъ тогдашней любознательности; распространяли вымышленными подробностями сухой и краткій историческій разсказъ; олицетворяли явленія и силы природы, которая поэтому являлась живымъ существомъ, исполненнымъ чудесъ. Какъ поэтическія легенды, онѣ представляютъ многіе художественные образы и весьма часто проникнуты искреннимъ одушевленіемъ, хотя это одушевленіе вытекаетъ изъ источниковъ, признаваемыхъ за мутные. Такъ какъ у народнаго мышленія и народной фантазіи много общихъ пунктовъ съ представленіями отреченныхъ книгъ, то послѣднія изъ письменности переходили въ изустную словесность и оказывали на нее болѣе или менѣе сильное вліяніе» (стр. 86) Такъ какъ древне-русская отреченная и апокрифическая литература представляетъ конгломератъ самыхъ разнородныхъ по времени и мѣсту происхожденія, по составнымъ элементамъ, идеямъ и тенденціямъ произведеній, то мы и затрудняемся примѣнить къ нимъ сдѣланную г. Галаховымъ характеристику. Вслѣдъ за этой общей характеристикой г. Галаховъ упоминаетъ, какъ бы въ видѣ примѣра, о трехъ «апокрифахъ»: 1) *Сказаніи Афродитіана о рождествѣ Іисуса Христа*, 2) *Завѣтахъ двѣнадцати патріарховъ* и 3) *Хожденіи Богородицы по мукамъ*. Но даже изъ этихъ трехъ апокрифовъ не всѣ подойдутъ подъ опредѣленіе, сдѣланное г. Галаховымъ. Какъ напр. приложить его къ *Завѣтамъ двѣнадцати патріарховъ*, содержащимъ въ себѣ, по словамъ г. Галахова, «разсужденіе о религіозныхъ и нравственныхъ предметахъ» (стр. 86), къ этому іудейско-христіанскому «псевдепиграфу», происхожденіе котораго возводится къ апостольскому вѣку? Какъ найти въ немъ «двоевѣріе», «мутные источники одушевленія»? Что

сказать о другихъ апокрифахъ, въ родѣ отрывковъ *отъ книгъ Еноха праведнаго, Повѣсти о плѣненіи Іерусалимскомъ, Никодимова евангелія и актовъ Пилата, Первоевангелія Іакова* и пр? Какъ согласить съ ними характеристику апокрифовъ, набросанную г. Галаховымъ? Не ясно ли, что безразличное употребленіе слова *апокрифъ*, понятіе о которомъ возникло между вторымъ и четвертымъ вѣкомъ христіанской эры, и весьма растяжимаго древне-русскаго выраженія *«отреченный»* внесло много запутанности въ воззрѣнія автора разбираемой книги на значеніе и исторію апокрифовъ и отреченныхъ книгъ въ древней Россіи? Критическое изученіе отдѣльныхъ памятниковъ апокрифической и отреченной литеретуры, конечно, привело бы г. Галахова къ выводамъ болѣе опредѣленнымъ, чѣмъ характеристика, имъ предложенная. Такое изученіе объяснило бы намъ многіе факты народной русской словесности и пролило бы неожиданный свѣтъ на то знаменательное явленіе въ исторіи древне-русскаго просвѣщенія, которое мы называемъ расколомъ. Оно убѣдило бы насъ, что тѣже стародавнія вѣрованія индоевропейской семьи, которыми держится народная словесность, дали жизнь цѣлой массѣ апокрифическихъ и отреченныхъ писаній; что древняя Россія называла отреченнымъ все то, что держалось и условливалось народнымъ язычествомъ; что произведенія народной словесности съ точки зрѣнія византійской теологіи были отреченною, бѣсовскою забавою. Отреченныя книги не потому только переходили въ изустную словесность, что «у народнаго мышленія и народной фантазіи много общихъ пунктовъ (?) съ представленіями отреченныхъ книгъ», но потому что многія отреченныя книги держались тѣми же стародавними преданіями индоевропейской семьи, которыхъ выраженіемъ была изустная словесность народа. Здѣсь источникъ тѣхъ неизмѣнныхъ симпатій, которыми сопровождались отреченныя книги въ древней Россіи въ теченіи цѣлыхъ столѣтій,— симпатій, которыхъ не могли ослабить церковные запреты. Отреченная литература не «развивала» двоевѣрія въ грамотныхъ людяхъ; она сама питалась и поддерживалась этимъ двосвѣріемъ. «Понятно (говоритъ г. Галаховъ), почему духовенство преслѣдовало и должно было преслѣдовать отреченныя книги: оно сознавало вредъ, наносимый ими и вѣроученію и просвѣщенію» (стр. 85). Исторія древне-русскаго просвѣщенія не представляетъ однако доказательствъ, чтобы наше духовенство ясно сознавало вредъ отреченныхъ книгъ и систематически ихъ преслѣдовало. Напротивъ, немногіе образованные пастыри русской церкви опредѣленно указывали, что

отреченныя писанія хранились именно *въ толстыхъ сборникахъ* у поповъ, и рукописные сборники подтверждаютъ справедливость этого указанія. Простодушный монахъ переписывалъ отреченную книгу въ родѣ сказанія о двѣнадцати пятницахъ, съ убѣжденіемъ, что совершаетъ подвигъ христіанскаго благочестія и въ заключеніе просилъ: «а гдѣ будетъ описался, и вы *духовны* Бога ради исправляйте собою духомъ кротости, а не клените мя грѣшнаго». А образованный и умный игуменъ, которому попадалъ въ руки подобный сборникъ, представлявшій смѣсь писаній св. отцевъ съ апокрифами и отреченными книгами, помѣчалъ иногда рукопись словами: «прочтохъ много добрыхъ вещей и простоты много». Исторія нашей древней словесности представляетъ много духовныхъ лицъ, которыя исполнены были этой «простоты», которыя черпали свое одушевленіе.... — въ «источникахъ, признаваемыхъ мутными». Самъ г. Галаховъ говоритъ, что посланіе новгородскаго архіепископа Василія къ тверскому владыкѣ Ѳедору, «обращается за доводами, преимущественно къ подложнымъ сказаніямъ, апокрифамъ, къ такъ называемымъ стихамъ и къ разсказамъ новгородскихъ паломниковъ, которые могли принять отъ Несторіанъ и Яковитовъ, восточныхъ религіозныхъ сектъ, ученіе объ уцѣлѣвшемъ земномъ раѣ» (стр. 79) [1]). И однако излюбленный владыка великаго Новгорода, рѣшая вопросъ о земномъ раѣ и обращаясь къ отреченнымъ писаніямъ, называетъ ихъ «книгами божественнаго закона». Преосвященный Макарій совершенно справедливо замѣчаетъ, что нѣкоторыя частности этого посланія показываютъ, «какъ не высоко стоялъ въ своемъ образованіи Василій *и, конечно не одинъ, а вмѣстѣ со многими современными ему соотечественниками* [2])». Не потому ли попъ Григорій калѣка, паломничествовавшій въ Іерусалимъ, былъ любъ дѣтямъ великаго Новгорода, что въ немъ было много этой «простоты», этого сочувствія народнымъ преданіямъ и вѣрованіямъ, отголоски которыхъ находилъ онъ въ своихъ «книгахъ божественнаго закона»? Скорбныя сѣтованія Геннадія, который столѣтіемъ позднѣе Василія занималъ архіепископскій столъ Новагорода, на невѣжество и «простоту» ставившихся въ попы

[1]) Усвояя предположеніе, высказанное историкомъ русской церкви, г. Галаховъ не обращаетъ вниманія на то что въ разсказахъ новгородскихъ паломниковъ о существованіи рая на горѣ выражаются вовсе не мнѣніе Несторіанъ и Яковитовъ, а исконныя вѣрованія индоевропейской семьи, которыя можно прослѣдить и въ народныхъ русскихъ сказкахъ

[2]) Исторія русской церкви V, 153—154.

служатъ лучшимъ доказательствомъ того, что старое русское духовенство само вдохновлялось апокрифическими и отреченными писаніями. Въ XVI и въ XVII вѣкѣ тѣ и другія еще процвѣтаютъ въ русской литературѣ. Не даромъ же, по словамъ г. Галахова, «съ XIII и до XVIII вѣка (до самаго Духовнаго регламента) духовная власть не переставала обличать ложныя сказанія» (стр. 86). Не забудемъ, что апокрифы щедры были съ одной стороны на угрозы тѣмъ, которые дерзнули бы усомниться въ ихъ божественномъ происхожденіи, и съ другой стороны на награды, индульгенціи всѣмъ, заботившимся объ ихъ распространеніи. Буквализмъ стараго русскаго грамотника придавалъ одинакую вѣру и канонической книгѣ и какой нибудь епистоліи Іисуса Христа, упавшей съ неба. Эпизоды отреченныхъ книгъ нерѣдко встрѣчаются въ назидательныхъ поученіяхъ, вошедшихъ въ составъ Златоуста и Измарагда. По свидѣтельству одного древне-русскаго поученія, занесеннаго въ Паисіевъ сборникъ, многіе такъ довѣрчиво относились къ книгамъ, «якоже имянъ не вѣдати чтомыхъ книгъ». Не даромъ другое русское поученіе къ числу *учителей*, которыхъ наставленія влекутъ въ муку вѣчную, относитъ людей, «иже книги чтутъ по грамотѣ и дмутся гнѣвомъ на заповѣди его (господни), иже слышатъ *по духу глаголющаго* и завидяще ропщутъ съ гнѣвомъ на глаголющаго истину....». Вотъ основанія, которыя не позволяютъ намъ согласиться съ мнѣніемъ г. Галахова, что старое русское духовенство «сознавало *вредъ*, наносимый отреченными книгами вѣроученію и просвѣщенію». Припомнимъ многозначительную жалобу Курбскаго: «Нынѣшнего вѣку мнящіеся учители больше *въ болгарскіе басни*. або паче въ бабскіе бредни упражняются, прочитаютъ и похваляютъ ихъ, нежели въ великихъ учителей разумѣхъ наслаждаются». Повторяемъ, что исторія этихъ «*болгарскихъ* басенъ», исторія апокрифовъ и отреченной литературы во многомъ помогаетъ объяснить происхожденіе раскола, который унаслѣдовалъ отъ древней Россіи эту литературную отрасль и доселѣ въ своихъ заповѣдныхъ тетрадкахъ хранитъ это наслѣдіе родной старины. Понятно, почему «болгарскія книги» требуютъ внимательнаго критическаго изученія отъ историка русской словесности.

Касаясь затѣмъ польскаго литературнаго вліянія на нашу допетровскую литературу, г Галаховъ расширяетъ его область далѣе ея дѣйствительныхъ историческихъ границъ. Вотъ его слова: «Какъ литература народа, позднѣе другихъ народовъ выступившаго на историческую дѣятельность, русская словесность съ са-

маго начала своего подвергалась и теперь подвергается иноземнымъ вліяніямъ. Въ древнемъ періодѣ такихъ вліяній было два: византійское и польское, къ которымъ присоединяются болгарское и сербское» (стр. 36). Въ другомъ мѣстѣ г. Галаховъ говоритъ: «Въ XVI и XVII в.в. польская литература имѣла для насъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, такое же значеніе, какое имѣла письменность южнославянская въ начальный періодъ нашей исторіи. Какъ произведенія византійской словесности переходили къ намъ большею частію въ болгарскихъ переводахъ, такъ и Польша служила посредницей между Россіею и средневѣковымъ европейскимъ образованіемъ. До Петра мы не имѣли *прямыхъ* литературныхъ сближеній съ Европою. И литература, и наука запада приходили къ намъ путемъ польскаго вліянія» (стр. 127). Уже г. Пыпинъ, сопоставляя вліянія на древне-русскую словесность литературы византійской и польской, довольно вѣрно опредѣлилъ степень и границы того и другаго. «Въ древней литературѣ нашей (замѣтилъ онъ) византійское вліяніе было господствующимъ фактомъ, наложившимъ свою печать на всѣ ея произведенія, хотя въ различной степени.... Литература польская не могла дѣйствовать на русскую всѣмъ объемомъ своего содержанія.... Дѣйствіе ея ограничивалось частными случаями и отдѣльными родами произведеній; и знакомясь при ея посредствѣ съ многочисленными сказаніями среднихъ вѣковъ, наша литература тѣмъ не менѣе чуждалась явленій чисто польскихъ, оставшихся у насъ почти неизвѣстными.... Существенная роль польскаго вліянія состояла въ томъ, что оно принесло къ намъ знакомство съ повѣстями, романами и новеллами, которые въ передѣлкахъ и переводахъ распространены были во всей западной Европѣ» [1]). Усвоивъ результаты изслѣдованій г. Пыпина относительно старинныхъ повѣстей и романовъ въ русской литературѣ, г. Галаховъ не остановился на выводахъ этого ученаго о степени польскаго вліянія на нашу допетровскую литературу, но пошелъ далѣе. Съ одной стороны, онъ указалъ въ духовной словесности XVII вѣка «новые элементы, которыми она одолжена была вліянію запада, переходившему къ намъ изъ Польши» (стр. 177); съ другой онъ пытался прослѣдить тоже вліяніе въ начальномъ періодѣ русскаго театра и драматической литературы. Слѣдя вліяніе запада на проповѣдномъ русскомъ словѣ XVII вѣка, г. Галаховъ совер-

[1]) *Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 250.*

шенно справедливо замѣчаетъ, что «отличительныя черты югозападныхъ проповѣдей опредѣлились характеромъ научнаго образованія, преимущественно богословскаго, которое сообщало имъ свое содержаніе, и риторическаго, которое предлагало правила давать содержанію форму» (стр. 181). Довольно подробно излагаетъ г. Галаховъ «Науку, или способъ сложенія казаній» Галятовскаго, содержащую въ себѣ тогдашнюю теорію церковнаго краснорѣчія. Несомнѣнно, что эта риторическая теорія пришла къ намъ изъ польскихъ школъ и что она составляла общее достояніе католическаго запада. Совершенно соглашаясь съ замѣчаніемъ г. Галахова, что руководства къ преподаванію риторики въ кіевской академіи «одного покроя» съ руководствомъ Галятовскаго и съ риторической системой, господствовавшей въ московской славяно-греко-латинской академіи; мы полагали бы не безполезнымъ дополнить сказанное объ этомъ предметѣ въ «Исторіи русской словесности» замѣчаніемъ, что это таже самая схоластическая риторика, которая «господствовала въ псевдоклассическомъ періодѣ краснорѣчія» (по справедливому выраженію г. Галахова) (стр. 344). Основанія этой схоластической риторики, изложенныя въ Progymnasmata Аѳѳонія, получили форму классическихъ руководствъ подъ перомъ Помея, Кауссина и др. Теорія Галятовскаго есть воспроизведеніе послѣднихъ на южнорусскомъ языкѣ, повтореніе старыхъ кіевскихъ риторикъ и потому г. Галаховъ едва ли выразился точно, сказавши: «Теорія этого искусства *дана впервые* Іоанникіемъ Галятовскимъ» (стр. 125). Этой риторикѣ, нѣсколько видоизмѣненной Готшедомъ, оставался вѣренъ Ломоносовъ, который самъ учился «обоему краснорѣчію» по руководствамъ, продолжавшимъ традицію кіевской академіи.

Но мы не можемъ согласиться съ выводами г. Галахова относительно вліянія Польши на начальныя судьбы русскаго театра Мы думаемъ, что, говоря о сценическихъ представленіяхъ времени Алексѣя Михайловича, г. Галаховъ смѣшиваетъ совершенно различныя по происхожденію и характеру группы драматической литературы и видитъ польское вліяніе тамъ, гдѣ его вовсе не было. Категорически высказавши мысль, что «до Петра мы не имѣли *прямыхъ* литературныхъ *сближеній* съ Европою», г. Галаховъ отдаетъ на долю польскаго литературнаго вліянія то, что на самомъ дѣлѣ *прямо* перешло къ намъ отъ Нѣмцовъ. «Отъ кіевскихъ ученыхъ (пишетъ г. Галаховъ) ведутъ свое начало силлабическое стихосложеніе и *сценическія представленія*» (стр. 125). «Кіевъ передавалъ Москвѣ то, что самъ заимствовалъ отъ Польши, раньше насъ при-

нявшей западную цивилизацію.... Исчисленныя явленія въ литературѣ и наукѣ: развитіе богословской полемики и схоластическаго духовнаго краснорѣчія, *мистеріи*, сатирическія повѣсти и *драмы*, силлабическіе вирши перешли къ намъ отъ Поляковъ» (стр. 126) Исторію сценическихъ представленій при Алексѣѣ Михайловичѣ и при Петрѣ Великомъ необходимо слѣдить въ двухъ *совершенно различныхъ* сферахъ, испытавшихъ на себѣ два также *совершенно различныхъ* вліянія: 1) въ драмѣ школьной и 2) въ драмѣ, разыгрывавшейся при Алексѣѣ Михайловичѣ на *верху*, при дворѣ, при Петрѣ Великомъ въ комедіальной храминѣ на Красной площади Москвы. Послѣдняя категорія,—т. е. репертуаръ магистра Грегори (въ XVII в.), и репертуаръ Куншта и Фиршта (въ началѣ XVIII столѣтія), — слагалась изъ такъ называемыхъ англійскихъ комедій, Haupt- und -Staatsactionen, изъ піэсъ, одолженныхъ своимъ существованіемъ и процвѣтаніемъ дѣятельности магистра Фельтена и его послѣдователей [1]) Оба эти репертуара стояли подъ *исключительнымъ* вліяніемъ *нѣмецкаго* театра. Въ этихъ репертуарахъ находили себѣ мѣсто и остатки средневѣковой драмы. Школьная драма возникла на началахъ совершенно противуположныхъ средневѣковой драматической литературѣ: распущенности средневѣковыхъ мистерій она противупоставила *строго опредѣленный типъ античной* драмы. Выдвигая драматическія зрѣлища изъ нѣдръ народной жизни въ узкую сферу людей образованныхъ, подтачивая въ самомъ корнѣ народныя основы театра, она подчиняла форму драматической поэзіи извѣстнымъ, изчужи заимствованнымъ правиламъ. Піэсы древнихъ классиковъ дали школьной, ученой драмѣ свою опредѣленную форму, такъ что школьную піэсу съ перваго взгляда можно узнать по существованію антипролога (впрочемъ не во всѣхъ драмахъ), пролога общаго и прологовъ къ каждому отдѣльному акту, нѣсколькихъ актовъ съ опредѣленымъ числомъ сценъ въ каждомъ, хоровъ, которыми, въ сопровожденіи музыки («игранія», по выраженію Семеона Полоцкаго), завершался каждый актъ, и наконецъ эпилога. Школьныя піэсы Москвы и Кіева при Алексѣѣ Михайловичѣ и Петрѣ Великомъ стояли подъ *исключительнымъ вліяніемъ польскихъ*, часто іезуитскихъ образцовъ. Ни въ

[1]) Подробную характеристику этихъ піэсъ и репертуаровъ Грегори, Куншта и Фиршта можно найти въ моей рѣчи *Первое пятидесятилѣтіе русскаго театра* Ср также *Alexis Wesselofsky, Deutsche Einflüsse auf das alte Russische Theater von 1672—1756.*

одной отрасли русскихъ драматическихъ произведеній XVII и первой четверти XVIII вѣка не выразилось такъ сильно вліяніе Польши какъ въ діалогахъ и драматическихъ дѣйствахъ *московской* славяно-греко-латинской академіи. Драма *кіевской* академіи, начавшая развиваться подъ вліяніемъ польской школьной, въ началѣ прошедшаго столѣтія, подъ перомъ своихъ даровитыхъ авторовъ, достигла уже нѣкоторой самостоятельности и, сохраняя еще *отчасти* свою архаическую *форму*, искала себѣ содержанія въ отечественной старинѣ. Припомнимъ, что школьныя комедіи были въ Польшѣ еще до іезуитовъ [1]). Отцы этого ордена содѣйствовали особенному развитію ихъ въ этой странѣ: въ Польшѣ, болѣе чѣмъ гдѣ нибудь, школьная драма испытала на себѣ вліяніе іезуитовъ, сдѣлалась ихъ органомъ [2]) и, можетъ быть, благодаря этому вліянію, особенно разрослась въ ущербъ болѣе свободному и плодотворному развитію театра: не безъ основанія полагаютъ, что развитіе драмы вообще и успѣхи театра задерживались въ Польшѣ іезуитскимъ воспитаніемъ [3]). Эту окраску Польша передала драматическимъ дѣйствамъ московской славяно-греко-латинской академіи.

Такими границами опредѣляется область польскаго вліянія на русскія сценическія представленія въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Въ Исторіи русской словесности г. Галахова не проведено раздѣлительной черты между драмою школьною и репертуарами Грегори, Куншта и Фиршта, такъ что объемъ польскаго вліянія на русскія сценическія представленія значительно расширенъ на счетъ нѣмецкаго и самыя піэсы временъ Алексѣя Михайловича и Петра Великаго получили невѣрное освѣщеніе. Такъ извѣстная піэса репертуара Грегори *Юдиѳь*, о представленіи которой «*Нѣмцами*» сохранились оффиціальныя современныя извѣстія, выдвинута г. Галаховымъ изъ репертуара Грегори въ область польскаго вліянія, между тѣмъ какъ многочисленные германизмы ея краснорѣчиво говорятъ о переводѣ съ нѣмецкаго [4]). Съ другой стороны мистеріи

---

[1]) *Dykcyonarz poetow polskich przez Juszynskiego I, 409.*

[2]) Lukaszewicza, Historya szkół w Koronie i w wielkiem Księzstwię Litewskiem I, 261.

[3]) Трембицкій въ разборѣ *Древнепольскаго театра* Войцицкаго Biblioteka Warszawska IV, 307.

[4]) «Есть другая комедія о Навуходоносорѣ, въ которой однакожъ главное дѣйствіе принадлежитъ Олоферну и Юдиѳи.... Неизвѣстный авторъ піэсы, умышленно или неумышленно, воинскимъ чинамъ далъ современныя названія..... *Вѣроятно*, въ беззаботныхъ, склонныхъ къ пьянству и грабежу дѣйствующихъ лицахъ, не любившихъ хлѣбъ молотити, но любившихъ, чтобъ

смѣшиваются съ извѣстнымъ видомъ школьныхъ піэсъ—«трагедо-комедіями» [1]). Вслѣдствіе такого смѣшенія характеристика драматической литературы эпохи Петра Великаго представляется крайне невѣрною. Объ этой эпохѣ г. Галаховъ говоритъ между прочимъ: «Театральный репертуаръ этого времени состоялъ изъ піэсъ двоякаго рода: къ однѣмъ относятся *собственно мистеріи*, къ другимъ сценическія представленія, отступившія отъ характера духовной драмы. *Мистерія* представлялась и при дворѣ, *и въ славяно-греко-латинской академіи*» (стр. 310). Пересматривая программы или конспекты школьныхъ дѣйствъ славяно-греко-латинской академіи, г. Галаховъ, по видимому, замѣчалъ, что они не похожи на «собственную мистерію», что это нѣчто особенное и старался объяснить себѣ несходства мистерій съ школьными піэсами — тѣми историческими перемѣнами, которыя съ теченіемъ времени произошли въ мистеріи. «Только и духовныя драмы (продолжаетъ онъ) *подверглись вліянію реформы*· во первыхъ, тѣмъ что онѣ стали утрачивать *исключительно религіозный* элементъ; во вторыхъ тѣмъ, что допускали *намеки на современныя событія, по поводу которыхъ многія изъ нихъ и были написаны*» (стр. 310). Но исторія европейскихъ литературъ не знаетъ мистерій, которыя бы были «написаны по поводу современныхъ событій» политическихъ, хотя она знаетъ связь школьныхъ драмъ, особенно іезуитскихъ, съ современными политическими событіями. Она знаетъ, что германская реформація сочувственно отнеслась къ нарождавшемуся отдѣлу драматическихъ произведеній — къ «школьнымъ комедіямъ», которыя Лютеръ поддержалъ своимъ мощнымъ словомъ; что въ свою очередь школьныя драмы Германіи вѣрно *служили дѣлу реформаціи; что позднѣе* и іезуиты прибрали къ рукамъ школьную драму и обратили ее протестантовъ этотъ окрѣпшій и созрѣвшій продуктъ, который

ихъ называли милостивыми господами (Gnadige Herrn?) имѣлъ онъ намѣреніе представить *тогдашнюю польскую шляхту*. Можетъ быть, онъ и подражалъ какой нибудь *польской комедіи* на тотъ же предметъ» (стр. 233). Замѣчу что эта піэса напечатана Новиковымъ по рукописи (нынѣ хранящейся въ Академіи Наукъ), у которой заглавный листъ оторванъ и потому «*Юдиѳь*» явилась подъ заглавіемъ *Комедія Навуходоносоръ, Мемухамъ* т. е. дѣйствующихъ лицъ первой ея сцены. Подробности объ этой піэсѣ Грегори см. въ моей *Рѣчи*

[1]) По словамъ г. Галахова, югозападная Россія «открыла въ школахъ представленіе мистерій, получившихъ у насъ названіе «комедій» или дѣйствъ, а въ послѣдствіи трагедо-комедій» (стр. 203). Но трагедо-комедіи по своей формѣ и происхожденію не имѣютъ ничего общаго съ мистеріею. Ср. Schauspiele aus dem sechszenten Jahrhundert, herausg. von Julius Tittmann I, p XX.

посѣянъ былъ гуманистами и вырощенъ реформаціею; что, наконецъ, политическіе намеки и нападки на современность были, можно сказать, привиты школьной драмѣ съ самой ея колыбели и въ теченіе всего своего историческаго развитія она оставалась вѣрна этому прирожденному своему свойству, вставляя намеки на современность даже въ строго религіозное содержаніе [1]). Но будемъ слѣдовать за г. Галаховымъ въ характеристикѣ «театральнаго репертуара» Петровскаго времени. «Примѣняясь къ текущимъ, внѣшнимъ и внутреннимъ, обстоятельствамъ, *переходя отъ чисто духовнаго назиданія къ прославленіе мірскихъ дѣлъ*, драма на глазахъ многихъ могла казаться преступною новостью: по этой причинѣ предисловіе къ ней считало долгомъ объяснять *небывалую вещь* примѣрами другихъ христіанскихъ странъ и тутъ же кстати обличать домашнихъ невѣждъ «ничего не знающихъ, ничего не видящихъ и не слышащихъ, но неисходно пребывающихъ подъ своею клѣтью и при каждомъ новомъ явленіи отрыгающихъ непотребныя словеса». «Выбираемъ (продолжаетъ г. Галаховъ) нѣсколько примѣровъ того, какъ *религіозные сюжеты* выводились на сцену *вмѣстѣ съ политическими событіями*. Само собою разумѣется, что при слабомъ состояніи драмы не могло быть и рѣчи о прямомъ въ ней изображеніи жизни. Не умѣя сладить съ поэтическимъ воспроизведеніемъ дѣйствительнаго быта, слагатель пьесы постоянно прибѣгалъ къ *аллегоріямъ*, отчего она являлась смѣсью мистеріи и moralité» (стр. 310). Затѣмъ г. Галаховъ касается нѣкоторыхъ пьесъ московской славяно-греко-латинской академіи, напр. «Страшное изображеніе втораго пришествія Господня на землю», «Божіе уничижителей гордыхъ уничиженіе» [2]). Можетъ быть, съ точки зрѣнія эстетической критики эта характеристика пьесъ Петровскаго времени и удовлетворительна, съ исторической точки зрѣнія она не выдерживаетъ критики. Не мистерія, а школьная драма, и притомъ особый ея видъ — такъ называемые *ludi caesarei*, въ которыхъ іезуиты такъ широко развили панегирическій элементъ, перехо-

---

[1]) *Chomętowskiego Dzieje teatru polskiego, s 89*

[2]) Въ числѣ піэсъ Петровскаго репертуара г. Галаховъ упоминаетъ «Преславное торжество свободителя Ливоніи (напр. 1705), которое (по его словамъ) на ряду съ Моисеемъ, Ангелами, Благочестіемъ, Ревностію, Хищеніемъ, выводитъ Юпитера и Феба, потомъ Ингерманландію и Ливонію» (стр. 310). Но книжица эта не есть драма; она (по словамъ автора) «изъясняетъ торжественная врата, яже построены суть близъ училищъ» (Напеч. въ *1704* г.).

дила «*къ прославленію* мірскихъ дѣлъ» и аллегорически-символическій стиль дѣйствительно характеризуетъ школьную драму панегирическаго характера. Не мистерія, благодаря будто бы измѣнившимся обстоятельствамъ времени и вліянію реформы, «переходила отъ чисто духовнаго назиданія къ прославленію мірскихъ дѣлъ», а школьное дѣйство, посвященное «прославленію мірскихъ дѣлъ», всегда и вездѣ обращалось къ библейскимъ сюжетамъ, чтобы сдѣлать ихъ аллегоріею прославляемой современности Индивидуальныя черты историческаго событія сглаживались и часто совершенно исчезали въ Iudis caesareis, въ панегирическихъ школьныхъ драмахъ: замысловатая аллегорія или холодный символъ заглушали въ нихъ живой голосъ современности. Зритель видѣлъ на сценѣ изображеніе библейскаго событія, но это библейское событіе было «прообразованіемъ» того современнаго историческаго событія, которое прославлялось школьнымъ дѣйствомъ. По выраженію одного изъ наставниковъ славяно-греко-латинской академіи «слава *нашихъ торжественниковъ* (т. е. Петра Великаго и его войска) прославлялась *въ образъ древнихъ торжественниковъ*». Подвиги Петра, «православнаго ревнителя россійскаго», въ войнѣ съ Шведами, зритель школьнаго дѣйства долженъ былъ прозрѣвать въ дѣяніяхъ — Іисуса Навина. Авторы панегирическихъ школьныхъ драмъ, конечно, не могли особенно стѣсняться историческимъ разсказомъ священнаго писанія, положеннымъ въ основаніе піэсы, ни современною дѣйствительностію. Они сознавали, что «сравненіе не есть равенство», что «всякое подобіе хромаетъ», и потому «до исторіи иное прибавляли, иное убавляли, иное же въ ней отмѣняли: нужда бо не токмо исторію, но и законъ измѣняетъ». Панегирическія школьныя дѣйства и у насъ, и въ западной Европѣ брали свое «начало и основаніе изъ священнаго писанія»; но въ подобныхъ драмахъ нельзя видѣть «духовныхъ драмъ, подвергшихся вліянію реформы» или какого то смѣшенія «мистеріи съ moralité», какъ хочетъ г. Галаховъ. Въ приведенномъ мѣстѣ изъ «Исторіи русской словесности» есть и другая не неважная неточность. Не *драма*, переходившая «къ прославленію мірскихъ дѣлъ», могла «казаться на глаза многихъ преступною новостью», не ее приходилось защищать примѣрами другихъ христіанскихъ странъ, какъ говоритъ г. Галаховъ (стр. 310). Наставники московской славяно-греко-латинской академіи должны были защищать новый для Петровской Россіи обычай воздвигать въ честь побѣдъ царя надъ Шведами — тріумфальныя врата и украшать ихъ «не отъ божественныхъ писаній, но отъ мірскихъ

исторій, не святыми иконами, но или отъ историковъ преданными, или отъ стихотворцевъ вымышленными лицами и подобіями отъ звѣрей, гадовъ» и т. д. [1]). Аллегорическіе образы тріумфальныхъ вратъ, заимствованные изъ древней миѳологіи и исторіи, смущали всенародное множество въ Москвѣ, въ началѣ XVIII вѣка, и наставники славяно-греко-латинской академіи, какъ композиторы торжественныхъ вратъ, должны были ссылками на примѣры европейскихъ академій доказывать «благоговѣйному читателю», что во всемъ этомъ нѣтъ ничего противнаго благочестію, что только «невѣжды, ничего не знающіе, ничего нигдѣ не видавшіе и не слыхавшіе, но пребывающіе какъ черепаха подъ клѣтію, *если увидятъ у себя что нибудь новое*, начинаютъ удивляться и отрыгать различныя блядословія». Іосифъ Туробойскій, авторъ этой любопытной апологіи новаго обычая, очень ясно и опредѣленно характеризуетъ школьныя дѣйства Петровской эпохи, въ которыхъ г. Галаховъ видѣлъ то смѣсь мистеріи съ moralité, то духовную драму, выродившуюся подъ вліяніемъ реформы. «Въ сія времена (пишетъ Туробойскій) во всѣхъ христіанскихъ, отъ ига варварскаго свободныхъ странахъ преславнымъ побѣдителемъ, отъ брани съ торжествомъ возвращающимся, благодарніи подданніи *наипаче же въ академіахъ и всякихъ школьныхъ собраніахъ*, идѣже не токмо духовное, но и *политичное ученіе сіяетъ*, отъ обоихъ писаній похвалныя вѣнцы составляти обыкоша: отъ *божественныхъ* убо писаній въ церквахъ или на *иныхъ*, *на сіе прибранныхъ мѣстахъ*, отъ мірскихъ же исторій — на торжищахъ, улицахъ и прочихъ мѣстахъ, всенародному зрѣнію приличныхъ». Потому и мы (заключаетъ Туробойскій) «*похвальная діалогическая дѣйствія* отъ божественныхъ писаній на опредѣленномъ мѣстѣ (т. е. въ школѣ) дѣйствуемъ; на явственномъ же и всенародномъ указанномъ мѣстѣ отъ мірскихъ и гражданскихъ исторій торжественными враты Его царское пресвѣтлое Величество и всѣхъ его побѣдоносныхъ подвигоположниковъ... почитаемъ» [2]). Здѣсь не только опредѣляются ludi caesarei Петровскаго времени, но и указывается ихъ отношеніе къ торжественнымъ вратамъ, съ которыми они имѣли одну цѣль и однихъ авторовъ. Вѣрныя по формѣ типу польской школьной драмы, панегирическія дѣйства славяно-греко-латинской академіи заслуживаютъ внимательнаго историческаго изученія, какъ драгоцѣнные остатки

---

[1]) *Преславное торжество свободителя Ливоніи, л. 9 об.*

[2]) Тамъ же, л. 6 об.—л. 8 об.

необширной «изящной» литературы эпохи преобразованія. Славяно-греко-латинская академія имѣла свою долю участія въ литературномъ содѣйствіи реформаціоннымъ видамъ Петра Великаго: она служила имъ въ школѣ — своею драмою, на московскихъ площадяхъ — торжественными вратами, которыя она украшала своими художественными и піитическими изобрѣтеніями. Въ архаическихъ формахъ московской школьной драмы Петрова времени выражалось живое сочувствіе просвѣтительной дѣятельности царя; авторитетомъ церкви старалась академія оправдать начинанія и реформы, въ коихъ старина думала видѣть вѣяніе нечистаго духа. Ея сцена вводила въ умы молодаго поколѣнія «политичныя мнѣнія» образованныхъ народовъ. Она зародилась «при начатіи рощенія россійской славы и введенія добрыхъ порядковъ»; она не только привѣтствовала это «рощеніе» и «добрые порядки», но и посильно имъ содѣйствовала. Г. Галаховъ не указалъ слѣдовъ польскаго вліянія на драмы славяно-греко-латинской академіи, которыя тянутся съ 1700 года до половины XVIII вѣка, которыя привѣтствовали первые успѣхи Петра въ великой сѣверной войнѣ и почти изъ года въ годъ до самой полтавской битвы откликались на важнѣйшіе фазисы, которые проходила эта великая историческая борьба. Г. Галаховъ, ссылаясь на «Страшное изображеніе втораго пришествія» и другія школьныя піэсы, не опредѣляетъ даже, съ какимъ родомъ литературныхъ произведеній онъ имѣетъ дѣло и въ чемъ состоятъ характеристическія особенности этого рода. Разбирая школьную драму св. Дмитрія Ростовскаго на Рождество Христово, рядомъ съ *Юдиѳью* Грегори подъ общею рубрикою «мистеріи», г. Галаховъ видитъ въ ней, также какъ и въ нѣкоторыхъ школьныхъ піэсахъ Петрова репертуара — «соединеніе мистеріи съ moralité» (стр. 233), снова не вводитъ ее въ категорію школьныхъ комедій, проникшихъ къ намъ черезъ Польшу. Между тѣмъ, взглянувши на нее съ этой точки зрѣнія, онъ нашелъ бы въ ней тотъ же типъ, ту же композицію и планъ, которые легко замѣтить въ драмахъ и дѣйствахъ славяно-греко-латинской академіи: антипрологъ, хоры, эпилогъ и т. п. Съ другой стороны, литературныя особенности школьныхъ драмъ Петровской эпохи (напр. значеніе антипролога, появленіе въ числѣ дѣйствующихъ лицъ Геніуша [1]) или

[1]) «*Геній*, рачитель польскаго королевства (говоритъ г. Галаховъ, излагая одну изъ драмъ Петровскаго репертуара) приходитъ въ сенатъ, но его не слушаютъ» (стр. 310). Геніушы странъ, государствъ и отдѣльныхъ лицъ по-

вставочныя интермедіи) не получили должнаго объясненія. Излагая Рождественскую драму св Димитрія Ростовскаго, г. Галаховъ замѣчаетъ: «Такъ какъ тайна воплощенія неразрывно связана съ исторіей Адама и Евы, то *аллегорическія* лица антипролога напоминаютъ эту исторію» (стр. 233). Такое объясненіе едва ли представится вѣрнымъ, когда вспомнимъ значеніе, которое постоянно и неизмѣнно имѣлъ антипрологъ въ школьной драмѣ: по опредѣленію школьныхъ піитикъ, антипрологъ — та часть школьной драмы, in qua brevissime summa rei agendae *symbolice* exponitur. Происхожденія русскаго интерлюдія г. Галаховъ ищетъ не въ Польшѣ, а въ малорусскомъ вертепѣ, хотя и самый вертепъ есть не иное что какъ школьная драма, спустившаяся на театръ маріонетокъ. По словамъ г. Галахова, «интерлюдіи *возникли* въ Малороссіи и, безъ сомнѣнія, ведутъ свое начало отъ вертеповъ» (стр 312). Интерлюдіи или интермедіи съ давняго времени стали входить въ составъ польской школьной драмы: они разыгрывались между отдѣльными актами или сценами оной, всегда писались *на народномъ языкѣ*, часто съ соблюденіемъ провинціальныхъ говоровъ и представляли большею частію вѣрныя картины обыденной жизни народа. Въ старыхъ интермедіяхъ польскихъ хранятся драгоцѣнные матеріалы для исторіи народнаго быта, и интересующіеся разработкою исторіи народной культуры не могутъ не желать, чтобы эти любопытныя изображенія народнаго прошлаго были собраны и перепечатаны въ возможной полнотѣ. О нашихъ интерлюдіяхъ г. Галаховъ совершенно справедливо замѣчаетъ: «самая форма ихъ показываетъ, что онѣ слагались людьми *книжными*, получившими *школьное образованіе*, но вмѣстѣ близкими къ народу и внимательно наблюдавшими теченіе современныхъ дѣлъ». Интерлюдіи, интермедіи или посредствія есть почти во всѣхъ школьныхъ драмахъ великой и малой Россіи, каково бы ни было ихъ содержаніе; въ этомъ отношеніи наша школьная драма осталась вѣрна своему польскому прототипу. Даже въ «комедіяхъ» Симеона Полоцкаго, который познакомилъ Москву XVII вѣка съ формою и существенными принадлежностями *школьной* драмы, находятся *интермедіи*. Повторимъ, что польское вліяніе, и притомъ довольно сильное, господствовало у насъ *исключительно* въ *школьныхъ* драмахъ, не далѣе; сценическія представленія перешли

стоянно являются въ числѣ дѣйствующихъ лицъ *польской школьной драмы*, откуда перешли и въ наши *школьныя* дѣйства. Ср. Wojcickj Teatr starożytny w Polsce I, 23, 197; Chmętowskiego, Dzieje teatru polskiego 71, 74

въ Москву—не изъ Кіева, а отъ Нѣмцовъ, изъ Нѣмецкой слободы. *Позднѣе* пришла въ Москву изъ Кіева школьная драма на манеръ польской, но пріютилась она не на «верху», не на площади, а въ стѣнахъ славяно-греко-латинской академіи Не имѣемъ данныхъ, чтобы утверждать вмѣстѣ съ Галаховымъ, что Симеонъ Полоцкій при дворѣ «устраивалъ драматическія представленія съ царевною Софьею» (стр. 234); полагаемъ, что это извѣстіе основано на старой статьѣ *о русскомъ театрѣ* Загоскина, который приписывалъ Полоцкому даже сочиненіе *Юдиѳи* и *Іосифа съ братьями* [1]).

III. Отъ вопроса о польскомъ вліяніи на русскую допетровскую словесность переходимъ къ вопросу о дѣленіи исторіи русской литературы на періоды и о характеристикѣ отдѣльныхъ литературныхъ эпохъ и литературныхъ группъ въ книгѣ г. Галахова

Повидимому, вопросъ о дѣленіи исторіи *древней* русской литературы поставленъ, въ разбираемомъ сочиненіи, въ зависимость отъ начала польскаго или, пожалуй, западнаго вліянія на нашу древнюю словесность. «Исторія русской словесности (говоритъ г. Галаховъ) дѣлится на два періода: древній и новый. Древній простирается отъ начала нашей письменности до тридцатыхъ годовъ XVIII вѣка или до Ломоносова; новый — отъ Ломоносова до нашего времени. Литература древняго періода представляетъ два отдѣла: первый, идущій отъ начала письменности, простирается, для *юго-западной Россіи до конца XVI вѣка*, или до основанія кіевской духовной академіи, а *для Великороссіи до второй половины XVII вѣка*, когда ученые изъ Кіева и другихъ южныхъ и западныхъ русскихъ областей прибываютъ въ Москву, гдѣ въ концѣ того же вѣка основывается славяно-греко-латинская академія; второй — отъ конца XVI вѣка (для русскаго юго-запада) и со второй половины XVII (для Великороссіи) до Ломоносова» (стр. 5). Изъ приведенныхъ словъ ясно, что начало новаго «отдѣла» въ исторіи древней русской литературы г. Галаховъ обусловливаетъ началомъ *польскаго* вліянія на великорусскую литературу. Но если вглядѣться пристальнѣе и ближе въ развитіе литературныхъ явленій древней Россіи, то не придется ли намъ начать новый «отдѣлъ» въ исторіи древней русской литературы гораздо ранѣе второй половины XVII вѣка? Самъ г. Галаховъ признаетъ, что польская литература «получила для насъ значеніе» уже въ XVI вѣкѣ (стр. 127). Почему же не съ этого столѣтія начинаетъ г. Галаховъ и для великой Россіи но-

[1]) Труды общества любителей россійской словесности 1822, ч. I, стр. 137.

вый «отдѣлъ» въ исторіи древнерусской словесности? Въ XVI вѣкѣ западное вліяніе на жизнь, литературу и искусство сказывается уже очень сильно не только въ Новгородѣ, но и въ Москвѣ. Иванъ Берсень жалуется, что русская земля «переставливаетъ свои обычаи», Стоглавъ—, что «многіе обычаи поисшатались, преданія и законы порушены, дѣло божіихъ заповѣдей ослабно и небрегомо». И въ томъ самомъ столѣтіи, въ которое отцы Стоглаваго собора выражаютъ глубокое убѣжденіе, что, «каждая страна имѣетъ свою *отчину* и свой *законъ*, которые не переходятъ отъ одной страны къ другой», — Домострой въ назиданіе молодымъ поколѣніямъ возводитъ въ идеалъ, въ «законъ» тотъ строй домашней жизни, который сложился въ древней Россіи, и желаетъ, чтобы этотъ прежній нарядъ жизни соблюдался «безъ всякой порухи». На Стоглавомъ соборѣ царь проситъ утвердить «*древнее* преданіе нашей христіанской вѣры», и соборъ старается «уложить и утвердить по правиламъ св. апостолъ и св. отецъ и *по прежнимъ законамъ прародителей нашихъ*, чтобы всякое дѣло и всякіе обычаи строилися по Бозѣ». Дорогой для старовѣровъ, митрополитъ Макарій собираетъ въ великихъ Четіихъ-Минеяхъ «*всѣ святыя книги*, которыя въ русской землѣ обрѣтаются», какъ бы опредѣляя тѣмъ кругозоръ тѣхъ умственныхъ вопросовъ и интересовъ, котораго не долженъ былъ переступать благочестивый русскій человѣкъ. Онъ заботится о томъ, чтобы сдѣлать для большинства доступнымъ литературное достояніе древней Россіи, «поднимаетъ многіе труды и подвиги отъ исправленія *иностранныхъ* и *древнихъ пословицъ*, преводя на русскую рѣчь». Макарій высказываетъ опасеніе, что въ его громадный сборникъ «посредѣ тѣхъ св. книгъ написано ложное и отреченное св. отцы слово», а онъ не умѣлъ того «отставить». Въ то время, какъ Макарій заботится «уразумѣть и исправить иностранныя и древнія пословицы» и, чувствуя недостаточность къ тому своихъ силъ, «оставляетъ сія по насъ могущимъ съ божіею помощію исправити», приступаютъ къ составленію *полнаго* азбуковника т. е. «толкованія неудобь разумѣваемымъ рѣчамъ». Въ то время, какъ Стоглавъ требуетъ, чтобъ живописцы писали, «смотря на образъ древнихъ живописцовъ», составляется подлинникъ [1]) или руководство для жи-

[1]) «Хотя они (подлинники) извѣстны намъ въ рукописяхъ XVII вѣка, — замѣчаетъ г Галаховъ, — но первое ихъ появленіе должно быть отнесено къ XVI-му» (стр. 246). Замѣтимъ, что уцѣлѣли подлинники и въ рукописяхъ XVI вѣка; по такимъ рукописямъ изданъ подлинникъ новгородской редакціи Обществомъ древне-русскаго искусства

вописцовъ писать по образу и по подобію. Не знаменія ли времени выражаются въ этихъ литературныхъ явленіяхъ XVI вѣка въ московской Руси? Старая эстетическая критика любила для каждой эпохи выбирать великаго человѣка, избраннаго представителя, въ которомъ выражаются съ особенною силою духовныя стремленія и умственные интересы времени. «Въ исторіи просвѣщенія (говоритъ г. Галаховъ) встрѣчаются лица, ученая дѣятельность которыхъ относится ко всѣмъ важнѣйшимъ явленіямъ современной имъ эпохи. Сочиненія ихъ отвѣчаютъ высшимъ интересамъ общества, религіознымъ и нравственнымъ, и потому служатъ наилучшимъ указателемъ свѣтлыхъ или темныхъ его сторонъ. Такимъ лицемъ у насъ въ XVI в. былъ Максимъ Грекъ» (стр. 129). Поставивши Максима Грека выразителемъ свѣтлыхъ и темныхъ сторонъ XVI вѣка, г. Галаховъ, къ сожалѣнію, мало выяснилъ, въ чемъ состояли эти свѣтлыя и темныя стороны. Духовное настроеніе эпохи Стоглава, Великихъ Четіихъ-Миней, Домостроя, Максима Грека остается въ книгѣ г. Галахова не разъясненнымъ. По словамъ «Исторіи русской словесности» время пребыванія Максима Грека въ Россіи (1518—1556) «составляетъ въ русской исторіи періодъ многихъ нестроеній, началу которыхъ восходитъ еще къ XIII в. и которыя, накопляясь и развиваясь въ теченіи двухъ слѣдующихъ столѣтій, вполнѣ обнаружили свою силу въ XVI в., такъ что правительство нашлось вынужденнымъ созвать для разсмотрѣнія ихъ особый соборъ, означаемый именемъ Стоглаваго» (стр. 129). Въ другомъ мѣстѣ г. Галаховъ замѣчаетъ, что «наклонность къ *новымъ мнѣніямъ*, которыя въ XVI в. сильною враждою раздѣляли грамотныхъ людей и въ умѣ многихъ брали превосходство надъ личною непріязнію и личнымъ пристрастіемъ, преимущественно обнаруживалась въ Новгородѣ и Псковѣ, и въ сѣверныхъ монастыряхъ». Къ этимъ новымъ мнѣніямъ г. Галаховъ относитъ ученіе Башкина и ѲеодосіяКосаго (стр. 137). Нѣсколько ниже г Галаховъ, признавая «самую живую связь» между Стоглавомъ и дѣятельностію Максима Грека, объясняетъ ее такимъ образомъ: «что̀ Максимъ Грекъ обличалъ своимъ словомъ, то наконецъ раскрылось во всей ясности передъ глазами свѣтскаго и духовнаго правительства. Іоаннъ Грозный и митрополитъ Макарій сознали *бо̀льшее состояніе русской жизни* и необходимость ея улучшенія. Какъ многоразличные безпорядки современнаго имъ общества возводятъ они къ одному источнику, такъ и за пособіемъ противъ зла обращаются къ одному существенному средству» (стр. 138). Этотъ отрицательный и, такъ сказать, дисциплинарный взглядъ на XVI

вѣкъ мало объясняетъ литературное движеніе въ великой Россіи въ эту эпоху. Столь-же мало данныхъ для характеристики этого времени предлагаетъ и сравненіе «состоянія русскаго общества въ XVI вѣкѣ, при Василіи Іоанновичѣ и Грозномъ» съ состояніемъ Флоренціи въ XV вѣкѣ при Медичи: сходство замѣчается въ томъ, что и у насъ въ это время «существовали безпорядки церковнаго управленія, языческіе обычаи, суевѣріе, упадокъ нравственности въ духовенствѣ и народѣ» (стр. 131). Великорусская литература XVI вѣка представляетъ много новыхъ явленій, источникомъ которыхъ нельзя признать ни «болѣзненное состояніе русской жизни», ни «многія нестроенія, начало которыхъ восходитъ еще къ къ XIII вѣку». Чѣмъ объяснить то стремленіе къ охранѣ своей «отчины и закона», своихъ «православныхъ обычаевъ», какъ не тѣмъ, что въ XVI вѣкѣ дѣйствительно оказывалось много «новыхъ мнѣній» или, по выраженію Стоглава, «душегубительныхъ волкъ и всякихъ козней вражіихъ»? По словамъ г. Галахова, «предметъ многочисленныхъ сочиненій Максима Грека — раскрытіе *ложныхъ* понятій и дѣйствій. Существенный характеръ ихъ—обличительный, критическій. Хотя критика немыслима безъ опредѣленныхъ началъ, но догматическое, положительное ученіе стоитъ въ нихъ не на первомъ планѣ. Главное вниманіе обращено на опроверженіе мнѣній противныхъ христіанскому просвѣщенію» (стр. 131). Но всегда ли правъ Максимъ Грекъ въ своихъ обличеніяхъ? Всегда ли онъ раскрываетъ только дѣйствительно «ложныя понятія и дѣйствія»? Всегда ли справедливость за нимъ, а не за тою эпохою, которая, по увѣренію г. Галахова, являетъ многія нестроенія и болѣзненное состояніе русской жизни? Самъ г. Галаховъ сознаетъ, что Максимъ Грекъ, «обличая ложные толки въ сферѣ православія и сферѣ науки, относился отрицательно къ такимъ фактамъ, которые на Руси имѣли другой смыслъ, нежели во Флоренціи; что въ Россіи половины XVI вѣка не было повода опасаться вреднаго пристрастія къ древней философіи; что наконецъ самая любовь къ астрологіи, вызывавшая такой протестъ со стороны Максима Грека, должна быть объясняема въ пользу нашихъ старинныхъ грамотниковъ» (стр. 131). Самъ г. Галаховъ указываетъ въ другомъ мѣстѣ, что идеалъ Стоглава—не впереди, а назади—«въ благочестивой старинѣ» (стр. 155). Что для Максима Грека и для Стоглава было «ложнымъ въ сферѣ православія и науки» — свидѣтельствовало ли въ самомъ дѣлѣ о болѣзненномъ состояніи современной русской жизни? скрывало-ли въ себѣ на самомъ дѣлѣ «ложныя по-

нятія и дѣйствія» и было-ли результатомъ многихъ давнихъ «нестроеній?» Стоглавъ, Четіи-Минеи, особая литературная школа въ русской агіографіи XVI вѣка, Домострой, появленіе подлинника и азбуковника, обличительныя писанія Максима Грека громко говорятъ намъ о возбужденіи охранительныхъ началъ въ умственномъ движеніи московской Руси XVI вѣка, объ энергическомъ стремленіи «утвердить неколебимо въ роды и роды» русскую національную отчину и православную старину; но книга г. Галахова мало придаетъ значенія этому возбужденію и не указываетъ, чѣмъ оно вызвано. А возбужденіе сильное; опасность для отчины и православія отъ душегубительныхъ волкъ и козней вражіихъ, для Москвы, для этого третьяго Рима — велика, страшна, особенно послѣ того какъ, по словамъ старца Филоѳея, «два Рима пали». Московское царство «этого окаяннаго вѣка» представляется Максиму Греку въ видѣ печальной вдовы, которая сидитъ въ пустынѣ, *на распутіи*; ее окружаютъ хищные звѣри: львы, медвѣди, волки и лисы — тѣ, коихъ Стоглавъ называетъ просто душегубительными волками. Пустой путь есть путь этого окаяннаго — *послѣдняго* вѣка. По воззрѣніямъ Максима Грека, антихристъ «не зѣло далече, но при дверяхъ стоитъ, якоже божественное писаніе учитъ насъ явственнѣ, глаголюще, на осьмомъ вѣцѣ быти хотящу всѣхъ устроенію, сирѣчь и *греческія области престанію* и началу мучительства богоборца антихриста» [1]). Симптомы тяжелой переходной эпохи, раздвоенія, борьбы стараго идеала съ новымъ—ярко выражаются въ литературѣ и умственномъ движеніи московской Руси въ XVI вѣкѣ: здѣсь, а не во второй половинѣ XVII вѣка начинается новый отдѣлъ,—скажемъ опредѣленнѣе: новый періодъ въ исторіи древней русской литературы. Вліяніе «латинства», фряжскаго—на жизнь, литературу, искусство очень ощутительно въ московскомъ государствѣ въ это столѣтіе; два направленія въ литературѣ и просвѣщеніи — новое и старое уже выясняются въ XVI вѣкѣ: *расколъ* обнаружился. Не соглашаясь съ тѣмъ дѣленіемъ древней литературы великорусской на отдѣлы, которое предлагаетъ г. Галаховъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ не можемъ удовлетвориться и тою характеристикою великорусской литературы XVI вѣка, которая находится въ разбираемомъ сочиненіи. Исторія русской словесности г. Галахова прежде всего не указываетъ, за немногими исключеніями, на проявленіе латин-

[1]) Описаніе славянскихъ рукописей московск. синодальн. библіотеки II, 2, стр. 547.

скаго вліянія въ литературѣ и искусствѣ этой эпохи, такъ что многія литературныя явленія этого и слѣдующаго столѣтія остаются не объясненными. «Литература житій святыхъ (говоритъ г. Галаховъ), усилившаяся (?) со второй половины XV вѣка, въ *XVI достигла высшаго своего развитія*. Эпоха Іоанна Грознаго была временемъ обильнаго размноженія и собранія этого рода духовныхъ повѣствованій» (стр. 151). Книга г. Галахова не указываетъ однако, почему вѣкъ Стоглава былъ въ тоже время вѣкомъ усиленнаго собиранія прежнихъ житій святыхъ, канонизаціи русскихъ святыхъ на соборахъ 1547 и 1549 г. и новою эпохою для исторіи русской агіографіи. Исторія русской словесности ограничивается повтореніемъ словъ преосв. Филарета, что «большая часть житій святыхъ этого времени отличаются пышнымъ нарядомъ словъ и бѣдностію мыслей» и замѣчаніемъ, что «въ житіяхъ святыхъ эпохи Макарія выраженіе не представляетъ лучшихъ своихъ отличій — задушевности и живой простоты» (стр. 151 — 153). Характеризуя Домострой, «восполняющій недостатокъ источниковъ, по которымъ можно бы было составить понятіе о характерѣ частной, семейной жизни въ XVI вѣкѣ», г. Галаховъ не объясняетъ, почему *именно въ XVI вѣкѣ, а не ранѣе* понадобился и могъ явиться Домострой; по его словамъ, «это сочиненіе принадлежитъ по своему назначенію къ одному разряду съ Поученіемъ Мономаха, *которое можетъ быть названо домостроемъ XII вѣка*» (стр. 141). Для исторіи словесности предложенный вопросъ также важенъ какъ и тотъ, почему литература житій святыхъ оскудѣла у насъ въ XVII вѣкѣ. Въ Стоглавѣ г. Галаховъ указываетъ «направленіе политическое, даже историческое, происходящее отъ его враждебныхъ отношеній къ современному быту» (стр. 139): «повсюду видитъ онъ порчу, упадокъ благочестія, ослабленіе религіознаго духа, внутреннее разъединеніе, *которое, рано или поздно, должно было разрѣшиться расколомъ, какъ естественнымъ слѣдствіемъ искаженнаго анормальнаго быта*» (стр. 138). Изъ словъ г. Галахова выходитъ, что Стоглавъ какъ бы боится раскола, который онъ предвидитъ. Но почему же русскій расколъ опирается на Стоглавъ, какъ на столпъ и утвержденіе истины, а православные историки русской церкви долгое время не рѣшались признать его каноническимъ памятникомъ и трактовали какъ частное заблужденіе отдѣльнаго лица или подлогъ раскольника? Не былъ ли самъ Стоглавъ выраженіемъ совершившагося раскола? Читателямъ Исторіи русской словесности г. Галахова непонятно, какъ и почему «нѣкоторыя раскольническія мнѣнія внесены въ Стоглавъ, какъ

догматы» (стр. 122). Что значитъ это внесеніе? Злонамѣренное ли это искаженіе соборныхъ постановленій тенденціозными вставками или эти «раскольническія мнѣнія» были догматами для отцовъ Стоглаваго собора? Исторія русской словесности говоритъ объ этомъ глухо въ параграфѣ о расколѣ: «Мало по малу составилось мнѣніе, что богослужебныя книги, кѣмъ бы то ни было и какъ бы ни было списанныя, должны оставаться неприкосновенными. Буква духовныхъ писаній уважалась исключительно, безъ отношенія ея къ духу вѣры..... Исторія русской церкви представляетъ борьбу двухъ противуположныхъ стремленій: стремленія церкви исправить богослужебныя книги по древне-славянскимъ рукописямъ и греческимъ подлинникамъ, и стремленія не допустить этого исправленія. На Стоглавомъ соборѣ борьба уже ясно высказалась, и нѣкоторыя раскольническія мнѣнія внесены въ Стоглавъ, какъ догматы» (стр. 122). Не выражается ли въ Стоглавѣ стремленія не допустить исправленія богослужебныхъ книгъ? Не въ этомъ ли ужь состоятъ его раскольническія мнѣнія? Гдѣ нашелъ г. Галаховъ выраженнымъ мнѣніе, будто богослужебныя книги, *какъ бы ни было писанныя*, должны оставаться неприкосновенными? И гдѣ, на какихъ страницахъ Стоглава высказалась борьба *этихъ* двухъ противуположныхъ стремленій, о которыхъ говоритъ г. Галаховъ? Преданность Стоглава своему «закону и отчинѣ», которая дѣлаетъ его выраженіемъ извѣстнаго *направленія*, г. Галаховъ ограничиваетъ чуть ли не запрещеніемъ носить татарскія тафьи, сближая это многознаменательное мѣсто Стоглава съ посланіемъ Максима Грека о тафьяхъ (стр. 139). Обратимся отъ Стоглава къ другому дорогому для старовѣровъ имени—къ Максиму Греку. Признавши его сочиненія «наилучшимъ указателемъ свѣтлыхъ и темныхъ сторонъ» современнаго ему общества, г. Галаховъ такъ опредѣляетъ ихъ общее содержаніе: «*Важнѣйшія* сочиненія Максима принадлежатъ къ отдѣлу полемико-догматическихъ: здѣсь онъ отвергаетъ ученія евреевъ, язычниковъ, магометанъ, католиковъ и лютеранъ, противопоставляя имъ христіанское православное исповѣданіе» (стр. 132). Но въ этой массѣ полемико-догматическихъ сочиненій Максима для историка русской словесности особенный интересъ имѣютъ тѣ, которыя касаются не общихъ вопросовъ православной догматики, а обличенія тѣхъ или другихъ явленій современной жизни. Въ ряду произведеній преподобнаго Максима важнѣйшее, въ историческомъ отношеніи, мѣсто занимаютъ тѣ, которыя направлены противъ новыхъ вліяній на русскую жизнь и литературу,—вліяній,

исходившихъ изъ латинскаго запада. Посланія Максима къ разнымъ лицамъ указываютъ, что эти вліянія были сильны и въ литературѣ выражались произведеніями по преимуществу астрологическаго содержанія—альманахами, книгами судьбы (Loosbucher) и т. п. Максимъ предостерегаетъ противъ латинскихъ книгъ особенно потому, что Латыняне прельстились «внѣшними учительствами», привлекали «міролюбцевъ—*земскою мудростію*»: латинское вліяніе вносило въ нашу словесность новые идеалы, подрывало церковный авторитетъ, расшатывало аскетическій идеалъ и дѣлало людей «міролюбцами»: нараждалась свѣтская литература, «земская мудрость» Если бы г. Галаховъ извлекъ изъ многочисленныхъ сочиненій Максима Грека одни указанія на современныя ему литературныя явленія и движенія въ области мысли, то читателямъ его книги было бы вполнѣ понятно, почему расколъ такъ высоко ставитъ авторитетъ преподобнаго и что̀ роднитъ старовѣровъ съ направленіемъ Максима Грека. Тогда было бы понятно, почему представители стараго направленія въ XVII вѣкѣ, въ родѣ Аввакума, не иначе называли приверженцевъ ненавистнаго имъ новаго движенія, западниковъ—какъ «альмашниками, звѣздочетцами и зодійщиками». Родоначальники тѣхъ русскихъ «гордоусцевъ», которые по словамъ протопопа Аввакума «взымались выше облака, хвалились разумѣніемъ небесныхъ и земныхъ, своею внѣшнею мудростію измѣряли лице небу и земли», вызывали уже обличенія преподобнаго Максима. Тогда былъ бы понятенъ истинный смыслъ упрековъ Лазаря царю Алексѣю Михайловичу за то, что онъ имѣетъ при себѣ «мудрыхъ философовъ, которые разсматриваютъ лице земли и неба, и аршиномъ измѣряютъ хвосты звѣздъ» (стр. 249). Среди русскихъ старовѣровъ XVII вѣка слово «альманашникъ» превратилось въ обидную кличку для новыхъ людей, которые «уподобились сатанѣ, желавшему поставить престолъ свой на небеси».... Новыя стремленія въ русскомъ иконописномъ художествѣ восходятъ также къ XVI вѣку; иконопись начинаетъ сближаться съ живописью; писать начинаютъ, приближаясь къ «живству»; иконники стали усвоивать «фряжскій» манеръ, обращаясь къ итальянскимъ оригиналамъ. Стоглавъ осуждаетъ иконописаніе не «по подобію». Новые иконники ищутъ естественности, жизни и удовлетвореніе своимъ реалистическимъ стремленіямъ находятъ въ смягченіи древняго иконописнаго типа правдивымъ и жизненнымъ колоритомъ западной живописи. Въ XVII в. царскіе изографы пишутъ иконы «по живописному, на манеръ фряжскій».

Изографъ Іосифъ выражаетъ въ посланіи къ Симону Ушакову сущность этихъ новыхъ стремленій, давно пробудившихся въ иконописи русской и окрѣпшихъ въ XVII вѣкѣ въ средѣ царскихъ изографовъ. Человѣкъ новаго направленія русской живописи, Іосифъ нападаетъ на тѣхъ, которые, «что застарѣло, того и держатся; а еже что отъ давна помрачено и обетшало, отъ сего наипаче выну пріемлютъ *старину* и смуглость похваляти». «Кто изъ благомыслящихъ (спрашиваетъ онъ) не посмѣется такому юродству, будто бы темноту и мракъ паче свѣта предпочитать слѣдуетъ?» Сваливая на Никона вину всѣхъ новшествъ, зарожденіе которыхъ обличалъ Стоглавъ и которыя въ XVII вѣкѣ уже были на Москвѣ господствующимъ явленіемъ, благодаря покровительству московскихъ государей, приверженцы «зачадѣлой» старины считали за грѣхъ покланяться новымъ иконамъ; ихъ смущало новое направленіе искусства. «Все то Никонъ врагъ умыслилъ—будто живыхъ писать!» восклицаетъ Аввакумъ: «а устрояетъ все по фряжскому, сирѣчь по нѣмецкому..... Русскіе Нѣмцы измѣнили образы святыхъ»... Упреки изографа Іосифа падаютъ не на одного Плѣшковича,—они поражаютъ всѣхъ приверженцовъ старины, весь расколъ. Это новое направленіе условливалось тѣмъ же поворотомъ къ западному, который проявляется въ московской литературѣ XVI вѣка; этотъ поворотъ отражалъ на себѣ тоже паденіе аскетическаго идеала Византіи, который указанъ Максимомъ Грекомъ въ современныхъ ему «міролюбцахъ» Поворотъ этотъ точно также вызывалъ осужденіе приверженцевъ своего «закона и отчины», точно также производилъ *расколъ*, какъ и все «новое» движеніе, характеризующее XVI вѣка. Въ немъ выражается вѣяніе того же новаго духа, который вызвалъ охранительныя постановленія Стоглава. Въ приведенномъ посланіи изографа Іосифа г. Галаховъ видитъ только «вліяніе западныхъ идей, проникавшихъ къ намъ изъ Польши» (стр. 246): въ книгѣ, нами разбираемой, это посланіе стоитъ особнякомъ, не привязанное къ тому движенію идей, которое такъ сильно поражало русскихъ православныхъ людей XVI вѣка и достигло своего торжества въ XVII столѣтіи.

Не оцѣнивъ, какъ намъ кажется, литературнаго движенія московской Руси въ XVI вѣкѣ, г. Галаховъ придалъ слишкомъ много значенія вліянію Польши на русскую литературу и просвѣщеніе и отодвинулъ начало новаго «отдѣла» въ допетровской литературѣ къ болѣе поздней эпохѣ, чѣмъ бы слѣдовало. Вообще характеристика отдѣльныхъ столѣтій нашей литературной исторіи (о характеристикѣ древне-русской литературы по областямъ нѣтъ и помина)

страдаетъ въ разбираемомъ сочиненіи неопредѣленностію и отсутствіемъ твердой критической методы. Самое пріуроченіе литературныхъ произведеній къ извѣстному столѣтію въ книгѣ г. Галахова основано на довольно шаткихъ данныхъ чисто внѣшняго свойства и случайныхъ: она пріурочиваетъ литературный памятникъ къ тому столѣтію, въ спискѣ котораго онъ случайно извѣстенъ г. Галахову. Такъ въ обзорѣ XV вѣка онъ помѣщаетъ перечень статей, находящихся въ сборникахъ Историческаго Общества въ Москвѣ и Румянцовскомъ, хотя самъ замѣчаетъ, что «исчисленныя сочиненія существовали у насъ, конечно, раньше XV вѣка, и большею частію въ древнихъ болгарскихъ переводахъ, что доказывается особенностями языка и правописанія потерпѣвшихъ значительныя измѣненія отъ русскаго переписчика XV в.» (стр. 91). Въ этомъ случаѣ г. Галаховъ, повидимому, усвоилъ, для своей книги пріемъ, принятый профессоромъ Буслаевымъ въ его «Исторической христоматіи церковно-славянскаго и древне-русскаго *языковъ*», которая «расположена въ хронологическомъ порядкѣ самыхъ рукописей, а не сочиненій». Такая система должна быть признана единственно вѣрною при изученіи языка, но она неумѣстна въ исторіи литературы. Въ книгѣ г. Галахова,—касающейся исторіи языка лишь вскользь, въ самыхъ общихъ чертахъ, менѣе даже, чѣмъ бы то было нужно для пониманія исторіи древней русской словесности,—странно встрѣтить въ числѣ памятниковъ *русской* письменности XII вѣка извлеченіе, сдѣланное Іоанномъ экзархомъ болгарскимъ, изъ Богословія Іоанна Дамаскина (стр. 55), тѣмъ болѣе, что еще не рѣшено утвердительно, къ какому вѣку относится этотъ списокъ [1]). Въ Исторіи русской словесности скорѣе можно бы было ожидать указанія, что этимъ произведеніемъ Іоанна, экзарха, пользовался писатель чудесъ св. Бориса и Глѣба; но этого указанія г. Галаховъ не дѣлаетъ. Держась такой системы въ пріурочиваніи литературныхъ произведеній къ тому или другому столѣтію, которая принята въ исторіи языка, г. Галаховъ размѣщаетъ литературныя произведенія по столѣтіямъ совершенно произвольно, впадая нерѣдко въ противорѣчіе съ тою характеристикою извѣстнаго столѣтія, которую онъ самъ предложилъ. Такъ къ числу «памятниковъ апокрифической литературы *XIV вѣка* отнесено *Хожденіе Богородицы по мукамъ* (стр. 86),

[1]) Калайдовичъ, а за нимъ проф. Буслаевъ и Срезневскій относятъ его къ XII вѣку; описатели славянскихъ рукописей моск. синод. библ. (томъ II, ст. 2, стр. 288, 293 — 294) — къ XIII вѣку.

между тѣмъ какъ древнѣйшій *русскій* списокъ этого произведенія, находящійся въ Сборникѣ Троицко-Сергіевой Лавры, несомнѣнно относится къ XII вѣку [1]). Замѣтимъ также, что въ этой же главѣ о литературѣ XIV вѣка авторъ касается апокрифовъ XIII вѣка (стр. 86). Въ обзорѣ «*историческихъ повѣстей XV вѣка*» довольно подробно разсматривается житіе муромскихъ угодниковъ Петра и Февроніи (стр. 101), хотя это сказочное произведеніе (а не историческая повѣсть, какъ называетъ ее г. Галаховъ) относится къ произведеніямъ макарьевскаго времени [2]). Выдержки изъ *Видѣнія апостола Павла*, которыхъ мы имѣли уже случай коснуться, разбираются г. Галаховымъ въ числѣ *русскихъ* духовныхъ поученій XVI вѣка и даже даютъ матеріалъ для характеристики «эпохи Макарія» (стр 153). Заговоры, «происхожденіе которыхъ доисторическое» (стр. 273), разбираются въ обзорѣ литературныхъ памятниковъ XVII вѣка (стр. 273—274). Литературныя произведенія, заимствованныя изъ литературы византійской: «Александрія», «Стефанитъ и Ихнилатъ», ярко отмѣчающія значеніе для насъ византійскаго литературнаго вліянія, разбираются въ отдѣлѣ «свѣтскихъ повѣстей и разсказовъ *XVII вѣка*», (стр. 275, 280) когда, по словамъ г. Галахова «*польская* литература имѣла для насъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, такое же значеніе, какое имѣла письменность южнославянская» (стр. 127). Такимъ образомъ выходитъ, что, характеризуя извѣстный памятникъ разбираемой эпохи, г. Галаховъ, на самомъ дѣлѣ, пишетъ характеристику совершенно *другаго* литературнаго періода и другаго литературнаго вліянія. Иногда такое невѣрное пріуроченіе разбираемаго произведенія зависитъ отъ отсутствія критическаго отношенія къ литературному памятнику. Такъ изданные мною русскіе интерлюдіи «*первой половины XVIII* вѣка» г. Галаховъ относитъ къ царствованію Петра великаго, предлагая даже «новыя данныя и для хронологіи піэсы, и для ея историческаго значенія» (стр. 312) и отодвигая ихъ прямо къ «началу XVIII вѣка» (стр. 320). Но въ этихъ школьныхъ интерлюдіяхъ уже упоминается «губернская канцелярія», учрежденная *въ 1742 году*; кромѣ того (и

---

[1]) Къ XIV вѣку ошибочно отнесенъ этотъ списокъ арх. Филаретомъ (Обзоръ, стр. 79); мы соглашаемся съ мнѣніемъ многоопытнаго палеографа, проф. Срезневскаго, по мнѣнію котораго рукопись относится къ началу XII вѣка. *Древніе памятники русскаго письма и языка I, 39.*

[2]) *Ключевскаго, Древне-русскія житія святыхъ какъ историческій источникъ, стр. 286. Бестужева-Рюмина, Исторія Россіи I, 49.*

этому обстоятельству, *въ связи съ другими*, мы придаемъ значеніе) эти интерлюдіи въ обоихъ извѣстныхъ намъ спискахъ [1]) стоятъ рядомъ съ школьною драмою Стефанотокосъ. Предложенная въ разбираемомъ сочиненіи характеристика послѣдней піэсы представляетъ одинъ изъ наиболѣе характеристическихъ примѣровъ того, какъ, при отсутствіи предварительнаго непосредственнаго изученія неизданнаго памятника, г. Галаховъ приписываетъ ему такое содержаніе, котораго въ немъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ, и пріурочиваетъ его къ эпохѣ, къ которой памятникъ совершенно не относится. Одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ остатковъ русской школьной драмы прошлаго вѣка,—драма Стефанотокосъ, — служитъ, по словамъ г. Галахова, «примѣромъ тому, какъ иногда религіозный сюжетъ входилъ эпизодомъ въ драму, написанную по какому либо событію» (стр. 311). Самая піэса относится въ разбираемомъ сочиненіи къ драматическимъ произведеніямъ эпохи Петра I и характеризуется такимъ образомъ: «Въ *антипрологѣ* раскрытъ смыслъ дѣйствія, состоящій въ томъ, что *Петръ былъ незаконно лишенъ единовластія*. Прологъ указываетъ *на коварные замыслы Софіи*, безъ всякаго права раздѣлявшей власть съ братомъ, *и на ея заключеніе въ монастырь*. За прологомъ идетъ драма-moralité [2]), гдѣ являются Вѣрность, Надежда, Совѣсть, Благочестіе, Мужество, Отечество, Лукавство и другія олицетворенія. Въ концѣ Европа, Азія, Африка и Америка поздравляютъ Стефанотокоса, восторжествовавшаго надъ Лукавствомъ, Злобой и Завистью и т. д.» (311). Но драма не даетъ того, что приписываетъ ей г. Галаховъ. Въ антипрологѣ нѣтъ даже и намека на то, что Петръ незаконно былъ лишенъ единовластія. Весь антипрологъ состоитъ изъ небольшой живой картины, *безъ словъ*, изъ того аллегорическаго *praeludium* (allegorisches Vorspiel), который часто открываетъ школьную драму на западѣ и у насъ: выходятъ два отрока, держа въ рукахъ растворенную на стеклѣ матерію, «а изъ той матеріи дудочками дѣлаютъ пузыри; и оные пузыри надменные, въ высоту вознесшися, тотчасъ исчезаютъ». По-

[1]) Драма *Стефанотокосъ* извѣстна мнѣ по списку Императорской Публичной Библіотеки XIV Q 19 (бывш Толстова, л. 69 — 97) и по списку, сообщенному мнѣ Л. Н. Майковымъ. Въ первомъ спискѣ послѣ драмы помѣщены *интермюдіи*, передъ нею (другимъ почеркомъ) сатиры и мелкія стихотворенія Кантемира; во второмъ спискѣ за Стефанотокосомъ также слѣдуютъ тѣже интерлюдіи.

[2]) Мы видѣли, что такъ постоянно называетъ г. Галаховъ школьныя драмы.

томъ одинъ изъ отроковъ разбиваетъ стекло на мелкія части, а другой возгласитъ: «Тако совѣты нечестивыхъ»! И только. Кто эти мыльные пузыри, поднявшіеся на высоту и мгновенно исчезнувшіе? Стрѣльцы? Софія съ своими клевретами? За разъясненіемъ этихъ вопросовъ обратимся къ самой піэсѣ Краткій «синопсисъ» ея предупреждаетъ читателя, что «Стефанотокосъ неповиннѣ *лишенъ* родительскаго наслѣдняго престола» (о двоевластіи нѣтъ рѣчи); *Вѣрность* «*моленіемъ*» убѣждаетъ Стефанотокоса *принять* престолъ, Злобу-же и Зависть *беретъ въ плѣнъ*. Въ прологѣ также нѣтъ никакихъ указаній «на коварные замыслы Софіи». Онъ объясняетъ *въ самыхъ общихъ выраженіяхъ* только что представленную живую картину, «да всякъ можетъ чувствами своими осязати сіе, что коварные человѣцы, сколь болѣе.... возносятся, толь скоряе исчезаютъ». Разгадки того, что скрывается подъ мыльными пузырями, Злобою и Завистію надобно искать въ самой піэсѣ. Герой драмы—Стефанотокосъ, у котораго «*отнята родительская честь*, изъ рукъ котораго хотятъ вырвать и наслѣднюю державу»; «онъ бѣдствуетъ въ гоненіи скорби и печали»; «враги гонятъ его безсовѣстно и безстудно; онъ живетъ *аки во невомъ*; ему уже «грозитъ опасность быть посланнымъ во странные предѣлы», его приверженцамъ—«въ дальняя мѣста быти заточеннымъ». На Стефанотокоса возстали «*пришельцы* и *рабы*». Лишивши его наслѣдней власти, «*иностранные пришельцы*» начали господствовать надъ его отечествомъ; захватили себѣ «богатство и честь» и, опираясь на лукавство, зависть и злобу, давали почести и деньги «льстителямъ безмѣрнымъ»:

Иже *иностранные* придоша къ намъ *нищи*,
Достоинствъ не имуще, ни дневныя пищи,
Уже обильно живутъ въ богатствѣ и славѣ.

Государство грабятъ иноземные временщики:

Иной вчера пришолъ въ платьишкѣ убогомъ,
А нынѣ обильствуетъ въ богатствѣ премногомъ.

Мужественные и вѣрные сыны отечества «воздыхаютъ въ болѣзни сердца, непрестанно поминая *имя и славу родителей* Стефанотокоса, *дивными дѣйствіями всему міру явныхъ*». Иностранные правители «дерзко возстаютъ на самаго Бога, уничтожаютъ святые уставы православной церкви, божій законъ ставятъ ни во что». «Не день, не *година* прошла, а между, вѣрными отечеству и Стефанотокосу жила одна скорбь: *темная ночь мнилась быти сотомъ*». Наконецъ «приспѣлъ день радостоплодный»: *дивными судьбами* Сте-

Фанотокосъ вступилъ на родительскій престолъ. Характеристика Стефанотокоса и его приверженцевъ подходитъ-ли къ личности Петра и можно ли въ стрѣльцахъ и приверженцахъ царевны Софіи видѣть иностранныхъ пришельцовъ, запрещавшихъ даже «говорить о вѣрѣ», «нищихъ иноземцевъ», которые «не день, не годину терзали» природнаго наслѣдника престола? Кто не узнаетъ въ судьбѣ Стефанотокоса исторіи Елизаветы Петровны до растоплоднаго дня 25 ноября 1741 года? Нужно-ли подсказывать, что въ этой драмѣ очень ясно изображена та эпоха, когда по выраженію Ломоносова

Народъ нашъ оскорбленный,
Въ *печальнѣйшей нощи сидѣлъ*?

Эта школьная драма, смѣлыми чертами изображающая эпоху нѣмецкихъ временщиковъ, относится къ царствованію Елизаветы Петровны и по характеристикѣ лицъ и событій, особенно же по своей основной мысли стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ проповѣдями сороковыхъ годовъ прошлаго вѣка: какъ и послѣднія, она вышла изъ той среды, которая съ особеннымъ восторгомъ привѣтствовала вступленіе дочери Петра Великаго на престолъ.

При недостаткѣ критической разработки, а иногда и непосреднаго знакомства съ рукописными произведеніями древней русской литературы, г. Галаховъ часто проходитъ молчаніемъ важнѣйшіе литературые памятники, ярко характеризующіе эпоху, или служащіе представителями отдѣльной литературной отрасли. Историческій обликъ русской литературы XVII вѣка совершенно стушевался въ разбираемомъ сочиненіи, потому что мы не видимъ въ ней борьбы, не видимъ характеристики духовныхъ стремленій и литературныхъ произведеній брадатыхъ поборниковъ старины—старовѣровъ. Какими драгоцѣнными бытовыми чертами обогатилъ бы исторію русской словесности обзоръ однихъ сочиненій Аввакума, этого «попа богатыря», по прекрасному выраженію автора «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ»! Не видимъ въ сочиненіи г. Галахова *даже указанія* на существованіе составленнаго въ 1645 году *Зерцала Духовнаго*, которое направлено противъ всего направленія новаго русскаго просвѣщенія и назначено «для увраченія православныхъ христіанъ»; автору это увраченіе представляется необходимымъ, потому что (на Руси) «пакость душевредная зѣло распространяется; зане благочестивіи, премудраго наказаніе,—глаголющее: сыне! пій воды отъ *своихъ* сосудовъ и отъ *своихъ* студенецъ источника,— дерзновенно презирающе, сло-

венскимъ смиреннымъ языкомъ гнушаются и отъ *чюжихъ возмущенныхъ водъ*, наблеванныхъ прелестію, *лакомъ напаяются*» [1]). При обзорѣ литературныхъ произведеній XVI вѣка г. Галаховъ не останавливается на словахъ митрополита Даніила, столь богатыхъ чертами современныхъ нравовъ и обычаевъ, хотя и «не отличающихся единствомъ содержанія и связностію изложенія» [2]). При характеристикѣ и обзорѣ сборниковъ пропущенъ *Торжественникъ* [3]), которому принадлежитъ видное мѣсто въ ряду памятниковъ духовной литературы и участіе котораго при составленіи Великихъ Четіихъ Миней не подлежитъ сомнѣнію [4]). Замѣчая, что «важнѣйшія событія XVII вѣка нашли свое представленіе въ народномъ эпосѣ» (стр. 268), г. Галаховъ занимается лишь пѣснями этой эпохи, не касаясь поэтическаго *сказанія объ Азовскомъ сидѣньи*, напоминающаго не только былины, но и *Слово о полку игоревѣ*. *Статиръ* затронутъ мимоходомъ въ очеркѣ трудовъ Славинецкаго (стр. 236). Въ параграфѣ о *литературномъ языкѣ XVI—XVII в.* г. Галаховъ упоминаетъ, какъ о явленіи единичномъ, что «былъ даже *опытъ изложенія* священныхъ предметовъ на народномъ языкѣ: Авраамій Фирсовъ, переводчикъ посольскаго приказа, перевелъ (1683) псалтирь съ еврейскаго на нашъ простой, обыкновенный языкъ» (стр. 286—287). Но Исторія русской словесности г. Галахова не указываетъ на цѣлый рядъ этихъ попытокъ—передавать «священные предметы» на народномъ языкѣ, имѣвшихъ мѣсто въ южной и югозападной Россіи съ XVI вѣка. Укажемъ на *Пересопницкое евангеліе* [5]), на которое г. Галаховъ ссылается для доказательства положенія, что церковнославянскій языкъ есть языкъ древне-болгарскій (стр. 33); на южно-русскій переводъ *Пѣсни* пѣсней [6]), евангеліе

---

[1]) Описаніе рукоп. московск. синодальн. библіотеки отд. II, часть 3, стр. 704—729.

[2]) Тамъ же, стр. 147—164.

[3]) Ср. Востокова въ Описаніи рукописей Румянц. муз., стр. 664 слд., дополнительныя изслѣдованія въ Описаніи рук. синод. библ. отд. II, ч. 2, стр. 673—683.

[4]) Москвитянинъ 1846, № 11 и 12 и предисловіе Ундольскаго къ Оглавленію Четіихъ-Миней митроп. Макарія, составленному Евфиміемъ, стр. VI Замѣтимъ, что родъ Торжественника представляетъ первая половина знаменитой рукописи XII вѣка, принадлежащей Московск. Успенскому собору.

[5]) Довольно точныя свѣдѣнія о немъ и любопытныя выписки въ брошюрѣ протоіерея Думитрашко «Пересопницкое евангеліе», напечатанной въ Полтавѣ, 1874 г.

[6]) Изданъ г. Костомаровымъ въ Основѣ. Ср. Описаніе рукоп. синодальн. библіот. Отд. II, ч. 2, стр. 764.

лія отъ Ѳомы [1]), первоевангелія Іакова, житій святыхъ и мучениковъ, апокрифическихъ сказаній [2]).

Наконецъ произведенія *одного* литературнаго *цикла*, одной категоріи, распредѣленныя г. Галаховымъ по извѣстнымъ столѣтіямъ, не связаны въ изложеніи автора Исторіи русской словесности историческою нитью, которая давала бы возможность видѣть измѣненіе воззрѣній, прогрессъ идей, обнаруживающійся съ теченіемъ времени въ одномъ и томъ же циклѣ сказаній. Несомнѣнно напр., что посланіе новгородскаго архіепископа Василія къ тверскому владыкѣ Ѳедору о земномъ раѣ, *сказаніе о Макаріи римскомъ*, *Хожденіе Богородицы по мукамъ*, *Хожденіе* (или Видѣніе) *ап. Павла*, котораго мы уже касались, *Повѣсть о нѣкоемъ человѣкѣ бражникѣ* входятъ въ составъ одного литературнаго цикла, который по отношенію къ западноевропейской, литературѣ разсмотрѣнъ въ монографіяхъ Лабитта (La divine comédie avant Dante) и Озанама (Les sources poétiques de la Divine comédie). Но въ развитіи сказаній этого цикла исторія литературы отмѣчаетъ прогрессъ идей, выраженіе понятій и вѣрованій каждой отдѣльной исторической эпохи. Достаточно сблизить два крайніе пункта этого цикла (древнѣйшій и позднѣйшій), исходную его точку съ тѣмъ, чѣмъ циклъ завершается, чтобы замѣтить этотъ прогрессъ идей. Для г. Галахова интересъ посланія Василія сосредоточивается на разнообразіи источниковъ, которыми пользовался авторъ (стр. 79, 276). Оригинальныя *русскія* сказанія о хожденіяхъ по загробному міру, отражающія въ себѣ грозную эпоху черной смерти и проводящія параллель между Витовтомъ и Іоанномъ Калитою, не затронуты г. Галаховымъ. Въ *Повѣсти о бражникѣ* разбираемое сочиненіе отмѣчаетъ только «снисходительный взглядъ на бражничество»: бражникъ «хотя и любилъ пировать, но, пируя, славилъ Бога, не отрекался Христа, было цѣломудренъ и не чинилъ вреда ближнему. *Когда онъ умеръ, небесный судъ отворилъ ему врата рая* (стр. 279)». Характеристическая особенность, если принять во вниманіе литературную исторію всего цикла хожденій по раю и аду. Древнѣйшіе памятники этого цикла, принятые древнею Россіею изъ Византіи, открываютъ доступъ въ земной рай только святымъ и суровымъ аскетамъ, умертвившимъ въ себѣ воздержаніемъ и молитвою всѣ вожделѣнія плоти.

---

[1]) Въ Московск. публичномъ Музеѣ между рукописями Лукашевича.

[2]) Два обширныхъ сборника XVI вѣка, принадлежащихъ мнѣ: изъ нихъ первый писанъ въ 1534 году «на Берестьи за Мухавцемъ».

Земнаго рая достигаютъ Зосима, не вкушавшій сорокъ сутокъ ни пищи, ни питія, Агапій, желавшій увѣдать, для чего люди оставляютъ жену, дѣтей и идутъ въ монастырь, благочестивые отшельники въ родѣ Макарія римскаго.... Новгородскій владыка говоритъ о своихъ духовныхъ дѣтяхъ, нашедшихъ земной рай на горѣ, но не возвратившихся оттуда. Московскія сказанія XV вѣка уже даютъ этимъ видѣніямъ аллегорическій смыслъ, замѣчая, что въ раю нѣтъ ни золота, ни серебра, ни дорогихъ шубъ соболиныхъ; но что Господь явилъ благочестивой *инокинѣ*, которая восхищена была въ рай, тайны его *«человѣческимъ обычаемъ»*. Сомнѣнія въ существованіи земнаго рая растутъ и то, что въ XIV вѣкѣ было въ глазахъ новгородскаго владыки ересью, «поспѣшеніемъ и совѣтомъ діавола и лихихъ людей», то въ XVII вѣкѣ выражается сатирическою пословицею: «Новгородскій рай нашелъ!» *Повѣсть о бражникѣ* пародируетъ древнія сказанія этого цикла; она проводитъ мысль, что жизнь не должна быть бичеваніемъ плоти, что матерія имѣетъ свои неотъемлемыя права. Въ новозавѣтныхъ святыхъ, апостолахъ, евангелистахъ бражникъ открываетъ человѣческія увлеченія, не помѣшавшія имъ достигнуть рая. Не грозный богословскій формализмъ, не суровый аскетизмъ, а евангельское слово любви—составляетъ сущность христіанства, по понятіямъ бражника. Евангелисту, который замыкаетъ веселому гулякѣ врата рая, этотъ «міролюбецъ» (пользуемся вышеприведеннымъ выраженіемъ Максима Грека), «плотолюбецъ, толстое телище» (какъ называетъ Аввакумъ Никоніянъ) говоритъ: «Выдери изъ евангелія тотъ листъ, гдѣ написано: любите другъ друга». Въ складѣ понятій бражника не выражается ли окрѣпшее направленіе новой исторической эпохи, того XVII вѣка, въ которомъ къ ужасу отсталыхъ старовѣровъ, не только среди мірскихъ, но и *среди иноковъ* ослабѣло гоненіе плоти, міра и дьявола [1])? Не высказывается ли въ бражникѣ человѣкъ, созрѣвшій для реформы и готовый встрѣтить ее горячимъ сочувствіемъ [2]). Нѣтъ ли наконецъ въ этомъ новомъ литератур-

---

[1]) Ср. *Зерцало духовное* по рукописи московск. синодальной библіотеки, № 429. Эта характеристическая жалоба не выписана въ трудѣ Горскаго и Невоструева.

[2]) Знакомые съ сочиненіями Аввакума знаютъ, что онъ ставитъ бражничество и плотолюбіе характеристическимъ признакомъ новыхъ людей. По его словамъ, Никоніяне «забыли строгіе подвиги монашества; ихъ дѣло насыщаться, упиваться, бл.....: взялъ ихъ живьемъ дьяволъ и отлучилъ отъ Бога; все промѣняли на земныя сласти». Изъ многихъ посланій Аввакума привожу

номъ типѣ XVII вѣка чертъ, которыя роднятъ его съ великимъ двигателемъ нашей реформы? Какъ много историческихъ перемѣнъ должно было совершиться въ народномъ быту и общественномъ сознаніи, чтобы на мѣстѣ *Хожденія богородицы по мукамъ* стала *притча о бражникѣ!*

Этихъ внутреннихъ измѣненій въ предѣлахъ извѣстнаго литературнаго цикла не слѣдитъ книга г. Галахова, какъ не слѣдитъ и тѣхъ внутреннихъ измѣненій въ составѣ и колоритѣ отдѣльнаго литературнаго произведенія, въ силу которыхъ оно далеко отходитъ отъ своего прототипа, становится, говоря условнымъ терминомъ, новою его редакціею. Между тѣмъ переводныя повѣсти древней русской литературы не оставались въ ней законченнымъ, недоступнымъ вліянію среды и эпохи цѣлымъ и мудрый Гейкаръ — становился то богатымъ московскимъ бояриномъ, парившимся въ банѣ и судившимъ по уложенію, то угодникомъ божіимъ, призывавшимъ въ минуту морскаго потопленія святителя Николу. Изъ предложенныхъ замѣчаній видно, что г. Галаховъ при изложеніи исторіи древней русской словесности мало удовлетворяетъ высказанному имъ требованію—отъ исторіи литературы, «какъ такой науки, главный предметъ которой духовныя стремленія лицъ и народовъ, выражаемыя словомъ и притомъ въ извѣстной формѣ» (томъ II, стр. 4). Его обзоръ допетровскаго періода нашей словесности не показываетъ, чтобы древнерусская литература исполняла «роль провозвѣстницы идеальныхъ стремленій и роль выразительницы той, большей или меньшей, степени въ достиженіи идеаловъ, на которой стоитъ общество въ извѣстную эпоху» (томъ II, стр. 453).

Совершенно въ иномъ видѣ является намъ въ книгѣ г. Галахова исторія русской литературы, начиная съ Петра великаго. Въ этомъ отдѣлѣ мы не встрѣчаемъ тѣхъ недостатковъ, которые отмѣчены нами въ обзорѣ допетровской: здѣсь напротивъ на каждой страницѣ чувствуешь твердую руку самостоятельнаго изслѣдователя, горячо преданнаго предмету своего труда. Интересъ книги и ея достоинства возрастаютъ по мѣрѣ того, какъ авторъ ея удаляется отъ литературы петровскаго времени, еще крѣпко привя-

---

одинъ по этому предмету отрывокъ: «Іоаннъ Предтеча подпоясывался по чресламъ кожанымъ поясомъ, низко; Никоніянинъ подпоясывется по титькамъ, чтобы брюха не повредить: накладено у него въ брюхѣ много ягодъ миндальныхъ, ренскова, романеи и водокъ различныхъ; виномъ процѣженымъ налилъ. Какъ его подпоясать? Ремень надобенъ дологъ!»

занной къ вопросамъ XVII вѣка и нуждающейся въ критическомъ изученіи и рукописнаго матеріала. Не только область литературная, подлежащая здѣсь изученію, опредѣленнѣе, яснѣе, не только самый предметъ обработаннѣе; онъ возбуждаетъ симпатіи автора, онъ увлекаетъ изслѣдователя значеніемъ культурныхъ началъ, выраженіемъ которыхъ является русская литература съ XVIII столѣтія Самый объемъ исторіи новой русской литературы въ книгѣ г. Галахова, сравнительно съ исторіею допетровской литературы, наглядно показываетъ, въ какую сторону устремлены предилекціи автора и гдѣ начинается область его самостоятельныхъ изслѣдованій. Можетъ быть, отъ этихъ симпатій «просвѣтительному содержанію новой русской литературы», передававшей русскому обществу начала западно-европейской цивилизаціи, нарушается соразмѣрность историческаго изложенія въ разбираемомъ сочиненіи; можетъ быть, критика справедливо упрекнетъ книгу за то, что она съ большими подробностями трактуетъ о какомъ нибудь ничтожномъ литературномъ фактѣ прошлаго вѣка, касаясь иногда лишь вскользь важнѣйшихъ литературныхъ явленій допетровской эпохи; но эта несоразмѣрность изложенія всего лучше характеризуетъ разбираемое сочиненіе въ цѣломъ. Она является результатомъ столько же современнаго состоянія историческихъ изслѣдованій по литературѣ XVIII вѣка, сколько и выраженіемъ того направленія и той критической школы, которою воспитанъ г. Галаховъ и которымъ онъ вѣрно служилъ, какъ писатель. Дѣйствительно литература XVIII вѣка болѣе привлекала къ себѣ вниманіе нашей критики, нежели допетровская словесность, памятники которой большею частію остаются погребенными въ пыли библіотекъ и архивовъ. Надъ новѣйшею литературою, цѣнность которой, такъ сказать, болѣе бросается въ глаза, чѣмъ историческое значеніе допетровской, усерднѣе работала даже журнальная критика сороковыхъ годовъ въ то время, когда существованіе древней русской литературы чуть не оспаривалось и когда изученіе ея выдвигалось изъ сферы интересовъ образованнаго человѣка. Надъ разборомъ русскихъ писателей XVIII и первой четверти XIX вѣка трудился знаменитый критикъ сороковыхъ годовъ, соединявшій тонкій эстетическій вкусъ съ горячею преданностію тѣмъ просвѣтительнымъ началамъ, орудіемъ которыхъ была русская литература двухъ послѣднихъ столѣтій. Къ этой критической школѣ примыкаетъ г. Галаховъ. Достопамятныя критическія статьи Бѣлинскаго о сочиненіяхъ Пушкина, заключающія въ себѣ между прочимъ историческій обзоръ русской ли-

тературы отъ Кантемира до Жуковскаго включительно и свидѣтельствующія о томъ, какъ глубоко чувствовалъ ихъ авторъ необходимость разъяснить преемство историческихъ явленій въ новой русской литературѣ,— эти критическія статьи долгое время замѣняли учебное руководство по исторіи новой русской словесности и были, можно сказать, конспектомъ, для той части сочиненія г. Галахова, которая излагаетъ исторію нашей новой литературы. *Общія* характеристическія черты, отмѣченныя Бѣлинскимъ въ писателяхъ новаго періода нашей литературной исторіи, повторяются въ книгѣ г. Галахова. *Укажемъ для примѣра* на сдѣланныя г. Галаховымъ опредѣленія историческаго значенія Дмитріева (томъ II, стр. 117), отчасти Крылова (стр. 119), Батюшкова (стр. 283), Державина (томъ I, стр. 521). Правда въ эстетической оцѣнкѣ нѣкоторыхъ поэтическихъ произведеній г. Галаховъ совершенно расходится съ Бѣлинскимъ, напр. въ оцѣнкѣ Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ (томъ II, стр. 155); но онъ вѣренъ основнымъ положеніямъ критики Бѣлинскаго и его направленію. Особенно ясно выступаетъ это на тѣхъ страницахъ разбираемой книги, гдѣ г. Галаховъ развиваетъ вопросъ объ идеалѣ поэзіи (томъ II, 242), объ отношеніи народнаго къ общечеловѣческому (томъ I, 538), о славянофильствѣ и западничествѣ (томъ I, 540), о значеніи эпохи Петра великаго, «какъ *начальнаго* момента того періода въ историческомъ развитіи, который долженъ завершиться органическимъ союзомъ собственныхъ силъ народа съ достояніемъ другихъ народовъ и такимъ образомъ національные элементы жизни возвести на степень общечеловѣческихъ» (томъ I, стр. 292). Г. Галаховъ раздѣляетъ съ Бѣлинскимъ нерасположеніе къ тому періоду русской литературы, который предшествуетъ этому начальному моменту новаго періода русской исторіи и результатъ этого нерасположеніе выразился, какъ мы видѣли, въ способѣ обработки исторіи допетровской литературы. Эстетическій интересъ въ книгѣ г. Галаховъ беретъ верхъ надъ историческимъ, надъ изученіемъ бытовыхъ подробностей. Его Исторія русской словесности отводитъ цѣлыхъ три страницы разбору ничтожной комедіи Княжнина «Чудаки» (томъ I, стр. 451—453), входитъ въ изложеніе общихъ началъ критики.... Измайлова (томъ II, 350) и даже находитъ нужнымъ принять на свои страницы курьезныя выходки этого баснописца, отличающіяся, по замѣчанію г. Галахова, «субъективнымъ элементомъ» (тамъ же, стр. 335—336). За то раскольничья литература XVII вѣка, русскія поученія Измарагда и Златоуста, въ ко-

торыхъ изслѣдователи успѣли уже указать черты нравовъ и вѣрованій древнѣйшей эпохи [1]), оставляются безъ разбора въ сочиненіи г. Галахова. Ничтожныя и мелочныя явленія новаго литературнаго періода часто выдвигаются въ разбираемой книгѣ на первый планъ, заслоняя произведенія болѣе важныя въ историко-литературномъ отношеніи. Г. Галаховъ останавливается напр. на разборѣ русскаго перевода (Жизнь моего отца 1795) одного изъ произведеній Ретифа-де-Ла Бремона, принадлежащаго къ тѣмъ французскимъ романистамъ XVIII вѣка, которые остались памятны своими фривольными, безнравственными романами (томъ II, 162), хотя самъ замѣчаетъ, что «нашему знакомству съ иностранными литературами нельзя начертать строго опредѣленный раціональный путь» (томъ I, 491). Литература Петровской эпохи и времени, непосредственно ей предшествовавшаго, представляющая неоспоримый исторический интересъ для изслѣдователя, въ книгѣ г. Галахова разработана гораздо менѣе, чѣмъ сочиненія Княжнина, Богдановича или пресловутая полемика Шишкова съ Карамзинистами (томъ II, 53—81). Эстетическая критика не любитъ заниматься литературною исторіею переходныхъ эпохъ. Въ книгѣ г. Галахова характеристика литературы царствованія Петра великаго отличается менѣе самостоятельною обработкою, чѣмъ литература позднѣйшаго времени; потому эта характеристика обнаруживаетъ тѣже недостатки, которые мы отмѣтили въ его исторіи древней русской словесности. Такъ, разсматривая нѣкоторыя явленія ученой и учебной литературы конца XVII, г. Галаховъ замѣчаетъ, что патріархъ Адріанъ, издавая *Православное исповѣданіе*, предпослалъ ему Увѣщаніе, имѣющее «цѣлію (по словамъ г. Галахова) внушить православнымъ довѣріе къ отеческимъ твореніямъ въ томъ видѣ, какой получили они въ новыхъ переводахъ съ греческаго, совершенныхъ въ періодѣ патріаршества, и преимущественно Славинецкимъ и Евеміемъ» (томъ I, стр. 240). Ничего подобнаго нѣтъ въ Увѣщаніи патр. Адріана: оно все направлено противъ своемыслія новыхъ людей. Оно указываетъ опасность «новому Израилю» не со стороны старовѣровъ (Адріанъ по своимъ понятіямъ самъ склонялся къ нимъ), а со стороны Лютеровъ и Кальвиновъ, «волковидно устремляющихся на православное стадо христовыхъ овецъ». Адріанъ обличаетъ не привязанность къ старымъ книгамъ, а лютеранскіе ка-

[1]) Описаніе слав. рукоп. московск. синод. библ. Отд. II, ч. 3, стр. II, 53 — 134.

тихизисы, напечатанные въ Несвижѣ и Стокгольмѣ: «сея убо ядовитыя многоглавныя гидры должно вамъ всячески опаснымъ быти и бѣгати», замѣчаетъ онъ. Удары автора посланія о небритіи бороды падаютъ на Латынниковъ, Лютеровъ и Кальвиновъ. Предлагая характеристику литературы Петровскаго времени, г. Галаховъ показываетъ намъ только одну ея сторону,—литературу печатную, болѣе или менѣе оффиціальную; мы не видимъ литературы противуположнаго лагеря, литературы старовѣрческой: историческая картина не представляетъ необходимой полноты. Мы видимъ снова однихъ «представителей» литературы и не знаемъ, что движется и глухо волнуется подъ поверхностію оффиціальной литературы, какія тетрадки и листы обносятся по рукамъ кромѣ книгъ, напечатанныхъ по Царскаго Величества указу. Петровская литература еще движется въ старой формѣ—въ формѣ болѣе рукописной, чѣмъ печатной. Совершенно справедливо замѣчаетъ г. Галаховъ, что «самъ Петръ и лучшіе умы его эпохи не успокоивались силою власти, которая могла безконтрольно приводить задуманныя мѣры въ исполненіе, не обращая вниманія на голоса, раздававшіеся внѣ и внутри Россіи, но старались оправдать эти мѣры путемъ печатнаго слова, дѣйствовать убѣжденіемъ, признавая за нимъ законную силу» (стр. 306). Но книга г. Галахова въ обзорѣ литературы Петровскаго времени именно не даетъ замѣтить того, кто стоялъ въ центрѣ ея, заправлялъ ею, кто самъ поправлялъ вѣдомости, церковныя службы, выбиралъ книги для перевода, писалъ программы для руководствъ, указывалъ идеи, которыя слѣдовало распространить путемъ печатнаго слова—т. е. самаго царя. Взглянемъ хотя на ту литературу, которая развилась въ теченіе великой сѣверной войны—на проповѣди, школьныя драмы, объясненія тріумфальныхъ вратъ, издававшіяся для всенароднаго множества, на первые опыты публицистики (въ родѣ Разсужденія о законныхъ причинахъ Шведской войны) даже эктеніи на супостатовъ, церковныя службы: какое единство мысли, направленія, даже образовъ! Чувствуешь, что сокровенныя нити всѣхъ этихъ произведеній сходятся въ твердыхъ рукахъ одного человѣка, глубоко убѣжденнаго въ правотѣ своего дѣла и не любящаго диссонансовъ. Интересы легкой, изящной литературы въ это время стоятъ на заднемъ планѣ, на первый выдвигаются учебныя руководства, переводы, брошюры по поводу современныхъ вопросовъ и событій, проповѣдь. Выставляя Ѳеофана «представителемъ собственно петровской литературы» (томъ I, стр. 296), г. Галаховъ мало удѣляетъ вниманія тѣмъ литературнымъ явле-

ніямъ, которыя окружали Ѳеофана Прокоповича и отчасти предшествовали его литературной карьерѣ. Литературная дѣятельность наставниковъ московской славяно греко-латинской академіи, распространявшая дорогія Петру мнѣнія политичныхъ народовъ, мало затронута въ разбираемомъ сочиненіи; на брошюры этихъ наставниковъ г. Галаховъ почти не обращаетъ вниманія. Лице даровитаго новгородскаго архіепископа какъ будто заслонило отъ г. Галахова литературныя произведенія «московскихъ новосіяющихъ Аѳинъ». Въ глазахъ автора разбираемой книги Ѳеофанъ является основателемъ особой школы церковнаго краснорѣчія (стр. 296). По словамъ г. Галахова, между частными недостатками русскихъ людей Ѳеофанъ поставилъ ненависть къ иноземцамъ единственно за то, что они иноземцы. «Проповѣдникъ долженъ былъ искоренять такую нетерпимость, свойственную грубымъ понятіямъ объ исключительной національности, но противную духу высшаго, просвѣтленнаго наукой человѣколюбія. Это правило служитъ новымъ знаменіемъ Петровой реформы: оно показываетъ въ Ѳеофанѣ передоваго дѣятеля той эпохи, когда, во мнѣніи большинства, иноязычіе не отличалось отъ иновѣрія, а иновѣріе отъ еретичества» (стр. 297). Г. Галаховъ говоритъ, что въ правилахъ, которыя Прокоповичъ далъ для проповѣдниковъ, выражается характеръ новой эпохи (стр. 296—297) и указываетъ на сторонниковъ убѣжденій Ѳеофана «между нѣкоторыми особами духовнаго чина» (стр. 300). Касаясь произведеній этихъ послѣдователей Ѳеофана, г. Галаховъ обращаетъ особенное вниманіе на господствующій въ нихъ духъ терпимости къ иностранному. Но этотъ духъ не съ Прокоповича ведетъ свою генеалогію. Указывая за тѣмъ, какъ Ѳеофанъ примѣнялъ свою новую теорію къ практикѣ, г. Галаховъ замѣчаетъ между прочимъ: «Примѣры живой связи съ современною дѣйствительностію представляютъ многія слова Ѳеофана.... Поѣздки Петра за границу и посылка тудаже молодыхъ дворянъ для науки возбуждали ропотъ многихъ, видѣвшихъ въ этомъ дѣлѣ нарушеніе церковнаго обычая: Ѳеофанъ, *по случаю возвращенія государя изъ чужихъ краевъ* (1717), произнесъ два слова, въ которыхъ объяснилъ законность и пользу путешествій для всѣхъ вообще, для правителей царства въ особенности» (стр. 299). Но брошюры петровскаго царствованія проводили тѣже сравненія между древнею и новою Россіею и тѣже идеи о пользѣ путешествій за границу и общенія съ западомъ, прежде чѣмъ Ѳеофанова звѣзда взошла на литературномъ горизонтѣ. Г. Галаховъ съ нѣкоторымъ пренебреже-

ніемъ говоритъ о тѣхъ произведеніяхъ петровской эпохи, которыя удерживали «духъ и форму XVII вѣка» (стр. 308—399). Между этими произведеніями онъ помѣщаетъ панегирики и хвалебные вирши, которые «тянутся по прямой линіи отъ стиховъ на гербъ, дедикацій книгъ и другихъ тому подобныхъ піэсъ XVII вѣка». «Торжественныя встрѣчи царственныхъ особъ (продолжаетъ г. Галаховъ), празднованіе побѣдъ, прославленіе сановниковъ, привѣтствія начальникамъ и разные другіе случаи давали поводъ къ сочиненію виршей.... Московская академія, слѣдуя кіевской, сочиняла канты, рацеи и діалоги на знатныя событія. Такъ она праздновала «Политиколѣпную апотеозисъ россійскаго Геркулеса, Петра I», по случаю полтавской битвы, или «преславной викторіи надъ химероподобными дивами—гордынею, неправдою и хищеніемъ свейскимъ» (стр. 309). Сдѣлаемъ прежде всего оговорку: «Политиколѣпная апотеозисъ» есть не иное что, какъ брошюра, напечатанная московскою академіею въ видѣ объясненія «Тріумфальныхъ вратъ», воздвигнутыхъ тоюже академіею по случаю полтавской побѣды. Это не канты, не рацеи, не діалогъ «на знатныя событія» и потому она даже *по формѣ* не можетъ быть отнесена къ «литературнымъ произведеніямъ въ духѣ и формѣ XVII вѣка»: обычай воздвигать торжественныя врата явился при Петрѣ. Теперь ознакомимся съ *духомъ* брошюры. На торжественныхъ вратахъ 1709 года московская славяно-греко-латинская академія не только развернула передъ всенароднымъ множествомъ полную (конечно тенденціозную) исторію войны свейской; но припомнила исторію россійскаго Геркулеса и его дѣяній отъ самой колыбели до незабвеннаго дня полтавской баталіи. Эти торжественныя врата, объясненныя довольно объемистою брошюрою «Политиколѣпная апотеозисъ», были не только апологіею реформы: они, по признанію «училищнаго собранія», представляли апотеозисъ Петра. Московская академія не только воздвигла архитектурное сооруженіе, исполненное единой мысли, обставленное замысловатыми притчами, сатирами, историческими картинами: въ объясненіе торжественныхъ вратъ она издала цѣлую, такъ сказать, поэму. «О Геркулесѣ повѣствуютъ, что онъ въ колыбели растерзалъ двухъ змѣй. Видѣла Россія начало царствія пресвѣтлѣйшаго Монарха нашего и ужаснулась смущенія, ненависти, бунту, наче Геркулесовыхъ зміевъ царство Его Величества заразившихъ и осквернившихъ. Но прехрабрый сей еще въ юности своей Геркулесъ дерзновенно растерзалъ ихъ, смиривъ и казнивъ крамольниковъ». Представивши картину дѣтскихъ потѣхъ

Петра, авторъ *Апотеозиса* переходитъ къ его путешествію (первому) за границу и между прочимъ такъ доказываетъ необходимость заграничныхъ путешествій и общенія съ другими странами: «Малодушныя и простолюдинныя души въ дому пребываютъ и привязаны къ своей землѣ. Земля между прочими стихіями самая нечистая и гнили подлежащая, зане пребываетъ на томъ же мѣстѣ, на немъже бысть создана. Воздухъ же, *движенія своего ради*, чистъ и легокъ. Вода такожде морская и озерная солона и гнила, рѣчная же и ключевая — самая чистая и здоровая. Такъ поистинѣ всякой доматоръ у политиковъ грубъ и посмѣянію достоинъ.... Почему благоразумный опасаться будетъ чуждыя посѣщати страны? Того ли токмо ради, что чужія государства токмо незнакомыя суть страны и привыкать къ нимъ трудно? *Но всякая земля человѣку разумному отечество есть*, всякъ воздухъ орлу есть проходимый. Если бъ кто, въ отечествѣ живучи, а не въ томъ дому, гдѣ родился, сѣтовалъ бы сего ради и сокрушался, — поистинѣ за полоумнаго и ничтожнаго былъ бы почитанъ. Убытокъ ли тя устрашаетъ и коштъ на путешествіе? Но, малоумный, возьми только приходныя и расходныя книги твои, по истинѣ увидишь, что многажды вдвое расходу нежели приходу.... Теляткомъ ты родился, *быкомъ вырастишь угодный для сохи и ярма, а не для политическихъ функцій*. Всякій благоразумный политикъ премудрость и искуство паче всѣхъ богатствъ почитаетъ.... Свѣтъ сей есть едина превеликая книга, на нейже Создатель неизреченныя премудрости своей вездесъ написалъ: на овой убо части сію, на овой — иную. Не всякая земля всѣ плоды приноситъ. Такъ и премудрый Создатель не всѣ искусства всякой землѣ далъ, но иной — то, другой — иное, да тако разсѣянныхъ человѣковъ приведетъ до *людскости* [1]), взаемныя знакомости и дружества исканіемъ сихъ, что иной имать, иной же не имать». Предоставляя г. Галахову оцѣнить *духъ* этихъ рѣчей, замѣтимъ, что они явились въ печати въ то время, когда Ѳеофанъ былъ еще въ Кіевѣ, когда онъ еще не успѣлъ придвинуться къ царю, и что эти рѣчи слышались изъ устъ наставниковъ московской академіи не въ первый разъ. Сосредоточивая свое вниманіе на однихъ такъ называемыхъ «представителяхъ» эпохи, игнорируя другія явленія петровской литературы, не вызываетъ ли противъ себя г. Галаховъ того же упрека, который онъ направляетъ на Исторію лите-

[1]) Если не ошибаемся, это многозначительное слово въ первый разъ появляется въ этой брошюрѣ.

ратуры Греча, говоря: «Не доказываетъ ли это, между прочимъ, что при распредѣленіи писателей по табели литературныхъ ранговъ обращалось большое вниманіе на предметы ихъ произведеній? и т. д.» (томъ II, стр. 217). Не замѣчая второстепенныхъ литературныхъ дѣятелей петровскаго времени, г. Галаховъ преувеличиваетъ историческую заслугу Ѳеофана Прокоповича, приписывая ему какой-то переворотъ въ теоріи церковнаго краснорѣчія. На самомъ дѣлѣ риторическія правила Ѳеофана, читанныя въ кіевской академіи, оставались вѣрны старой школьной риторикѣ; если что отличало риторическіе уроки Прокоповича отъ теоріи словесности прежнихъ наставниковъ, то лишь глубокая ненависть къ католицизму вообще и къ іезуитамъ въ особенности, которой онъ давалъ просторъ при изложеніи риторическихъ правилъ [1]). И на эту личную особенность Ѳеофана «Исторія русской словесности» должна бы была обратить вниманіе, потому что она служила источникомъ того «очищенія теологическихъ знаній» (стр. 295), которое, по словамъ г. Галахова, составляло заботу Петра. Отличіе «Перваго ученія отрокомъ» отъ прежнихъ азбукъ состоитъ не въ томъ только, что эта книга, «въ слѣдъ за азбукой, предлагаетъ не псалмы и молитвы, какъ это большею частію водилось, а толкованіе заповѣдей, молитвы господней».... (стр. 294); но главнымъ образомъ въ особомъ направленіи, близкомъ къ протестантскому. Антипатія къ католицизму и іезуитамъ, сближая Прокоповича съ Петромъ, отдѣляла его цѣлою пропастью отъ Стефана Яворскаго. Не можемъ согласиться съ мнѣніемъ г. Галахова, будто «большая часть словъ Яворскаго, не исключая даже тѣхъ, которыя написаны по поводу, современныхъ событій, представляютъ *мало слѣдовъ* живаго отношенія къ эпохѣ Петра»; будто «по нимъ трудно составить понятіе, какъ пастырь церкви смотрѣлъ на явленія новаго времени: признавалъ ли онъ ихъ разумными и необходимыми, или открывалъ въ нихъ противорѣчіе исконному характеру нашей образованности и народному духу» (стр. 302). Историческое изученіе напечатанныхъ и особенно рукописныхъ проповѣдей Яворскаго [2]), указанія,

---

[1]) См. *Труды кіевской духовной академіи* 1865 г., т. I, 614—637.

[2]) Многія изъ рукописныхъ проповѣдей Яворскаго изданы (по выходѣ въ свѣтъ книги г. Галахова) въ *Трудахъ кіевской духовной академіи*. Для исторіи литературы особенно важны свѣдѣнія о рукописныхъ проповѣдяхъ Яворскаго, обнародованныя въ статьѣ г. Чистовича *«Неизданныя проповѣди Стефана Яворскаго»* въ Христіанскомъ Чтеніи 1867 года.

сдѣланныя о нихъ въ шестомъ томѣ Исторіи царствованія Петра великаго Устрялова, ставятъ внѣ всякаго сомнѣнія отсталый, оппозиціонный характеръ дѣятельности Яворскаго, столь наклоннаго къ тому, что возбуждало горячія антипатіи Прокоповича. Сужденіе г. Галахова о «Камнѣ Вѣры» не имѣетъ рѣшительности и опредѣленности.

Вѣрный положеніямъ эстетической критики г. Галаховъ для каждаго царствованія выставляетъ литературнаго представителя. Онъ придаетъ этимъ представителямъ значеніе вождей общественной мысли, оставляя менѣе заслугъ на долю самаго общества. «Направлять ея (публики) вкусъ можетъ только поэтическій талантъ: только за нимъ идетъ она покорно до тѣхъ поръ, пока другой болѣе сильный талантъ не поведетъ ее въ другую сторону» (томъ II, стр. 174). Вслѣдствіе этого воззрѣнія изложеніе исторіи новой русской словесности получаетъ извѣстный порядокъ, симметрическое расположеніе: сначала разсматривается литературный «представитель» эпохи, за нимъ располагаются второстепенные литературные дѣятели. Приступая къ обозрѣнію литературы царствованія императора Александра I, г. Галаховъ замѣчаетъ: «Похвальное слово (Карамзина Екатеринѣ II) давало предвидѣть, что имя его автора пріобрѣтетъ такое же значеніе, какое Ломоносовъ и Державинъ имѣли по отношенію къ эпохамъ Елисаветы и Екатерины II» (томъ II, стр. 2). И *литературная* дѣятельность Карамзина, почти закончившаяся въ вѣкъ Екатерины II, излагается г. Галаховымъ подъ рубрикою: *Царствованіе Александра I.* Разбираемая книга какъ будто имѣетъ въ виду характеризовать не литературу извѣстной *эпохи*, а литературныя произведенія отдѣльнаго *лица*, насильственно выдвинутаго изъ того времени, которое его воспитало и которое окружало и опредѣляло его дѣятельность всею совокупностію своихъ духовныхъ стремленій и средствъ. Въ угоду симметріи, которую такъ уважала исторія литературы, построенная на началахъ эстетической критики, все то, что составляетъ историческій смыслъ литературной дѣятельности Карамзина, что отмѣтило чертами новаго литературнаго направленія послѣднюю четверть XVIII вѣка, переносится въ характеристику другаго царствованія и излагается внѣ связи съ тѣми условіями, которыми оно на самомъ дѣлѣ было окружено. Отъ такого перемѣщенія обзора жизни и литературной дѣятельности Карамзина утрачиваетъ свою полноту и характеристика литературы въ послѣднія десять лѣтъ царствованія Екатерины II, теряетъ цѣльность и очеркъ развитія личности и литературныхъ трудовъ самого Карамзина. Про-

изведенія, упрочившія за Карамзинымъ принадлежность къ опредѣленному литературному направленію, излагаются въ обзорѣ царствованія Александра I, когда успѣла уже обнаружиться реакція Карамзинскому направленію,—излагаются притомъ внѣ связи съ другими литературными явленіями одной съ ними эпохи. Съ другой стороны о переводахъ и сочиненіяхъ, въ которыхъ выразилась исторія развитія личности Карамзина, г Галаховъ уже долженъ былъ говорить въ обзорѣ литературы Екатерининскаго царствованія и потому, излагая «первый періодъ жизни и дѣятельности Карамзина», г. Галаховъ только отсылаетъ читателя своей книги къ тѣмъ страницамъ перваго тома, гдѣ нашли себѣ мѣсто замѣчанія о переводахъ Юлія Цезаря и Эмиліи Галотти (томъ II, стр. 5): объ этихъ произведеніяхъ Карамзина говорится прежде, чѣмъ изложена литературная дѣятельность Державина и Фонъ-Визина (томъ I, стр. 462). Съ характеристикою *Московскаго журнала* Карамзина читатель разбираемаго сочиненія знакомится въ первомъ томѣ *Исторіи русской словесности* (стр. 574), между тѣмъ какъ изложеніе біографіи Карамзина и развитія его литературной дѣятельности начинается лишь во второмъ томѣ. Между тѣмъ въ *Московскомъ журналѣ* явились *Письма русскаго путешественника*, и онъ былъ полнымъ выраженіемъ *литературнаго* направленія Карамзина. Такимъ образомъ изъ книги г. Галахова читатель не знакомится, такъ сказать, съ генезисомъ литературнаго явленія или даже направленія: оно (какъ въ данномъ случаѣ *Московскій журналъ*) разсматривается какъ нѣчто готовое, неизвѣстно чѣмъ вызванное къ жизни. Признавая «дѣйствительность вліянія, произведеннаго на Карамзина обществомъ Новикова», г. Галаховъ тѣмъ не менѣе отрываетъ Карамзина отъ того просвѣтительнаго литературнаго движенія, которое шло отъ московскихъ масоновъ Екатерининскаго времени, отъ Дружескаго Ученаго Общества и Компаніи типографической. По видимому, онъ мало приписываетъ Новиковскому кружку вліянія на литературу, замѣчая, что «литература служила не *главнымъ* предметомъ его занятій, а *только средствомъ* для распространенія мистико-масонскихъ идей» (томъ I, стр. 572). На филологическую семинарію Шварца г. Галаховъ также смотритъ, только какъ на разсадникъ масонскихъ идей (часть II, стр. 386), забывая, что извѣстныя «бесѣды» Шварца, излагавшія теософію, были читаны не въ филологической семинаріи и что послѣдняя (по свидѣтельству самого Шварца) не была органомъ масонскихъ идей. Довольно впрочемъ проглядѣть длинный списокъ

изданій Новиковскаго кружка, чтобы убѣдиться, что количество чисто масонскихъ книгъ, къ тому же распространявшихся большею частію между членами ложи, составляетъ среди нихъ ничтожный процентъ. Для Новикова литература всегда была главнымъ предметомъ занятій и тотъ планъ частнаго общества для развитія литературы и просвѣщенія, который осуществленъ былъ Дружескимъ Обществомъ и Компаніею Типографическою, былъ вполнѣ обдуманъ еще въ Петербургѣ въ 1772 году, когда Новиковъ стоялъ внѣ всякаго вліянія масоновъ. Мы не видимъ преувеличенія въ слѣдующихъ словахъ Тимковскаго, бывшаго свидѣтелемъ того литературнаго движенія, во главѣ котораго стоялъ Новиковъ съ своимъ кружкомъ: «Стоитъ составить по годамъ рациональный каталогъ всѣхъ изданныхъ Компаніею Новикова трудовъ, сочиненій, переводовъ, эфемеридъ, чтобъ увидѣть, какое обдуманное движеніе было дано литературѣ, слогу и слову. Это настоящая съ тѣмъ именемъ эпоха преобразованія языка, *невѣдущими относимая на одно лицо* Карамзина, который былъ тамъ молодымъ сотрудникомъ» [1]). Задавшись мыслію, что для Новиковскаго кружка литература была только средствомъ для выраженія масонскихъ идей, г. Галаховъ ограничилъ довольно узкими предѣлами нравственное и литературное вліяніе Новиковскаго кружка на Карамзина, хотя ближайшее къ послѣднему лицо (Дмитріевъ) убѣдительно свидѣтельствуетъ, что «въ Дружескомъ Обществѣ началось образованіе Карамзина не только *авторское*, но и нравственное». То *литературное* направленіе, которое вынесъ изъ этого кружка Карамзинъ, осталось за нимъ и онъ никогда не былъ «отщепенцемъ» масонства, потому что никогда не былъ и масономъ (томъ II, стр. 5). Вглядѣвшись пристально въ литературные труды друга Карамзина Петрова, воспитаннаго Дружескимъ Обществомъ (къ сожалѣнію не процитованные въ разбираемой книгѣ, томъ II, стр. 3 и 117), г. Галаховъ нашелъ бы въ нихъ не одинъ переводъ мистической повѣсти, но и такой обширный трудъ, какова переведенная имъ книга «Учитель или всеобщая система воспитанія»,—а эта книга, вмѣстѣ съ письмами Петрова къ Карамзину, дала бы г. Галахову возможность ближе ознакомиться съ педагогическимъ и литературнымъ направленіемъ Дружескаго Общества и вѣрнѣе оцѣнить вліяніе Петрова на Карамзина. Живое художественное чувство этого молодаго словесника воспитано было греческими классиками;

[1]) Воспоминанія Тимковскаго въ Москвитянинѣ 1851 г. № 9 и 10, стр 41.

правильныя трагедіи Лессинга нравились ему болѣе Шекспира. «Говорятъ (пишетъ онъ Карамзину), что Шекспиръ былъ величайшій геній; но я не знаю, для чего его трагедіи не такъ мнѣ нравятся, какъ Эмилія Галотти. Можетъ быть, (заключаетъ Петровъ свое письмо) я уже наскучилъ тебѣ худымъ выраженіемъ незрѣлыхъ мыслей, я хотѣлъ только сказать, что *правила* кажутся мнѣ нужными». Эти литературныя правила Карамзинъ принялъ отъ Петрова. «Въ церкви св. Андрея (пишетъ Карамзинъ) сооруженъ памятникъ аббату Баттé. *наставнику авторовъ*, котораго за два года передъ симъ читалъ я съ любезнымъ Петровымъ, вникая въ истину его правилъ и *разбирая красоты его примѣровъ*». Сблизимъ послѣднюю фразу съ тѣми наставленіями, которыя предлагаетъ *Учитель* относительно преподаванія теоріи поэзіи: «Надлежитъ, взявъ хорошіе образцы, изъяснять въ нихъ темы, показывать связь и порядокъ мыслей, всякія красоты, присовокупляя къ тому всегда *правила* почти такимъ же образомъ, какъ сталъ бы изъяснять латинскаго писателя хорошій учитель, разумѣющій болѣе нежели одинъ языкъ. Симъ образомъ ученикъ не только получитъ чувствованіе прекраснаго, но пріобрѣтетъ также довольное число правилъ, кои, *извлечены будучи изъ примѣровъ*, покажутся ему яснымп, удобными и глубже впечатлѣнными въ его разумѣ». Приводя изученія Карамзина въ связь съ педагогическими началами *Учителя*, мы имѣли въ виду дополнить указаніе г. Галахова: «наставленіямъ Петрова, его разборчивому вкусу Карамзинъ былъ обязанъ развитіемъ чувства изящнаго» (стр. 3). Петровъ обращалъ Карамзина къ странѣ гуманизма, къ литературѣ нѣмецкой и особенно Лессингу. Не можемъ согласиться съ г. Галаховымъ, что «литература Франціи и Англіи оказала на Карамзина преобладающее вліяніе, а Германія оставалась на заднемъ планѣ» (томъ II, стр. 18). Не одни переводы Карамзина, *Письма русскаго путешественника* доказываютъ противное. Примѣчанія Карамзина къ поэмѣ Галлера *О происхожденіи зла* свидѣтельствуютъ о силѣ вліянія на Карамзина піэтистической литературы нѣмецкой. Въ лицѣ Ленца передъ нимъ прошелъ представитель бурнаго періода нѣмецкой литературы, и г. Галаховъ не доказалъ, что воззрѣнія Ленца на Шекспира и на ложность началъ французской трагедіи прошли безслѣдными для Карамзина. Мы думаемъ, что космополитическая точка зрѣнія Карамзина на отношеніе народнаго къ общечеловѣческому опредѣлялась тѣмъ кругомъ идей, тѣми началами, которые онъ нашелъ среди московскихъ масоновъ. Къ сожалѣнію, г. Галаховъ указываетъ въ Но-

виковскомъ обществѣ лишь «одностороннее направленіе» (томъ I, стр. 572), мало отдавая мѣста изученію тѣхъ произведеній, въ которыхъ выразилась сущность стремленій Екатерининскихъ масоновъ, и не указывая того идеала, которому они служили и который не остался безплоднымъ для развитія въ русскомъ обществѣ началъ гуманности и терпимости. Московскихъ масоновъ Екатерининскаго времени г. Галаховъ не отличаетъ отъ масоновъ Александровской эпохи. Для характеристики статутовъ Екатерининскихъ масоновъ г. Галаховъ обращается къ Уложенію великой масонской ложи Астреи *1815 года* (томъ II, стр. 26), а не къ *Карманной книжкѣ для вольныхъ каменщиковъ*, не къ *Духу масонства*, не къ *Cathéchisme moral* Лопухина, въ которыхъ г. Галаховъ нашелъ бы полное изложеніе взглядовъ Новиковскаго кружка на масонскія обязанности его членовъ. Съ другой стороны, характеризуя мистическую литературу царствованія Александра I, г. Галаховъ подробно разбираетъ поэму «Владиміръ» московскаго масона—Хераскова (1785 года), комментируя впрочемъ эту поэму книгою Дю-Туа (пер. 1815 г.), а не масонскою литературою Екатерининскаго царствованія.

Вообще расположеніе историко-литературнаго матеріала въ книгѣ г. Галахова не отличается системою и опредѣленностію: литературныя произведенія одной эпохи переносятся въ другую; одно и тоже повторяется въ разныхъ мѣстахъ книги. Такъ обзоръ романовъ Екатерининскаго царствованія помѣщенъ въ очеркѣ романовъ эпохи Александра I (томъ II, стр 185); повѣсть Хераскова «Царь или спасенный Новгородъ» (1800 г.), изображающая «ужасы безначалія, бѣшенство мнимой свободы и безумное алканіе равенства» и, по замѣчанію г. Галахова, «не чуждая указаній на тѣ предметы, которые въ періодъ двухъ царствованій (Екатерины и *Павла*) интересовали вниманіе образованнаго класса», разсматривается подъ рубрикою «царствованіе Екатерины II» (томъ I, стр. 472); трагедіи Сумарокова разбираются въ обзорѣ литературы царствованія Елизаветы Петровны, хотя самъ г. Галаховъ замѣчаетъ, что «по историческому своему значенію, трагедіи Сумарокова относятся ко времени Екатерины II, въ которое протекла вторая половина его авторской дѣятельности» (томъ I, стр. 372) и хотя авторъ разбираемой книги указываетъ въ этихъ трагедіяхъ отраженіе понятій, распространявшихся въ Екатерининскую эпоху. «Россійскій Жилблазъ» Нарѣжнаго, осмѣивающій, по словамъ г. Галахова, «масонскій мистицизмъ, господствовавшій у насъ почти

все время царствованія Александра I» (томъ I, 180), разсматривается прежде, чѣмъ объяснено было развитіе масонства при императорѣ Александрѣ I и причины, его вызвавшія. Г. Галаховъ самъ сознается, что иногда «забѣгаетъ нѣсколько впередъ» (томъ I, стр. 195). Вслѣдствіе запутаннаго расположенія матеріала встрѣчаются не рѣдко повторенія одного и того же. Такъ, о духовныхъ стихотвореніяхъ Глинки говорится два раза (томъ II, стр. 155 и 446); отзывъ Мерзлякова о *Мельникѣ* Аблесимова повторенъ не одинъ разъ (томъ II, стр. 266, 357). Иногда самъ г. Галаховъ дѣлаетъ оговорку, что не считаетъ нужнымъ держаться хронологическаго порядка въ изложеніи, разбирая напр. въ слѣдъ за переводомъ Иліады Гнѣдича—переводъ Одиссеи, сдѣланный Жуковскимъ (томъ II, стр. 275) и даже находя нужнымъ подвергнуть критикѣ попытку г. Ордынскаго перевести Иліаду простонароднымъ языкомъ (стр. 278). Такимъ образомъ исторія новой русской словесности въ книгѣ г. Галахова получаетъ видъ сборника журнальныхъ критическихъ статей о различныхъ явленіяхъ русской литературы текущаго столѣтія, часто раздѣленныхъ другъ отъ друга временемъ, различіемъ ученыхъ и литературныхъ направленій, общественныхъ условій. Въ этомъ способѣ изложенія историко-литературныхъ фактовъ ясно выражается вѣрность г. Галахова началамъ и методѣ эстетической критики.... Разсматривая литературное произведеніе, какъ фактъ совершившійся, внѣ связи съ временемъ и обществомъ, среди коихъ оно явилось, г. Галаховъ группируетъ литературныя явленія по тѣмъ родамъ поэзіи или прозы, къ которымъ они относятся, сводя подъ одну рубрику однородныя произведенія различныхъ литературныхъ эпохъ и направленій. Такъ подъ рубрикою «знакомство съ древне-классическою поэзіею» въ царствованіе Александра I разбираются подражанія и переводы Мерзлякова, труды Муравьева-Апостола, Гнѣдича, графа Уварова, Жуковскаго, Ордынскаго. На оборотъ, историческія событія, производившія глубокую перемѣну въ направленіи литературы, въ общественномъ сознаніи, какъ напр. войны съ Наполеономъ, не выдвигаются на подобающее имъ мѣсто въ «Исторіи русской словесности» и поднятіе народнаго сознанія, ими произведенное и столь рѣзко отмѣчающее литературное направленіе Александровскаго царствованія, не слѣдится разбираемою книгою. Между тѣмъ не здѣсь ли ключъ къ объясненію комедій и нѣкоторыхъ басенъ Крылова или такого характеристическаго произведенія, каковы *Письма* Муравьева-Апостола изъ Москвы въ Ниж-

ній Новгородъ (томъ II, стр. 262—267)? Сходство многихъ главъ въ Исторіи русской словесности съ журнальными критическими статьями увеличивается тою полемикою, которую г. Галаховъ вводитъ въ свое изложеніе. Опроверженіе взглядовъ г. Бунакова на педагогическое значеніе басенъ Крылова, по нашему мнѣнію, не представляется нужнымъ въ Исторіи русской словесности (томъ II, стр. 318 и 328). Полемическому элементу г. Галаховъ довольно далъ мѣста въ своей книгѣ при характеристикѣ Карамзина (томъ II, стр. 37, 90—91, 96), Жуковскаго (тамъ же, стр. 245), Крылова—въ ущербъ прагматизму историческаго изложенія. Наконецъ характеристики нѣкоторыхъ второстепенныхъ писателей (Княжнина, Богдановича, Измайлова) получаютъ въ книгѣ г. Галахова совершенно случайно болѣе широкій объемъ, чѣмъ бы слѣдовало,—потому что авторъ воспроизводитъ въ «Исторіи русской словесности» свои журнальныя статьи объ этихъ писателяхъ (съ незначительными сокращеніями).

Исторія русской литературы XVIII вѣка и частію текущаго столѣтія требуетъ сравнительнаго изученія ея въ связи съ явленіями тѣхъ европейскихъ литературъ, которыя оказали сильное вліяніе на нашу. Разбираемое сочиненіе лишь въ довольно слабой степени удовлетворяетъ этому требованію. Если для опредѣленія византійскаго вліянія на допетровскую литературу г. Галаховъ обратился къ книгѣ Бернгарди, то для объясненія вліянія философскаго вѣка на просвѣщеніе и литературу русскую въ XVIII столѣтіи онъ руководствуется извѣстною *Исторіею литературы восемнадцатаго столѣтія Геттнера*, извлекая изъ нея «очеркъ такъ называемой просвѣтительной науки и литературы въ Англіи и Франціи» (томъ I, (стр. 391 — 399). Но этотъ очеркъ недостаточенъ для объясненія важнѣйшихъ явленій русской литературы XVIII вѣка; они нуждаются въ прямомъ сравнительномъ изученіи съ литературными произведеніями западныхъ литературъ. Такъ напр. г. Галаховъ утверждаетъ, что риторика Ломоносова составлена по схоластическимъ учебникамъ, принявшимъ въ основаніе Аристотеля и Квинтиліана (томъ I, стр. 356). Справедливѣе было бы сказать, что свою теорію краснорѣчія Ломоносовъ основалъ на ученіи Готшеда, изъ Ausführliche Redekunst котораго онъ дословно заимствовалъ не только многія правила, но и примѣры. Можетъ быть также, что при ближайшемъ знакомствѣ съ сочиненіями Гюнтера, г. Галаховъ не повторилъ бы избитаго извѣстія, что «Ода *на взятіе Хотина* заключаетъ въ себѣ нѣсколько мѣстъ, написанныхъ въ подражаніе

Гюнтеру (томъ I, стр. 360). Начало сантиментальности въ литературѣ г. Галаховъ ведетъ отъ Ричардсона (томъ II, стр. 13); Карамзинъ и историки англійской литературы съ большимъ основаніемъ возводятъ его къ Томсону [1]).

Указанныя нами слабыя стороны Исторіи русской словесности г. Галахова объясняются состояніемъ источниковъ и пособій, которыми могъ руководствоваться авторъ разбираемой книги, поставивши себѣ задачею — «воспользоваться наличнымъ матеріаломъ историко-литературныхъ изслѣдованій, необходимыхъ для соотвѣтственнаго имъ, возможно-полнаго изложенія той науки, которая служитъ его предметомъ». Изученіе древней русской литературы по рукописямъ, по источникамъ большею частію неизданнымъ, сопряжено въ настоящее время съ необыкновенными затрудненіями. Масса безличныхъ литературныхъ произведеній древней Россіи, привлекая къ себѣ интересъ изслѣдователя, представляетъ пока поле, почти нетронутое исторической критикою Митр. Евгеній и арх. Филаретъ исполнили часть черновой, приготовительной работы для изученія тѣхъ произведеній, которыя носятъ на себѣ имя извѣстнаго писателя; но за длиннымъ рядомъ духовныхъ писателей древней Россіи поднимается литература безъименная, тянутся памятники, не удержавшіе на себѣ именъ своихъ творцовъ, и тѣмъ не менѣе составляющіе существенное достояніе нашей литературной исторіи. Для объясненія этой обширной массы литературныхъ памятниковъ древней Россіи сдѣлано пока немного; нѣтъ даже такихъ систематическихъ указателей, какіе для духовныхъ писателей имѣемъ въ Словарѣ русскихъ писателей Евгенія и въ Обзорѣ духовной литературы Филарета. Бѣдность подготовительныхъ работъ по исторіи древней русской словесности такъ поразительна, что пр. Филаретъ высказалъ даже мысль, что для составленія подробной исторіи русской духовной литературы не настало пока время: «не достаетъ еще многихъ данныхъ». Г. Галаховъ задачею своего руководства поставилъ воспользоваться лишь готовымъ матеріаломъ историко-литературныхъ изслѣдованій, и исполнилъ эту задачу съ необыкновенною добросовѣстностію. Въ сочиненіи г. Галахова существенные результаты историко-литературныхъ изслѣдованій сведены довольно полно и обстоятельно. Авторъ не щадилъ ни времени, ни труда, чтобы доставить своему сочиненію возможную полноту. Библіографическая сторона книги обработана очень тщательно и осторожно. По богатству ука-

[1]) Taine, Histoire de la littérature anglaise III, 405.

заній на литературныя пособія при изученіи русской литературной исторіи сочиненіе г. Галахова сдѣлалось настольною справочною книгою для всѣхъ, занимающихся исторіею нашей литературы. Отказываясь въ исторіи древней русской словесности отъ самостоятельнаго изученія ея памятниковъ, г. Галаховъ во второй, обширнѣйшей части своего сочиненія, посвященной новому періоду русской литературы, предлагаетъ результаты своихъ многолѣтнихъ историко-литературныхъ изслѣдованій. По широтѣ объема, по богатству содержанія эта часть книги г. Галахова далеко оставляетъ за собою всѣ попытки составить учебное руководство по исторіи русской литературы. Эта обширнѣйшая по объему часть Исторіи русской словесности имѣетъ всѣ права на титулъ самостоятельнаго ученаго изслѣдованія. При совершенномъ отсутствіи ученыхъ критическихъ изданій нашихъ писателей (за исключеніемъ развѣ Державина и Хемницера) г. Галахову нужно было принять на себя не мало подготовительныхъ, черновыхъ работъ для того, чтобы представить намъ историческія судьбы нашей новой литературы въ той полнотѣ, которая отличаетъ его книгу. Разборъ эпической поэмы Хераскова *Владиміръ* (часть II, стр. 438—443) представляетъ образецъ того коментарія, въ которомъ нуждаются произведенія нашихъ старыхъ писателей. Подобные коментаріи и критическія изданія русскихъ авторовъ значительно облегчаютъ трудъ изслѣдователей исторіи литературы; но пока такихъ изданій нѣтъ, и г. Галаховъ долженъ былъ принять на себя не легкій трудъ опредѣлять даже хронологическую послѣдовательность сочиненій извѣстнѣйшихъ русскихъ писателей. Значительные промежутки между выходомъ трехъ выпусковъ разобраннаго сочиненія свидѣтельствуютъ о тѣхъ трудностяхъ, которыя долженъ былъ преодолѣть г. Галаховъ при составленіи своей книги. Хронологическіе перечни произведеній Ломоносова, Сумарокова, Фонъ-Визина, Карамзина, Жуковскаго и многихъ другихъ отличаются строгою точностію, библіографическія указанія — полнотою и самостоятельностію: безъ провѣрки г. Галаховъ не повторяетъ чужихъ указаній. По предмету избранной спеціальности разсмотрѣнное сочиненіе является первымъ ученымъ трудомъ, излагающимъ историческія судьбы русской литературы отъ ея начала до ближайшаго къ намъ времени. Особенную цѣнность придаютъ сочиненію г. Галахова тѣ горячія симпатіи автора успѣхамъ русской литературы и просвѣщенія, которыми проникнута книга и которыя сообщаются читателямъ; въ повѣствователѣ минувшихъ судебъ русской словесности

чувствуется писатель съ образованнымъ вкусомъ, воспитанный благородными преданіями нашей литературной критики.

Смѣю думать, что, увѣнчавши Исторію русской словесности г. Галахова одною изъ Уваровскихъ премій, Академія почтитъ въ этомъ трудѣ какъ его несомнѣнныя ученыя достоинства, такъ и продолжительную критическую и литературную дѣятельность автора, результаты которой отчасти внесены въ разобранное сочиненіе.

БИБЛІОТЕКА
КОМИТ. СТАТИСТИКИ
АКАДЕМІИ.